

АРАБЕСКИ.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Н. ГОГОЛЯ.

—
Часть первая.
—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1835.

Slav. Lib.
97-312
Angelski
Digitized by Google

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Я Е Т С Я :
с ъ т ѣ м ѣ , ч т о б ы о т п е ч а т а н і и п р е д с т а в л е н ы б ы-
л и п р и э к з е м п л я р а в ѣ Ц е н с у р н ы й К о м и т е т ь .
С . П е т е р б у р г ѣ . 10 Н о я б р я 1834 .

Ценсоръ В. Семеновъ.

Собрание это составляют піэсы писанныя мною въ разные времена, въ разныя эпохи моей жизни. Я не писалъ ихъ по заказу. Они высказывались отъ души и предметомъ избиралъ я полько то, что сильно меня поражало. Между ними читатели безъ сомнѣнія найдутъ много молодого. Признаюсь нѣкоторыхъ піэсъ я бы можешъ быть недопустилъ вовсе въ это собраніе, если бы издавалъ его годомъ прежде, когда я былъ болѣе строгъ къ своимъ старымъ трудамъ. Но вмѣсто того, чтобы строго судить свое *прошедшее*, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ *настоящимъ*. Истребляшь прежде написанное нами, кажется также несправедливо, какъ позабывашъ ми-

нувшіе дни своей юности. Припомъ если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ, три еще несказанныя истины, то уже авторъ не вправѣ скрывать его ошъ читателя и за двѣ шри вѣрныя мысли можно простишь несовершенство цѣлаго.

Я долженъ сказать о самомъ изданіи: когда я прочиталъ отпечатанные листы меня самого испугали во многихъ мѣстахъ неисправности въ слогѣ, излишности и пропуски, произшедшіе ошъ моей неосмотрительности. Но недосугъ и обспоятельства, иногда не очень пріятныя, не позволяли мнѣ пересматривать спокойно и внимашельно свои рукописи и потому смѣю надѣяться, что читатели великодушно извиняшъ меня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

=

	Стран.
СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА	4.
О СРЕДНИХЪ ВѢКАХЪ	15.
ГЛАВА ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА	41.
О ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ	65.
ПОРТРЕТЪ, ПОВѢСТЬ	97.
ВЗГЛЯДЪ НА МАЛОРОССІЮ	187.
НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПУШКИНѢ	211.
ОВЪ АРХИТЕКТУРѢ	227.
АЛ-МАМУНЪ	273.

**СКУЛЬПТУРА,
ЖИВОПИСЬ и МУЗЫКА.**

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ и МУЗЫКА.

Благодарность зиждипелю Міріадъ за благоспъ и соспрананіе къ людямъ! Три чудныя сестры посланы имъ украситъ и усладитъ міръ: безъ нихъ онъ бы былъ пуспыня и безъ пвнія капился бы по своему пуши. Дружитъ, союзнѣ сдвинемъ наши желанія и первый кубокъ за здравіе скульптуры!

Чувственная, прекрасная, она прежде всего посыпила землю. Она мгновенное явленіе. Она оспавшійся слѣдъ пого народа, копорый весь заключилъ въ ней, со всемъ своимъ духомъ и жизнію. Она ясный призракъ пого свѣплаго, Греческаго міра, копорый ушелъ опъ насъ въ глубокое удаленіе въковъ, скрылся уже шуманомъ и до копораго достигается одна шолько мысль поэта. Міръ увишый виноградными гроздіями и ма-сличными лозами, гармоническимъ вымы-словъ и роскошнымъ язычесповомъ; міръ, несущійся въ спройной пляскѣ, при звукѣ шимпановъ, въ порывѣ Вакхическихъ дви-женій, гдѣ чувство красопы проникло всюду: въ хижину бѣдняка, подъ вѣпви пла-шана, подъ мраморъ колонъ, на площадь кипящую живымъ своенравнымъ народомъ, въ рельефъ украшающій чашу пиршества, изображающій всю вьющуюся вереницу гра-ціозной мифологii, гдѣ изъ пѣны волнъ спы-дливо выходипъ богиня красопы, пришо-ны несущся ударя въ ладони, Посейдонъ выходипъ изъ глубины своей прекрасной сшихи серебрянный и бѣлый; міръ, гдѣ вся религiiя заключилась въ красопѣ, въ красопѣ челоувческой, въ богоподобной красопѣ

женщины; — эпошъ мѣръ весь оспался въ ней, въ эпошъ нѣжной скульптурѣ; ничшо кромѣ ея не могло шакъ живо выразить его свѣтлое существованіе. Бѣлая, млечная, дышущая въ прозрачномъ мраморѣ, красошю, нѣгой и сладоспрасшіемъ, она сохранила одну идею, одну мысль: красошу, гордую красошу челошѣка. Въ какомъ бы ни было пылу спрасши, въ какомъ бы ни было сильномъ порывѣ, но всегда въ ней челошѣкъ являешся прекраснымъ, гордымъ и вольно спановишся аплешическимъ, свободнымъ своимъ положеніемъ. Все въ ней слилось въ красошу и чувспвенность: съ ея спрадающими группами не сливаешся спрадающей вопль сердца, но можно сказашь наслаждаешся самымъ ихъ спраданиемъ; шакъ чувспво красошы пласшической, спокойной пересиливаешся въ ней спремленіе духа! Она никогда невыражала долгаго глубокаго чувспва, она создавала шолько быспрыя движенія: свирѣпый гнѣвъ, мгновенный вопль спраданиа, ужась, испугъ при внезапности, слезы, гордоспъ и презрѣніе и наконецъ красошу, погруженную саму въ себя. Она обращаешся всѣ чувспва зришеля въ одно наслажденіе, въ наслажденіе спокойное, ведущее

за собою пѣгу и самодовольство языческаго міра. Въ ней нѣтъ пѣхъ шайныхъ, безпредѣльныхъ чувствъ, копорые влекутъ за собою безконечные мечпанія. Въ ней не прочишаешь всей долгой, исполненной поспрясеній и перевороповъ жизни. Она прекрасна, мгновенна, какъ красавица, глянувшая въ зеркало, усмѣхнувшаяся видя свое изображеніе и уже бѣгущая, влача съ поржествомъ за собою толпу гордыхъ юношей. Она очаровашельна, какъ жизнь, какъ міръ, какъ чувственна красота, копорой она служишь олшаремъ. Она родилась вмѣстѣ съ языческимъ. ясно образовавшимся міромъ, выразила его — и умерла вмѣстѣ съ нимъ. Напрасно хотѣли изобразишь ею высокія явленія Христіанства, она пакже опдѣлялась отъ него, какъ самая языческая въра. Никогда возвышенныя, спремисельныя мысли не могли улечься на ея мраморной сладоспращной наружности. Они поглощались въ ней чувственностью.

Не шаковы двѣ сеспры ея живопись и музыка, копорыхъ Христіанство воздвигнуло изъ ничпожества и превращило въ исполнское. Его порывомъ они развились и испюргнулись изъ границъ чувственного міра.

Мнѣ жаль моей мраморно-облачной скульптуры! Но... свѣплѣ сій покая мой въ моей смиренной кельѣ и да здравствуетъ живопись! Возвышенная, прекрасная, какъ осень въ богатомъ своемъ убранствѣ мелькающая сквозь переплетъ окна увишаго виноградомъ, смиренная и обширная какъ вселенная, яркая музыка очей — ты прекрасна! Никогда скульптура не смѣла выразить своихъ небесныхъ опкровеній. Никогда не были разлиты по ней тѣ понкія, тѣ паинспвенно-земныя черты, вглядываясь въ которыя слышишь какъ наполняешь душу, небо и чувствуешь невыразимое. Вошь мелькающъ, какъ въ облачномъ шуманѣ длинныя галереи, гдѣ изъ спаринныхъ, позолоченныхъ рамъ выказываешь ты себя живую и пемную опъ неумолимаго времени, и передъ побою споишь, сложивши на креслѣ руки, безмолвный зришель; и уже нѣтъ въ его лицѣ наслажденія, взоръ его дышетъ наслажденіемъ не здѣшнимъ. Ты не была выраженіемъ жизни какой нибудь націи; нѣтъ, ты была выше: ты была выраженіемъ всего шого, что имѣешь паинспвенно-высокій міръ Христіанскій. Взгляните на нее задумчивую, опустившую на руку прекрасную

свою голову: какъ вдохновененъ и дологъ ясный взоръ ея! Она не схватываетъ одного только быстрого мгновенья, какое выражаетъ мраморъ; она лишь это мгновение, она продолжаетъ жизнь за границы чувственного, она похищаетъ явленія изъ другого безграничнаго міра, для названія короткихъ нѣшъ словъ. Все неопредѣленное, что не въ силахъ выразить мраморъ, разсѣкаемый могучимъ молотомъ скульптора, опредѣляется вдохновенною ея кистью. Она также выражаетъ спраши понятныя всякому, но чувственность уже не такъ властвуетъ въ нихъ; духовное невольно проникаетъ все. Спраданіе выражается живѣе и вызываетъ соспраданіе и вся она пребываетъ сочувствія, а не наслажденія. Она беретъ уже не одного человѣка, ея границы ширѣ: она заключаетъ въ себя весь міръ, всѣ прекрасныя явленія, окружающіе человека въ ея власти; вся шайная гармонія и связь человека съ природою въ ней одной. Она соединяетъ чувственное съ духовнымъ.

Но сильнѣе шипи шрепій покаръ мои! Ярче сверкай и брызгай по золошымъ краямъ его звонкая пѣна, — шы сверкаешь въ честь музыки. Она воспорженнѣе, она шреми-

пельные обѣихъ сесперъ своихъ. Она вся порывъ; она вдругъ за однимъ разомъ отрываетъ человѣка отъ земли его, оглушаетъ его громомъ могущихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой мѣръ. Она власнишельно ударяетъ, какъ по клавишамъ, по его нервамъ, по всему его существованію и обращаетъ его въ одинъ шрепешъ. Онъ уже не наслаждается, онъ не соспраждаетъ, онъ самъ превращается въ спраданіе; душа его не созерцаетъ непоспизимаго явленія, но сама живетъ, живетъ своею жизнію, живетъ порывно, сокрушительно, мяшежно. Невидимая, сладкогласная она проникла весь мѣръ, развилась и дышетъ въ тысячи разныхъ образовъ. Она шомишельна и мяшежна; но могущественнѣй и воспорженнѣй подъ безконечными, шемными сводами кашедраля, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни модельщиковъ спремишъ она въ одно согласное движеніе, обнажаетъ до глубины сердечныя ихъ помышленія, кружитъ и шесется съ ними горъ, оставля послѣ себя долгое безмолвіе и долго исчезающій звукъ шрепещущій въ углубленіи оспроконечной башни.

Какъ сравнить васъ между собою при прекрасныя царицы міра? Чувствительная, плънишельная скульпшура внушаетъ наслажденіе, живопись стихой воспоргъ и мечпаніе, музыка спрасть и смяшеніе души; разсмапривая мраморное произведеніе скульпшуры, духъ невольно погружается въ упоеніе. Разсмапривая произведеніе живописи, онъ превращается въ созерцаніе; слыша музыку, въ болъзненный вопль, какъ бы душею овладѣло шолько одно желаніе вырваться изъ шѣла. Она наша! она принадлежность новаго міра! Она оспалась намъ, когда оспавили насъ и скульпшура и живопись и зодчештво. Никогда не жаждали мы пакъ порывовъ, воздвигающихъ духъ, какъ въ нынѣшнее время, когда наспушаетъ на насъ и давить вся дробъ прихотей и наслажденій, надъ выдумками копорыхъ ломаетъ годову нашъ XIX вѣкъ. Все соспавляетъ заговоръ прошивъ насъ; вся эша соблазнишельная цѣпь ушонченныхъ изобрѣшеній роскоши сильнѣе и сильнѣе порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждемъ спасши нашу бѣдную душу, убѣжашъ опъ эшихъ спрашныхъ оболъспителей и бросились въ музыку.

О будь же нашимъ хранителемъ, спасителемъ музыка! Не оставляй насъ! буди чаще наши меркантильные души! ударяй рѣзче своими звуками по дремлющимъ нашимъ чувствамъ! Волнуй, разрывай ихъ, и гони хопя на мгновение эпохъ холодноужасный эгоизмъ, сисящійся овладѣть нашимъ міромъ. Пусть при могущественномъ ударѣ смычка своего, смященная душа грабителя почувствуетъ хопя на мигъ угрызѣніе совѣсти, спекуляторъ расперяетъ свои расчески, безстыдство и наглость невольно выронитъ слезу предъ созданіемъ паланпа. О не оставляй насъ божество наше! Великій Зидитель міра повергъ насъ въ нѣмбующее безмолвіе, своею глубокою мудростью: Дикому, еще неразвернувшемуся человѣку, онъ уже вдвинулъ мысль о зодчества. Прослыми, безъ помощи механизма, силами, онъ ворочаетъ гранишную гору, высокнмъ обрывомъ громоздитъ ее къ небу и повергается ницъ передъ безобразнымъ ея величіемъ. Древнему, ясному, чувственному міру послалъ онъ прекрасную скульптуру, принесшую чистую, спыдливую красочу — и весь древній міръ обратился въ фиміамъ красочъ. Эстетическое

чувство красоты слило его въ одну гармонию и удержало опъ грубыхъ наслаждений. Въкамъ беспокойнымъ и шемнымъ, гдѣ часто сила и неправда шоржеспвовали, гдѣ демонъ суевѣрія и неперпимоспи изгонялъ все радужное въ жизни даль онъ вдохновенную живопись, показавшую міру неземныя явленія, небесныя наслажденія угодниковъ. Но въ нашъ юный и дряхлый вѣкъ ниспослалъ онъ могущеспвенную музыку, спремипельно обращаешь насъ къ нему. Но если и музыка насъ оставишь, что будешь шогда съ нашимъ міромъ?

О СРЕДНИХЪ ВЪКАХЪ.

0

СРЕДНИХЪ ВѢКАХЪ.

=

Никогда Исторія міра не принимаетъ такой важности и значительности, никогда не показываетъ она такого множества индивидуальныхъ явленій, какъ въ средніе вѣки. Вся событія міра, приближаясь къ эпимъ вѣкамъ, послѣ долгой неподвижности, текутъ съ усиленною быстротою,

какъ въ пучину, какъ въ мясежный водоворотъ, и закружившись въ немъ, перемѣшавшись, переродившись, выходяшь свѣжими волнами. Въ нихъ совершилось великое преобразование всего міра; они соспавляютъ узелъ, связывающій міръ Древній съ Новымъ; имъ можно назначить по же самое мѣсто въ Исторіи человѣчества, какое занимаетъ въ успроеніи человеческого плѣта сердце, къ копорому текутъ и отъ копораго исходятъ всѣ жилы. Какъ совершилось это всемірное преобразование? какія удержались въ немъ старыя спихіи? что прибавлено новаго? какимъ образомъ онѣ смѣшались? что произошло отъ этого смѣшенія? какъ образовалось величественное, спройное зданіе Вѣковъ Новыхъ? — Это такіе вопросы, копорымъ равные по важности едва ли найдутся во всей Исторіи. Все, что мы имѣемъ, чѣмъ пользуемся, чѣмъ можемъ похвалиться передъ другими вѣками, все успроисшво и искусное сложеніе нашихъ админисп्राптивныхъ часпей, всѣ отношенія разныхъ сословій между собою, самыя даже сословія, наша Религія, наши права и привилегіи, нравы, обычаи, самыя знанія, совершившія такой быспрый

прогрессивный ходъ, — все это или получило начало и зародышъ, или даже развилось и образовалось въ темные, закрытые для насъ Средніе Вѣка. Въ нихъ первоначальныя спихіи и фундаментъ всего новаго; безъ глубокаго и внимательнаго изслѣдованія ихъ не ясна, не удовлетворительна, не полна Новая Исторія; и слушатели ея похожи на посѣпителей фабрики, которые изумляются быстрой опдѣлкѣ издѣлій, совершающейся почти передъ глазами ихъ, но позабываютъ заглянуть въ темное подземелье, гдѣ скрыты первыя всемогущія колеса, дающія толчекъ всему: такая Исторія похожа на спашую художника, не изучившаго Анапоміи челоуѣка.

Опъ чего же, не смотря на всю важность эпихъ необыкновенныхъ Вѣковъ, всегда какъ-то неохотно ими занимались? Опъ чего, приближаясь къ нимъ, всегда спѣшили скорѣе пройти ихъ и опдѣлаться опъ нихъ? и рѣдкіе, очень рѣдкіе, пораженные величіемъ предмета, возлагали на себя трудъ разрѣшить нѣкоторые изъ приведенныхъ вопросовъ? Мнѣ кажется это происходило опъ того, что Средней Исторіи назначали самое низшее мѣсто. Время

ея дѣйсвія считали слишкомъ варварскимъ, слишкомъ невѣжеспвеннымъ, и опъ шого-шо оно и въ самомъ дѣлѣ сдѣчалось для насъ шемнымъ раскрышое не вполнѣ, оцѣненное не по справедливости, предспавленное не въ геніальномъ величїи. Невѣжеспвеннымъ можно назватъ развѣ только одно начало, но эшо невѣжеспвенное время уже имѣетъ въ себѣ шо, что должно родитъ въ насъ величайшее любопытшество. Самый процессъ сліянія двухъ жизней Древняго міра и Новаго, эшо рѣзкое прошиворѣчіе ихъ образовъ и свойствъ, эши дряхлыя, умирающія спихїи Спараго міра, кошорыя шянушя по новому проспранству, какъ рѣки, впавшія въ море, но долго еще не сливающія своихъ прѣсныхъ водъ съ сильными волнами; эши дикія, мощныя спихїи новаго, упорно недопускающія къ себѣ чуждаго вліянія, но наконецъ невольнo принимающія его; эшо спараніе, съ какимъ Европейскіе дикари кропятъ по своему Римское просвѣщеніе; эши опривки или, лучше сказатъ, клочки Римскихъ формъ, законовъ, среди новыхъ, еще неопредѣленныхъ, не получившихъ ни образа, ни границъ, ни порядка; самый эшошъ хаосъ, въ кошоромъ

бродящъ разложенныя начала страшнаго величія нынѣшней Европы и пышущей силой ея — они всѣ для насъ занимательнѣе, и болѣе возбуждаютъ любопытства, нежели неподвижное время всецѣпной Римской Имперіи подъ правленіемъ ея безсильныхъ Императоровъ.

Другая причина, почему неохотно занимались Исторіею Среднихъ вѣковъ; это — мнимая сухость, кошую привыкли сливать съ понятіемъ о ней. На нее глядѣли, какъ на кучу произшествій неспроинныхъ, разнородныхъ, какъ на толпу раздробленныхъ и бессмысленныхъ движеній, не имѣющихъ главной ниши, кошая бы совокупляла ихъ въ одно цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ ея страшная, необыкновенная сложность съ перваго раза не можетъ непоказаться чѣмъ-то хаоснымъ, но размапривайте внимательнѣе и глубже, и вы найдете и связь, и цѣль, и направленіе; я однако же не оприцаю, что для самаго умѣнья найти все это, нужно бытъ одарену нѣмъ чужьемъ, кошорымъ обладають немногіе Историки. Этимъ немногимъ предоспавленъ завидный даръ увидѣть и предспавить все въ изумительной ясности и спройности. Послѣ

*

ихъ волшебнаго прикосновенія происшествіе оживляется и пріобрѣтаетъ свою собственность, свою занимательность; безъ нихъ оно долго предспавляется для всякаго сухимъ и безсмысленнымъ. Все, что было и происходило — все занимательно, если только о немъ сохранились вѣрныя лѣтописи, выключая развѣ совершенное безспрашіе народовъ; вездѣ есть нить, какъ во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бываетъ зашкана упокомъ: какъ въ лучиспомъ камнѣ есть невидимый свѣтъ, копорый онъ опливаетъ, будучи обращенъ къ солнцу — она исчезаетъ только съ упрасною извѣстіей. Такъ и въ первоначальныхъ вѣкахъ Средней Испоріи сквозь всю кучу происшествій невидимую нитью тянется поспешенное возрастаніе Папской власпи и развивается Феодализмъ. Казалось, событія происходили совершенно опдѣльно, и блескомъ своимъ заземняли уединеннаго, еще скромнаго Римскаго Первосвященника; дѣйствовалъ сильный Государь, или его Вассаль, и дѣйствовалъ лично для себя, а между тѣмъ существенныя выгоды незамѣтно текли въ Римъ. И все, что ни происходило, казалось, нарочно происходило

для Папы. Гильдебрандпъ только опдернулъ занавѣсъ и показалъ власпъ, уже давно пріобрѣщенную Папами.

Испорія Среднихъ Вѣковъ менѣе всего можетъ назваться скучною. Нигдѣ нѣтъ такой пестроты, такого живаго дѣйствія, такихъ рѣзкихъ противоположностей, такой спранный яркости, какъ въ ней: ее можно сравнить съ огромнымъ спроеіемъ, въ фундаментѣ котораго улегся свѣжій, крѣпкій какъ вѣчность гранитъ, а шолстые стѣны выведены изъ различнаго, стараго и новаго маперіала, такъ что на одномъ кирпичѣ видны Готскія руны, на другомъ блестятъ Римская позолота; Арабская рѣзба, Греческій карнизъ, Готическое окно — все слѣпилось въ немъ и соспавило самую пеструю башню. Но яркость, можно сказать, только внѣшній признакъ событій Среднихъ Вѣковъ; внутреннее же ихъ достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, опвага, свойственная одному только возрасту юности, и оригинальность, дѣлающая ихъ единственными, не встрѣчающими себя подобія и повпоренія ни въ древнія, ни въ новыя времена.

Бросимъ взглядъ на шть изъ собыщій, которыя произвели сильное вліяніе. Главный сюжешть Средней Испоріи ешть Папа. Онъ — могущешвенный обладашель эшихъ молодыхъ вѣковъ, онъ движешть всѣми силами ихъ и, какъ громовержець, однимъ мановеніемъ своимъ правишь ихъ судьбою. Словомъ, вся Средняя Испорія ешть Испорія Папы. — Его непреодолимое желаніе власшвовашть, его посшоянныя средштва, исполненныя проницашельносши и мудросши, слѣдшвія спарческаго возраста, его деспотизмъ и деспотизмъ безчисленныхъ легионовъ его могущешвеннаго Духовенсшва — ревностныхъ подданныхъ духовнаго Монарха, наложившихъ свои желѣзныя оковы на всѣ углы міра, куда ни проникло знаменіе Крешта — предшвляющъ явленіе единшвенное, колоссальное и не повпорявшееся никогда. — Не спану говоришь о злоупшребленіи и о тяжесши оковъ духовнаго деспота. Проникнувъ болѣе въ эпо великое собыщіе, увидимъ изумишельную мудросшь Провидѣнія: не схваши эша всемогущая власшь всего въ свои руки, не двигай и не усшремляй по своему желанію народы — и Европа разсышалась бы, связи бы не было;

нѣкошорыя Государства поднялись бы, можешъ бышь, вдругъ, и вдругъ бы разврапились; другія сохранили бы дикость свою на гибель сосѣдамъ; образованіе и духъ народной разлились бы неровно; въ одномъ уголку выказывалось бы образованіе, въ другомъ бы чернѣль мракъ варварства; Европа не успоилась, не сохранила того равновѣсія, копорое шакъ удивительно ее содержитъ; она бы болѣе была въ хаосъ, она бы не смиралась желѣзною силою энпузіазма въ одну спѣну, успранившую своею крѣпостью Воспочныхъ завоевателей и, можешъ бышь, безъ этого великаго явленія Европа успупила бы ихъ напору, и Магомешанская Луна горделиво вознеслась бы надъ нею, вмѣсто Креша. — Невольно преклонишь колѣна, слѣдя чудные пуши Провидѣнія: власпъ Папамъ какъ будшо нарочно дана была для того, чпобы въ продолженіе этого времени юныя Государства окрѣпили и возмужали; чпобы они повиновались прежде, нежели достигнушь возраста повелѣвать другими; чпобы сообщишь имъ энергію, безъ копорой жизнь народовъ безцвѣтна и безсилна. И какъ шолько народы достигли сосполяція управляшь собою, власпъ Папы, какъ

исполнившая уже свое предназначение, какъ болѣе уже ненужная, вдругъ поколебалась и спала разрушась, несмотря на всѣ сильныя мѣры, на все желаніе удержавъ гибнущія силы свои. Власшь ихъ въ эпомъ опношеніи была поже, что подмоспки и лѣсъ для поспройки зданія; въ началѣ они выше и кажущся значительнѣе самого спроенія, но какъ только спроеніе достигло наспоящей высоты, они какъ ненужные принимаются прочь.

Съ мыслию о Среднихъ вѣкахъ невольно сливается мысль о Кресповыхъ Походахъ — необыкновенномъ событіи, которе спойшь какъ исполинъ въ срединѣ другихъ, поже чудесныхъ и необыкновенныхъ. Гдѣ, въ какое время было когда-нибудь равное ему своею оригинальностью и величіемъ? Эпо не какая нибудь война за похищенную жену, не порожденіе ненависти двухъ непримиримыхъ націй, не кровопролитная битва между двумя алчными власпишелями за корону или за клочокъ земли, даже не война за свободу и народную независимость. Нѣтъ! ни одна изъ спрасшей, ни одно собшвенное желаніе, ни одна личная выгода не входятъ сюда: всѣ проникнушы одною мыслию —

освободишь гробъ Божественнаго Спасителя! Народы пекушь съ крестами со всѣхъ сторонъ Европы; Короли, Графы въ простыхъ власяницахъ; монахи, препоясанные оружіемъ, спановаяся въ ряды воиновъ; Епископы, пуспынники съ крестами въ рукахъ предводяшь несмѣтными шолпами — и всѣ пекушь освободишь свою Вѣру. Владычештво одной мысли объемлетъ всѣ народы. Нѣтъ ли чего-шо великаго въ этой мысли? И напрасно Крестовые Походы называются безразсуднымъ предпріятіемъ. Не странно ли было бы, если бы опрокъ заговорилъ словами разсудительнаго мужа? Они были порожденіе погдашняго духа и времени. Предпріятіе это — дѣло юноши, но никакого юноши, кошорому опредѣлено быть геніемъ. А какія безчисленныя, какія удивительныя и непредвидѣнныя слѣдствія Крестовыхъ Походовъ! Нужно было всю массу образовашь и воспишашъ, дашь ей увидѣшь свѣтъ, кошорый часпо заслоняло духовенство и вся масса для этого извергаешся въ другую часпъ свѣта, гдѣ пошухающее Аравійское просвѣщеніе силишся передашь ей свой пламень и — вся Европа вояжируешъ по Азіи. Не въ правѣ ли

мы изумляясь? Обыкновенно какой-нибудь выходец изъ земли образованной одинъ приносишь просвѣщеніе и первыя свѣденія въ неизвѣстную страну и постепенно образуешь дикарей; но образованіе эпо пянется медленно, неровно. Здѣсь же, напрошивъ, народы сами всею своею массою приходять за образованіемъ, и, не смотря на долгое пребываніе, не сливаются съ своими учителями, ничего не перенимають у нихъ роскошнаго и развращающаго, удерживають свою самобытность при всемъ заимствованіи множества Азіатскихъ обыкновеній, и возвращаются въ Европу Европейцами, а не Азіатцами. Я уже не говорю о тѣхъ свѣдѣніяхъ, тѣхъ перемѣнахъ въ феодальномъ правленіи, для копированія которыхъ нужно было временное удаленіе многихъ сильныхъ.

Но бросимъ взглядъ на другія происшествія наполняющія Среднюю Испорію. Они хотя въ сравненіи съ Кресповыми Походами могутъ похвастаться вѣроятными, но тѣмъ не менѣе всѣ исполнены чудесности, сообщающей Среднимъ Вѣкамъ какой-то фантастическій свѣтъ, всѣ — порожденіе юношества прекраснаго, исполненнаго

самыхъ сильныхъ и великихъ надеждъ, часпо безразсуднаго, но плънишельнаго и въ самой безразсудности. Разсмопримъ ихъ по порядку времени; возьмемъ по блестящее время, когда появились Арависьяне — краса народовъ Воспочныхъ. И одному полько челоувъку и созданной имъ религii роскошной какъ ночи и вечера Воспока, пламенной какъ природа близкая къ Индiйскому Морю, важной и размышляющей, какую полько могли внушить великiя пуспыни Азиi, — обязаны они всъмъ своимъ блестящимъ, радужнымъ сущеспивованiемъ! Съ непоспижимой быспрошою они, эспи смуглые чалмоносцы воздвигающъ свои Калифашы съ прехъ споронъ Средиземнаго моря. И воображенiе ихъ, умъ и всъ способности, копорыми Природа шакъ чудно одарила Араба, развивающся въ виду изумленнаго Запада, ошпечапываясь со всею роскошью на ихъ дворцахъ, мечешяхъ, садахъ, фоншанахъ, и шакъ же внезапно, какъ въ ихъ сказкахъ, кипящихъ изумрудами и перлами Воспочной Поэзиi. Въкъ впередъ — и уже онъ исчезъ, эшопъ необыкновенный народъ, шакъ чшо въ раздумьи спрашиваешь себя: шочно ли онъ

жилъ и сущеспвовалъ, или онъ — самое прекрасное созданіе нашего воображенія?

Какъ чудесно и какой сильной исполнено пропшвоположности появленіе Норманновъ — народа, кошораго гнѣвный Сѣверъ свирѣпо выбросилъ изъ ледяныхъ нѣдръ своихъ. Горспь людей дерзкихъ, за кошорыми какъ будто гоняпся по пяшамъ мрачный ихъ Одинъ и снѣговыя горы Скандинавіи, наводишь панической спрахъ на обширныя Государспва! По Сѣверному Океану плывущь ихъ движущіяся Королевспва подь начальспвомъ морскихъ своихъ Королей, — и все падаешъ ницъ передъ этими малолюдными пришлецами, воспишанными бурей, морями, спрашною бѣдностью Скандинавіи и дикою религіею.

Колоссальныя завоеванія и распроспраненіе Монголовъ были шакже дѣломъ почши сверхъеспешеннымъ. Необьяшная внушрениоспъ Азіи, кошорая была скрыша ошъ глазъ всѣхъ народовъ; освѣпилась вдругъ въ самомъ спрашномъ величій. Эпи степи, кошорымъ нѣпъ конца, озера и пущыни испоинскаго размѣра, гдѣ все раздалось въ ширину и бозпредѣльную равнину, гдѣ человѣкъ вспрѣчаешся какъ будто для шого,

чтобы собою увеличилось еще больше окружающее пространство; степи, шумящая хлебом, никем не сянным и не собираемым, правую, почти равняющуюся росшомъ съ деревьями, степи, гдѣ пасутся шабуны и стада, копорыхъ опъ вѣка никто не считалъ, и сами владѣльцы не знаютъ наспоющаго количества, эти степи увидѣли среди себя Чингисъ-Хана, даваго обѣтъ передъ шолпами своихъ узкоглазыхъ, плосколицыхъ, широкоплечихъ, малорослыхъ Монголовъ завоевать мѣръ, и — многолудный Пекинъ горитъ цѣлый мѣсяць, миллионъ народа выспрыскивается Монгольскими стрѣлами, Государь Тунгусскій гибнетъ съ соннями тысячь подданныхъ на замершемъ озерѣ, стада пригоняются къ границамъ Индіи, шабуны кишатъ при Волгѣ. Словомъ, какъ будто на завоеваніяхъ ихъ опразилась колоссальность Азіи. Такого быстраго распространенія поже не видала ни Древняя, ни Новая Исторія.

Я уже ничего не говорю о важной шорговль Венеціи — этого небольшого лоскушка земли, копорую всю занималъ одинъ городъ, и городъ безъ Государства, выжималъ золото со всего мѣра, и коего царственные

купцы своими кораблями, горделиво обошедшими всё моря, и дворцами при Адриатическомъ морѣ далеко превосходили многихъ Монарховъ. Эпюго явленія я не считаю единственнѣмъ и необыкновеннѣмъ. Оно повпоряешся въ Испоріи міра часпо, хопя въ другихъ формахъ и съ разными измѣненіями. Несравненно оригинальнѣе жизнь Европы во время и послѣ Кресповыхъ Походовъ, когда въ ней все еще шемны и неопредѣленны границы Государствъ; когда еще Государь звучишь однимъ именемъ своимъ, и вмѣсто шюго миллионы владѣльцевъ, изъ кошорыхъ каждый—маленькой Императоръ въ своей землѣ; когда вся Европа облекаешся въ неприспупные замки съ башнями и зубцами, и швердыя крѣпосши усѣвающъся поверхносць; когда воспипанная взаимнѣмъ шпрахомъ и бишвами сила рыцарей дѣмаешся почти львиною и заковываешся съ ногъ до головы въ желѣзо, шяжесши кошорого еще не выносишь человекъ, и грубо, независимо развиваешся самоспопшельная гордосць души. Казалось, эша дикая храбросць должна бы совершенно закалишь ихъ и сдѣлашь шакъ же безчувственными, какъ непроницаемыя ихъ лапы. Но какъ удиви-

пельно они были укрощены и такимъ явленіемъ, которое предшавляетъ совершенную противуположность съ ихъ нравами! это — всеобщее безпредельное уваженіе къ женщинамъ. Женщина Среднихъ Вѣковъ является божествомъ; для ней турниры, для ней ломающія копыя, ея розовая или голубая лента вѣшя на шлемахъ и лапахъ и вливаетъ сверхъестественныя силы; для ней суровый рыцарь удерживаетъ свои спрасни также мощно, какъ Арабскаго бѣгуна своего, налагаетъ на себя обшны изумительныя и неподражаемыя по своей спрогоспи къ себѣ, и все для того, чшобы быть доспойнымъ повергнувшись къ ногамъ своего божества. Если эта возвышенная любовь изумительна, то вліяніе ея на нравы и того больше. Все благородство въ характеръ Европейцевъ было ея слѣдствіемъ. А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу въ какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи опышовъ и приключеній каждому и произведшая въ послѣдствіи въ Европейцахъ жажду къ открытію новыхъ земель! Какъ самыя ихъ взаимныя брани и бшвы, вѣчно неспокойное положеніе, вмѣсто того чшобы осла-

бишь всеобщій духъ и напряженіе, какъ по обыкновенно дѣлается въ періодахъ Испоріи, когда роскошь разъядаетъ раны нравственной болѣзни народовъ и алчность выгодъ личныхъ выводитъ за собою низость лести и способностъ успрямиться на всѣ ушонченные пороки, — вмѣсто этого они только укрѣпили и развили ихъ! Пороки народовъ образованныхъ не смѣли коснуться рыцарства Европы. Казалось, Провидѣніе бодрствовало надъ нимъ неусыпно, и съ заботливостью преданнаго наставника берегло его. Едва только возникли улучшенія для жизни, которыя подносила Венеція и Ганза, и начали опдалять рыцарей опть ихъ обшповъ и спрогой жизни, подогрѣваяъ желаніе наслажденій и уменьшаяъ энтузіазмъ религіозный, какъ появившіяся чудныя, небывалыя никогда дошолъ Обществаспали грозными соглядаялами, неумолимою совѣстью передъ народами Европы. Никогда Испорія не представляла Обществъ; связанныхъ такими неразрывными узами, какъ эши Духовные Ордена рыцарей. Ничего для своей пользы, или для своего существованія, что всегда соспавляло цѣль обществъ! Уничтоживъ все, что соспавляетъ жела-

ніе челоуѣка, и жишь для всего челоуѣчества; жишь, чшобы бышь грозными храни-телями міра; чшобы носить въ себѣ одно: зашщипу Вѣры Хрисповой; все принесши ей въ жершву и опказаться опѣ всего, чшо опзыывается выгодою жизни! Не чудесно ли эшо явленіе! Эша энергія и сила для него могла бышь полько вычерпнуша изъ Среднихъ Вѣковъ. И какъ полько Ордена рыцарскіе спали уклоняшь опѣ своей цѣли и обращашь глаза на другія, какъ полько начали заражашь желаніемъ добычи и корыспи, и роскошь заспаляла ихъ живѣе привязывашь къ собспвенной жизни, и они спали походишь сами на шѣхъ; за копорыми наложили на себя сами же смопръніе, — какъ возникаюшь уже спрашныы Тайныы Суды, не умолимые, не опразимые, какъ высшія предопредѣленія, являющіеся уже не совѣспью передъ въспреннымъ міромъ, но спрашнымъ изображеніемъ смерши и казни. Ни сила, ни обширныя земли, ни даже самая корона не спасаюшь и не опмѣняюшь произнесеннаго ими приговора. Незнаемыы, невидимые какъ судьба, гдѣ нибудъ въ глуши лѣсовъ, подъ сырымъ сводомъ глубокаго подземелья, они взвѣшивали и

разбирали всю жизнь и дѣла того, копорому, посреди необъяпмыхъ своихъ земель и сѣсни покорныхъ Вассаловъ и въ мысль не приходило, есть ли гдѣ въ мѣрѣ власпъ выше его. И если эти подземные судьи разъ произносили обвиняющее слово—все кончено. Напрасно Власпитель грозою могущества своего запрудняетъ къ себѣ приближеніе, напрасно его золопо замѣпляетъ успа и заспавляетъ всѣхъ прославляетъ его—неумолимый кинжалъ наспигаетъ его на концѣ мѣра, крадется мимо пышной шолпы и разипъ его изъ-за плеча друга.—Несоспавляетъ ли это чудесности почти сказочной? Только шамъ такъ неопразимо, такъ сверхъестественно, такъ неправильно дѣйспвуетъ человекъ, оппорванный опъ общеспва, лишенный покрова законной власпи, не знающій что такое слово: невозможность.

А самый образъ заняпій, царспвовапій въ срединѣ и концѣ Среднихъ Вѣковъ — это всеобщее успременение всѣхъ къ чудесной Наукѣ, это желаніе выпыпашъ и узнать шамнспвенную силу въ Природѣ, эта амчность, съ какою всѣ ударились въ волшебство и чародѣйспвенныя Науки, на копорыхъ ясно кипипъ признакъ Европейскаго любопытства, безъ копораго Науки ни-

когда бы не развились и не достигли нынѣшняго совершенства! Самая даже просподушная вѣра ихъ въ Духовъ и обвиненія въ сообщеніи съ ними цмбюпъ для насъ уже необыкновенную занимательность. А занятія Алхиміею, считавшеюся ключемъ ко всѣмъ познаніямъ, вѣнцемъ учености Среднихъ Вѣковъ, въ копорой заключилось дѣпское желаніе опкрышь совершеннѣйшій металлъ, копорый бы доставилъ челоуѣку все! Представьте себѣ какой нибудь Германскій городъ въ Средніе Вѣки, эти узенькія, неправильныя улицы, высокіе, пестрые гошическіе домики, и среди ихъ какой нибудь вешкій, почти валящійся, считааемый необитаемымъ, по распреснувшимся спѣнамъ копораго лѣпншея мохъ и спароспъ, окна глухо заколочены — это жилище Алхимика. Ничпо не говоритъ въ немъ о присутствіи живущаго, но въ глухую ночь голубованный дымъ, вылетая изъ шрубы, докладываетъ о неусыпномъ бодрствованіи спарца, уже поспѣдѣвашаго въ своихъ исканіяхъ, но все еще неразлучнаго съ надеждою, — и благочестивый ремесленникъ Среднихъ Вѣковъ со спрахомъ бѣжнше опъ жилища, гдѣ, по его мнѣнію, Духи осно-

*

вали приношъ свой, и гдѣ вмѣсто Духовъ основало жилище неугасимое желаніе, непреборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже опъ неудачи — первоначальная стихія всего Европейскаго духа — которое напрасно преслѣдуетъ Инквизиція, проникая во всѣ тайныя мысленія чловѣка: оно вырывается мимо, и облеченное страхомъ, еще съ большимъ наслажденіемъ предается своимъ занятіямъ.

А самая Инквизиція? Какое мрачное и ужасное явленіе! Инквизиція свирѣпая, слѣпая, владѣвшая безчисленными сводами и подземельями монастырей, не вѣрящая ничему, кромѣ своихъ ужасныхъ пыпокъ, на которыхъ чловѣкъ показалъ адскую изобрѣтательность; Инквизиція, выпускавшая изъ подъ монашескихъ маншій свои желѣзные когти, хватавшіе всѣхъ безъ различія, кто только ни предавался спрашнымъ и необыкновеннымъ занятіямъ; подтвердившая великую истину, что если можетъ физическая природа чловѣка, доведенная мукамъ, заглушить голосъ души, то въ общей массѣ всего чловѣчества душа всегда торжествуетъ надъ тѣломъ.

Не единственны ли все эти явления? Не даютъ ли они права назвать Средніе Вѣка вѣками чудесными? Чудесное прорывается при каждомъ шагѣ и властвуетъ вездѣ во все печеніе эпихъ юныхъ десяти вѣковъ. Юныхъ потому, что въ нихъ дѣйствуетъ все молодое, кипящее опвагою, порывы и мечты, не думавшія о слѣдствіяхъ, не призывавшія на помощь холоднаго соображенія, еще не имѣвшія прошедшаго, чтобы оглянуться. Все было въ нихъ — поэзія и безопечность. Вы вдругъ почувствуете переломъ, когда вступите въ область Истории Новой. Перемена слишкомъ ощутительна, и состояніе души вашей будетъ похоже на волны моря, прежде воздымавшіяся неправильными, высокими буграми, но послѣ улегшіяся, и всею своею необозримою равниною мѣрно и стройно совершающія правильное печеніе. Дѣйствія чловѣка въ Среднихъ Вѣкахъ кажутся совершенно безопечны; самыя великія происшествія представляютъ совершенныя контрасты между собою и прошиворѣчаютъ во всемъ другъ другу. Но совокупленіе ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ цѣлое являютъ изумительную мудрость. Если можно сравнить жизнь

одного человека съ жизнью цѣлаго человѣчества, то Средніе Вѣка будутъ поже, чпо время воспитанія человека въ школѣ. Дни его пекушъ незамѣпно для свѣта, дѣянія его не шакъ крѣпки и зрѣлы, какъ нужно для міра: объ нихъ никто не знаетъ, но за то они всѣ-слѣдствіе порыва и обнажаютъ за однимъ разомъ всѣ внутреннія движенія человека, и безъ нихъ не состоялась бы будущая его дѣятельность въ кругу общества.

Теперь разсмотримъ, между какими колоссальными событіями заключаеися время Среднихъ Вѣковъ! Великая Имперія, повѣлывавшая міромъ, двѣнадцативѣковая нація, дряхлая, испощенная, падаетъ; съ нею валится полсвѣта, съ нею валится весь Древній Міръ съ полуязыческимъ образомъ мыслей, безвкусными Писателями, гладіаторами, спашуями, пѣжестію роскоши и ушонченностью разврата. Это ихъ начало. Оканчиваюися Средніе Вѣка поже самымъ огромнымъ событіемъ: всеобщимъ взрывомъ поднимающимъ на воздухъ все и обращающимъ въ ничто всѣ спрашныя власпи, шакъ деспотически ихъ обнявшія. Власпъ Папы подрываешся и падаетъ, власпъ не-

вѣжества подрываеяся, сокровища и всемирная торговля Венеціи подрываюяся, и когда всеобщій хаосъ переворопа очищаеяся и проясняеяся, предъ изумленными очами являюяся Монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; корабли, расширеннымъ взмахомъ несущіеяся по волнамъ необъятнаго Океана мимо Средиземнаго моря, въ рукахъ у Европейцевъ вмѣсто безсильнаго оружія — огонь; печашные листы разлеташаюяся по всемъ концамъ міра; и все эпо резулытапы Среднихъ Вѣковъ. Сильный напоръ и усиленный гнѣсъ власпей, казалось, были для шого только, чшобы сильнѣе произвешъ всеобщій взрывъ. Умъ челошъка, задвинушый крѣпкою полщею, не могъ иначе прорвашься, какъ собравши все свои усилія, всего себя. И опъ шого-шо, можешъ бышъ, ни одинъ вѣкъ не предешавляешъ такихъ гиганшскихъ опшкрытій, какъ XV; вѣкъ, кошорымъ пакъ блисташельно оканчиваюяся Средніе Вѣка, величешвенные, какъ колоссальный гопшическій храмъ, шемные, мрачные, какъ его перешъкаемые одинъ другимъ своды, пешпрые, какъ разноцвѣшныя его окна и куча изузоришваюшшихъ его украшеній, возвышенные, ис-

полненные порывовъ, какъ его лепящiе къ
небу столпы и стѣны, оканчивающiяся
мелькающимъ въ облакахъ шпиремъ.

ГЛАВА

ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА.

Г Л А В А

ИЗЪ

ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА (*).

=

Между шѣмъ посланникъ нашъ переѣхалъ границу, отдѣляющую нынѣ Пирипшинскій повѣсть опъ Лубенскаго. Общихъ ѣзжа-

(*) Изъ Романа подъ заглавіемъ: Гетьманъ; первая часть его была написана и сожжена, попому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ; двѣ главы, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, помѣщаются въ этомъ собраніи.

лыхъ дорогъ тогда не было въ Малороссіи; но почти каждому извѣстна была какая-нибудь проселочная, по мнѣнію его, самая ближайшая. Часпо такая дорога, уклоняясь отъ ровной поверхности, проскальзывала въ рышвины, царапалась по косогору, въшала надъ провалами, и одинъ не ровный, слегка протоптанный подковою коня слѣдъ, означалъ ея уклоненія. Доспапочно было только выѣхать въ дорогу, чтобы выучиться не разбираться ночлегомъ. Главное же неудобство для путешественника, незнакомленнаго съ мѣстами, было то, что онъ долженъ былъ на разстояніи 25 или 50 ружейныхъ выстрѣловъ, вывѣдывать и выспрашивать пути у жителей, которыхъ показанія всегда почти разногласили.

Пустивъ поводъ и наклонивъ голову, всадникъ нашъ давно уже погруженъ былъ въ раздумь, и только изрѣдка попадавшіяся кочки и пни срубленныхъ деревьевъ, заставляя спотыкаться вѣрнаго его поварища, борзаго коня, перерѣзывали разомъ его думы, которыхъ снова обычнымъ ожерельемъ низались въ голову его. Въ первый разъ еще случалось ему выполнять такое порученіе: ѣхать, Богъ знаетъ куда, въ незаселенныя

спепи Украйны! и кто эптогъ Глечикъ?..
какая нужда Казимиру до начальника какой-
по шайки, называвшаго себа полковникомъ
Миргородскаго полку?... Ему не объявлено
было ничего удивительнаго ни о ха-
рактерѣ, ни о силѣ его, ни о томъ, какія
онъ имѣеть сношенія, и съ кѣмъ?.. Къ че-
му же эша оспорожность, какую нужно
было имѣть въ рѣчахъ съ нимъ? Зачѣмъ пе-
релешашъ такую даль, чшобы только до-
спавишь ему свѣдѣнія о событіяхъ, волно-
вавшихъ Варшаву? И чѣмъ могъ бытъ по-
лезенъ такой отдаленный союзникъ?.. Мы-
сленно досадывалъ онъ на себя, чшо
не вывѣдалъ обстоятельно объ эпомъ
отъ Бригитты: ей, безъ сомнѣнія,
сколько нибудь были извѣстны причины
такого страннаго посольства. Солнце ме-
дленно прощалось съ землею. Живописныя
облака, обхваченныя по краямъ огненными
лучами, поминушно мѣняясь и разрываясь,
лешъли по воздуху. Сумерки угрюмо надви-
гали сизую пѣнь свою и припворяли мало
помалу спавни окошекъ, освѣщавшихъ свѣт-
лый Божій міръ. Въ эшо время пупникъ
нашъ, послѣ долгаго степнаго спранспвія,
въѣхалъ въ лѣсъ. Раздѣшныя безжалостною

осенью деревья сквозили, какъ рѣшето, и казалось, дрожали опть вечерняго холода. Желшые лисшья, какъ объѣдки и бишые ковши опть недавняго пиршества, валялись не приборанные, и одинъ полько шелестъ ихъ, ходя по лѣсу, давалъ знашь о присущствіи въ немъ нашего всадника. Сквозь обнаженную вершину лѣса темнѣло небо; рѣзкій въперъ подымался съ поля и мчалъ заунывные свои вопли въ гущу лѣса. Пупникъ поневолѣ задумался и оспановилъ коня своего въ нерѣшимости. Чшо предприняшь, пошому, чшо дорога совершенно исчезла и передъ нимъ шорчалъ одинъ полько лѣсъ, да неизвѣсшность; какъ вдругъ громкій голосъ «цобъ, цобъ!» поразилъ слухъ его, шяжело нагруженный возъ заскрыпѣлъ и пара воловъ показалаь изъ-за деревьевъ. Надобно вообразить себя на мѣстѣ путешественника, чшобы еполнѣ почувспвовашъ радость шакой встрѣчи. Луна въ это время вырѣзалась на небѣ. Серебранный свѣшъ, перепушанный шѣнью опть деревъ, палъ рѣшешкою на землю, освѣшивъ далеко окрешность, и Лапчинскій увидѣлъ передъ собою дюжяго пожилаго селянина. Съдые, закрученныя внизъ усы его, гордо покоились на

смугломъ, означенномъ рѣзкими мускулами лицъ, которое такъ просподушно опшѣняла какая-то Азіяпская безпечность. По чернымъ бровямъ серебрлась сѣдина, огонь вылеталъ изъ небольшихъ карыхъ глазъ и въ огнѣ помъ высвѣчивались попеременно по хипроспѣ, по просподушіс. На головѣ у него была черная казацкая шапка съ синимъ верхомъ. Коропешкій нагольный шулупъ, зашянушій яркоцвѣпнымъ поясомъ, служилъ непроницаемыми лапами опъ холода; сверхъ эшого одѣянія, въ добавку накинупшъ былъ обыкновенный кобенякъ изъ полстаго смураго сукна, копорый и понынь носяпш Малороссійскіе мужики. Изъ-за пояса торчала пицаль и изогнушая Тапарская сабля — оружіе, копорое въ шогдашнія смупшныя времена всякой Казакъ, рапшникъ и селянинъ, почипалъ необходимоспью всегда имѣшъ при себѣ.

— «Помогай Боже» сказалъ онъ, оспановивъ воловъ и обнаживъ увѣичанную полько на верхушкѣ киспью волосъ голову, въ знакъ шого уваженія, какое обыкновенно оказывали шогда простые поселяне рапшнымъ людямъ. Надобно припомнишъ, что Лапчинскій, въ избѣжаніе непріяпностей,

какимъ бы онъ неминуемо подвергнулся отъ жипелей, неперпѣвшихъ всего, что польско носило названіе Ляха, или принадлежало Ляхамъ, принужденъ былъ перемѣнить щегольской костюмъ свой на скромное одѣяніе Казацкаго десятника. Всадникъ нашъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы на сіе привѣтствіе. — «Не знаешь ли, землякъ,» молвилъ онъ съ ласковымъ видомъ: «далеко ли отсюда до Ромодановскаго шляху?»

— «Не съумѣю, добродію, скажешь вдругъ; повремените немножко!» — Тупъ принялся онъ высчитывать, что выражали машинально сгибаемые имъ пальцы. — «До Ромодановскаго шляху!... Какъ бы вамъ скажешь... оно не такъ, чтобы близко. Надо было знать, что Казаки наши немного было перешрусилы: кто-то пронесъ слухъ, что все шляхетство собирается къ намъ на Сулу въ гости. — Спихнулись съ дуру и разломали мосты; такъ вамъ, добродію, чтобы не пришлось давать большихъ объѣздовъ. Впрочемъ, Богъ его знаетъ: я говорю это потому, что другіе говорятъ... такъ, можетъ быть, выберется и короткій путь; только, знаете, шеперь время осеннее... то спанется, что и далеко... Только опять

же какъ подумаешь, то кажется что и близко. Вошь другое дѣло, если бѣ были поставлены сполбы по дорогѣ, какіе, безъ сомнѣнія, сами, добродію, если бывали въ Польшѣ, встрѣчали по шамошнимъ дорогамъ.»

Не должно удивляться противорѣчіямъ, изнеспрямившимъ монологъ нашего поселанина. Кромѣ дѣйствительной неизвѣстности, Малороссіяне любили поусомниться и въ самомъ знакомомъ имъ дѣлѣ. Мадороссіянинъ и донинѣ ничего не скажетъ наобумъ, но разъ десять исправитъ себя, а иногда съ умысломъ запускаетъ своего слушателя шакъ, что шопъ, къ изумленію своему видишь, что до шакого-шо мѣсна и далеко и близко.

— «Куда же, по крайней мѣрѣ, мнѣ шеперь держашъ пущь?» спросилъ спранникъ, вперивъ испышующій взоръ на своего наставника.

Тущь селянинъ нашъ осмошрѣлъ его хо-рошенько съ головы до ногъ. «А вы, добродію, хошите шеперь вхашъ?»

— «Почему же не шеперь?»

— «Богъ съ вами! шеперь и нашъ брашъ, здѣшній, уже сильно подумавши развѣ по-вдепъ. Знаешь, мосьпане! вѣдь намъ спод-

ишь только проѣхашь такое время, въ какое добрый мужикъ успѣешь вымолосишь полкопны жища, чшобы слышашь собачій лай съ моего двора. Все бы лучше опочишь въ теплой хашъ, а завтра хощь и съ Богомъ!» Опъ шакого предложенія нельзя было опказатьсь пушнику, копорый, кажешся, шого только и ожидалъ.

— «А куда,» спросилъ дорогою поселенннъ нашъ своего будущаго госпя, «лежишь пушь вамъ, мосьпане?»

— «Бду-шо я далеко, на шу сторону Ворс-кла, къ Миргородскому полковнику Глечику. Чшо, землякъ, не знаешь ли и шы его?»

— «Какъ не знать эпой спарой собаки. А изъ какихъ мѣстъ Богъ несешъ?»

— «Изъ великой спаницы, чшо подь Лохвицею.»

— «Какъ же эпо, добродію! мы не слышали ничего про шо, чшобы спаница была подь Лохвицею?» — Тущъ вонзилъ онъ въ него острый взоръ свой, копорый, казалось, хощьль выпыташь его душу. — «И шо сказашь! гдъ уже мужику знашь все про войсковыя дѣла; до нашего захолустья еще и слухи не дошли объ эпомъ.»

Посланникъ нашъ спохватился, что не нужно бросать оспорожности въ разсказахъ и съ проспымъ селяниномъ, и попому, собравшись немного съ мыслями, продолжалъ: «То еспь, вошь видишь, землякъ, навѣрное я еще не могу сказать. Въ самой-то спаницѣ я не былъ, а встрѣтившійся водѣ Лохвицею Запорожскій сонникъ Шляйко, узнавъ, что я ѣду въ эти мѣспа, далъ мнѣ грампку къ Миргородскому полковнику. Лешель онъ, какъ угорѣлый; изъ разспросовъ его я ничего не могъ узнать навѣрное. Недавно передъ пѣмъ возврапился я изъ Варшавы... Видишь, онъ можешъ бышь имѣлъ причины недовѣрять мнѣ... то еспь... онъ... пы, думаю, понимаешъ меня.»

— «Что вы говорите, добродію! Развѣ мужикъ поймешъ то, что толкуютъ пань? Ей Богу, нѣпъ;— гдѣ намъ понять! у насъ и голова не такъ сдѣлана, какъ у пановъ; чорпъ знаетъ, что такое, больше на капусту похоже, чѣмъ на голову.»

— «О! да пы шпука!» подумалъ про себя Лапчинскій и положилъ себѣ бышь какъ можно оспорожнѣе въ словахъ. Онъ во все эшо время ѣхалъ шагомъ, уравнивая легкую

послупъ своего гордаго коня съ лѣнливою
выступкою шяжелыхъ воловъ, впереди ко-
порыхъ съ флегматической важносью
шелъ селянинъ, помахивая бапогомъ и по-
пягивая корошенькую люльку (*). Дымъ отъ
нея обнималъ облаками смуглое лице его,
кошорое, освѣщаясь иногда вспыхивавшимъ
огонькомъ, казалось лицомъ какого нибудь
упыря, выказывавшимся по временамъ изъ
непробуднаго болошнаго шума и съявшимъ
искры чуднаго огня. Это заставляло Лап-
чинскаго чаще всмаприваться ему въ глаза,
чтобъ удостовѣриться, точно ли по былъ
его поварищъ. Но селянинъ нашъ самъ опго-
нялъ всякое на счепъ его сомнѣнiе, не да-
вая минушы задуматься своему госпю. —
«Слыхали ль вы, добродiю, про шаковое ди-
во?» говорилъ онъ, не выпуская изъ рта
своей шрубки: «видишь ли сосну, вонъ да-
леко, далеко чернѣетъ передъ нами?» и пу-
шникъ къ удивленiю своему почно увидѣлъ
сосну. Какимъ образомъ зашла она сюда,
когда во всей почпи этой споронѣ Мало-
россiи, на разспоянiи можешъ быть по спу
верспъ во всѣ спороны, взоръ не опыски-

(*) Трубку.

валъ эпой суровой жилицы Сьвера. Невольно впериль онъ на нее глаза свои: она одна шолько посреди обнаженнаго лѣса сохраняла, казалось, жизнь, но жизнь ли эшо? Эшо была мумія, копорую съ изумленіемъ опискиваюшъ между голыми скелешами, одну несокрушенную плѣніемъ. Въ ней видны пѣ же чершы, ша же прекрасная форма челоувѣка объемлешъ ее. Но, Боже! въ какомъ видѣ? Неопразимое, непоняпное чувсшво шоски и ужаса врывается въ душу при взглядѣ на жалкій обманъ, копорымъ суешное искусшво силишся выхвапшпъ и удержашъ чшо-шо похожее на жизнь.

— «Эшо еще не большое диво, чшо сосна, а вошъ чшо диво: лѣшъ за пяпдешашъ передъ шѣмъ, какъ мы балагуримъ съ вами, жилъ, чупъ ли не на вошъ эшомъ мѣспѣ, въ хоромахъ великій панъ. Воевода ли онъ былъ, сонникъ ли какой, или проспо шанъ, эшого я не умѣю сказапъ; знаю шолько, чшо онъ былъ Ляхъ и не нашей вѣры. Жилъ онъ, какъ всѣ нечисшыѣ Польскіе паны живупъ: домъ съ ушра до вечера ходенемъ ходилъ ошъ вина, да ошъ пѣсень, и далече прохвашывала дрожъ крещенаго челоувѣка, когда онъ слышалъ раздававшіеся изъ лѣсу

крики. Хлопцы изъ дворни его по и дѣло что наѣздничали по хуторамъ, да обирали бѣдныхъ жителей. Эшого мало. Спали обворовываешь, да обдираешь Божьи церкви, и шакое дѣлали... врагъ съ ними! не хочу и говоришь, что шакое. Побить бы ихъ всѣхъ, добродію — шакъ нельзя, пошому, что дворни одной у нихъ было можеть съ полшоры сошни, да и на каждаго бердыши, самопалы и вся збрудъ рашная. Вошь и вызвался одинъ Дьяконъ — какъ уже его звали и изъ какого приходу онъ былъ, ей Богу, добродію, не знаю; — вызвался и пришелъ въ лѣсъ. Если бы шеперь не ночь, и не засыпало лисшьемъ, шо я, можеть спашься, показалъ бы вамъ оспанки эшого дьявольскаго гнѣзда. На ту пору — шакъ видно самъ Богъ уже хоптъ — былъ у нихъ какой-шо окаанный праздинокъ. Дьяконъ шель уже напропало, сказалъ: Господи благослови и сколько доснавало духу, цюкнулся въ вороша, запертые шолнившимся народомъ. Цымбалы и бандуры бренчали и гудѣли, словно на свадьбѣ, а пьяные шаны и дворня изо всей силы опдирали краковякъ. Какъ шолько завидѣли Дьякона, шакъ, добродію, и закричали: «зачѣмъ сюда при-

несло попа?» а панъ говоритъ: «гей, хлопцы! налейше-ка попу водки: пусть его танцуетъ съ нами, добрыми Христианами, краковякъ, да подгондйше его хорошенко бапожьемъ!» Дьяконъ, исполнившись, видно, Свяшаго Духа, началъ предспавлять нечеспивымъ весь грѣхъ беззаконнаго жипья ихъ, и какія на шомъ свѣщѣ будущъ имъ муки, и какъ будущъ они плясать въ пеклѣ (*), шолько не по своей воли, а подгоняемые горячими вилами чершей. — «А! шакъ ты еще и проповѣдь чипаешь! Гей, хлопцы! поднимите попа на крылось, а чтобъ не засшудилъ горла, накиньше ему галспукъ на шею!» И шупъ же челядь съ нечеловѣчьимъ смѣхомъ и гикашьемъ вспащила несчастнаго Дьякона на шу самую сосну, мимо которой лежишь намъ шупъ. Позвольше, добродію: шупъ-то и испорія: сосна эша какъ разъ спояла передъ хоромами, и какъ нарочно еще передъ самыми окошками панской свѣшлицы. Вошь какъ ночь уже разогнала всѣхъ: кого на лавку, кого подъ лавку, пану нашему чудишь, что на него каплетъ что-шо хо-

(*) Въ адѣ.

лодное: «Что за нечистой!» подумалъ панъ, «ошъ чего это каплетъ?» Всмалъ съ поспели, глядишь: колючія възви сосны царапаюшя къ нему сквозь спѣну и будшо живыя, вышягиваюшя длиннѣе, длиннѣе и какъ разъ доспаюшъ до него. Перекреспился, можешъ бышь, въ первый разъ ошъ роду нашъ панъ, когда увидѣлъ, что изъ нихъ каплетъ человѣчья кровь, сначала холодная какъ ледъ, а попомъ жжешъ да и полько! Къ окну—шакъ и ноги подкосились: сосна вся посинѣла, какъ мерпвецъ, и спрашно киваетъ ему черною, всклокоченною бородою. Сначала было думалъ панъ, не хмель ли бродишь у него въ головѣ: шакъ на слѣдующую ночь поже диво, и вся дворця въ одинъ голосъ, что по лѣсу по и дѣло, что ошпѣваюшъ усопшаго шакимъ спрашнымъ голосомъ что всякаго морозъ драмъ по кожѣ и волосы щепиною поднимались на головѣ. Чего ужъ не дѣлали: и погребли съ чеспью шѣло Дьякона, и принимались было рубишь сосну—шакъ сѣкира не беретъ: что ни ударяшъ, шопоръ вызубрился, а дерево спонешъ, будшо дия некрещеное. Рѣшились наконецъ бросишь, это окаянное мѣсто.

Вошъ каждый день и соберётся вся челядь, осёдлаюшъ коней, заберушъ все съ собою и выѣдушъ, еще черпи не бьюшся на кулачки; ѣдушъ, ѣдушъ, до самаго вечера: кажись, Богъ знаетъ куда заѣхали! Оспановяшся ночевашъ — смошряшъ, знакомыя все мѣста: опять пошъ же дикой лѣсъ, шъ же хоромы, а прокляшяя сосна, пропигивая вѣшви, словно руки, хватаешъ пана и обдаешъ его кровавыми каплями, а черная, всклокоченная борода шакже жудко киваетъ ему...» Тушъ разскащикъ нашъ спремипельно ударилъ въ слушапеля огненными глазами своими, блиспавшими еще ярче посреди ночи, и казалось, не безъ удовольствія замѣшилъ въ немъ впечатлѣнне, произведенное его разсказомъ. Дѣйспвипельно пупникъ нашъ не могъ не ощушишъ какого-шо пайно врывавшагося въ душу спраха, и съ беспокойствомъ посмашривалъ вокругъ. Въ эшо время поравнялись они съ съ сосной. Серебряный свѣшъ падалъ на печальныя вѣшви ея и ошбрасывавшіяся опъ нихъ шѣни, будшо продолженіе ихъ, переламливаясь о вшпрѣчныя деревья, ложились безконечною лѣспницею на землю. Вѣшерь слегка покачивалъ вершину и когда пуш-

никъ, немного проѣхавъ, оглянулся назадъ, по ему показалось, что какой нибудь непризненный духъ, принявъ дикій, величественный образъ, медленно слѣдовалъ за нимъ, печально покачивая угрюмою бородою и разкидывая шемнозеленія объѣпія свои, въ намѣреніи схватить его.

— «Что же далѣе случилось?» спросилъ онъ умолкшаго рассказчика, спараясь подавить невольную робость.

— «Что? крушо пришлось пану: разпустилъ всю свою дворню, спалъ схимникомъ, и какъ онправилъ пяшьдесять двѣ панихиды за упокой души дьякона, тогда шолько спихнуло чудо. Куда же дѣлся послѣ того схимникъ, этого никшо не скажешъ вамъ. Дня за три до купала, кашлешъ съ эшаго дерева день и ночь роса. Говоряшъ еще, что и сгубленная чья-шо душа паскается по лѣсу. Теща рассказывала года за чешыре, когда была еще при памяти, что встрѣшила однажды въ лѣсу дьявола въ красномъ жупанѣ, въ какомъ ходилъ и покойный панъ. — Цобъ, цобъ, цобе! гей! Вошъ мы, добродію, и пріѣхали.» Лапчинскій увидѣлъ дѣйствительно передъ собою низенькіе воропа, рѣдко убитые впоперегъ положен-

ными досками, какіе и шеперь можно видѣшь почти у каждаго Малороссійскаго поселнина. Лай собакъ залился по лѣсу и спарая женщина, въ накинутомъ на плеча пуплѣ, вышла опворить вороша. Глазамъ нашего пущника предспавился не большой дворикъ, обнесенный заборомъ изъ болошнаго проспника, нѣсколько сараевъ и хлѣвовъ, укрытыхъ шакимъ же проспникомъ, и обыкновенная Малороссійская хапа. На дворѣ навалецъ былъ ворохъ ульевъ, изъ копорыхъ многіе развѣшены были на деревьяхъ, нагибавшихъ совсѣхъ споронѣ любовышныя вѣшви свои во дворѣ, какъ будшо низкая буколическая жизнь его могла доспавить имъ, величественнымъ, занимапельное зрѣлище. Позади двора шянулось еще какое-шо спроеіе; копораго за шемношою нельзя было разпознашь. По всему можно было заключить, что имѣіе сіе принадлежало слишкомъ зашпшочному Козаку: въ шогдашнія времена не у всякаго могло найшсь подобное великолѣіе. Пока хозяинъ занимался выгрузкою своего выюка, Лапчинскому было довольно времени разсмоирѣшь внушренность эшого обшпалища. Все въ немъ было почти шакже, какъ и

нынѣ у просполюдимовъ Малороссіи: прошивъ дверей нѣсколько оконъ, передъ ними споль, на кошоромъ замѣшилъ онъ ржаной хлѣбъ и соль, не снимавшіеся съ него никогда въ знакъ того, что гость во всякое время можешъ найти радушный пріемъ себѣ. Всю комнату обходили липовыя широкія и узкія лавки; у дверей громадилась печь, съ отверспіемъ внизу, заслоненнымъ частію рѣшешкою, изъ-за кошорой выглядывали куры, гусы, индѣйки и домашніе кролики. Каждый изъ сихъ безсловесныхъ жильцовъ суешился по своему: пищаль, кудахпаль, гогопаль и давалъ знашь что онъ ни мало не послѣднее изъ швореній. На полу мальчишка лѣпъ чешырехъ колопиль огромнымъ подсолнечникомъ по опрокинутому горшку, между шѣмъ какъ другой, годомъ по спарѣе, душиль за горло копа, напѣвая какую-то пѣсню, кошорую, вѣрно, опъ часпаго повшоренія его машери, заучиль навѣки. Передъ большимъ, окованнымъ сундукомъ, сидѣла дѣвочка лѣпъ одиннадцати, держа на рукахъ груднаго ребенка, плакавшаго изо-всѣхъ силъ, не смощра на шо, что она, желая забавишь его, побрякивала огромнымъ замкомъ и спращала ма-

люпку вошедшимъ гостемъ. На спѣнѣхъ висѣли: серпъ, сабля, ружье, котораго замокъ былъ развинченъ и лежалъ близъ него на полкѣ, вѣроятно опложенный для подчинки, съкира, Турецкій пистолепъ, еще ружье, неопущенная коса и корошенькая нагайка — орудія, съ незапамятныхъ временъ вѣчно враждовавшія между собою и копорья непонятный человекъ заставляешъ мириться, не смопря на несходныя ихъ свойства.

— «Прошу непогнѣваться, добродію, что заставилъ васъ ждашь не много?» сказалъ вошедшій хозяинъ: «шакъ прокляшая ярмарка ошеломила меня, что до сихъ поръ въ головѣ базаръ ходишь. Счасье еще, что спарухи моей нѣтъ дома; а шо бы она вымыла мнѣ голову. Дома шолько насъ: я да пеща.» При семъ словѣ вошла ша самая спаруха, копорая опворяла вороша. Съ какимъ-шо груспнѣмъ чувствомъ разсмаприваль ее пушникъ? казалось, передъ нимъ спояла жершва могилы, въ копорой сильная природа нарочно удерживала жизнь, чшобы показашъ человекъ всю ничшожность долголѣшя, къ коему шакъ жадно спремяшся его желанія. Могильное равнодушіе разливалось на усьяиныхъ морщинами чер-

пахъ ея. Ни искры какой нибудь живоспи въ глазахъ! мушныя, они успрямлялись порой на него; но шопъ бы обманулся, кшо прочишалъ бы въ нихъ чшо нибудь похожее на любопытство. Они ни на чшо не глядѣли; имъ все казалось смупно, какъ не совсѣмъ проснушемуся челоуѣку. Покамѣсь предавался онъ шакимъ чувспвамъ, старуха опправилаь на печь, всегдашнее свое жилище, весь мѣръ свой, копорый шакже казался ей проспоренъ и люденъ, какъ и всякой другой; а хозяйнъ обратился къ дѣшамъ своимъ. «Ай, да Федошъ!» говорилъ онъ, поднимая одною рукою подъ пополокъ мальчика съ подсолнечникомъ: «гдѣ ты взялъ шакой спрашннй сонечникъ (*)? да эшимъ ты какъ нибудь челоуѣка убьешь! Ты чшо шамъ дѣлаешь Карпо? коша душишь? какой же я шебъ госпинецъ привезъ! Спунай же, собачій сынъ! чшоужъ ты спонишь и рошъ разинулъ? Вошъ какъ видите, добродію, спо разъ шолкую, чшо я его башька: до спхъ поръ не вѣришь ледача дѣшина (**)! А ты плакса, долго будешь ревѣшь! А подайне мнѣ бапогъ! вошъ я

(*) Подсолнечникъ, по Малороссійскому прозвищенію.

(**) Негодный ребенокъ.

его! Давай его сюда, Маруся; я сей часъ за окошко: пущь тамъ съѣдашъ его волки, либо Ляхи

— «Тебя шаки, землякъ, Богъ надѣлилъ дѣшми?» сказалъ госпъ нашъ своему хозяину.

— «Да не безъ того, мосьпане! всѣхъ-то ихъ у меня семеро. Два уже поженился на чужой споронъ: только чорпъ знаешъ какое приданное взяли за невѣспами: по сажени земли, на кошорой ничего ни родишся, кромъ полыни и бурьяну. Чпожъ ты, Федотъ, не скажешъ спасибо? папъ даешъ пряникъ, а онъ и не поклонишся. Не извольше цѣловашъ его! у него вся рожа выпачкана золою. Были мнѣ съ нимъ порядочныя хлопоты. Услышалъ, чпо тду на ярмарку: возьми и меня, папу! — Да куда я тебя дѣну? тамъ тебя задавшъ! — Пѣтъ не задавшъ! возьми, да и возьми! — Да тамъ шеперь сполько Цыгановъ, чпо еще украдушъ тебя, и шогда поминай какъ звали.—Возьми, да и шолько! — Чпо спанешъ дѣлшшь? плачу шакого нашворилъ, чпо Боже упаси. Насилу унялъ его обѣщаніемъ привезши медоваго коня съ золошой головою. Ну, Маруся, машери цезачѣмъ дожи-

дашься: давай-ка намъ вечеряшь, баба ужъ вѣрно спишь! Такъ до кого, добродію» продолжалъ онъ, вдругъ оборотясь къ госпою и садясь за столъ» говоришь ты, ѣдешь? уменя подь спаросшь голова какъ дырявое ведро: сколько ни лей воды въ него, все пусто; сколько ни полкуй умныхъ рѣчей, все позабудешь.»

— «Какъ, замлякъ? развъ я не сказалъ тебѣ, чшо до Глечика,» опвѣчалъ гость, немного удивленный шакою спранною забывчивосьюю.

— «До Миргородскаго Полковника? шакъ нечего тебѣ и забираться шакъ далеко: не кшо другой, какъ онъ, сидишь передь шобою, мосьпане!»

Если бы въ это время пуля пролетѣла мимо ушей Лапчинскаго, онъ былъ бы мене удивленъ. Такъ внезапно, шакъ неожиданно напасшь на него въ разплехъ, когда всѣ мысли его разбрелись когда нъшь! не можешъ бышь: онъ ослышался! И глаза его неподвижно устремились на хозяина, какъ бы желая удостовѣриться въ лживосши шого, о чемъ донесъ ему слухъ его.

1830.

О ПРЕПОДАВАНИИ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

О ПРЕПОДАВАНИИ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

=

I.

Всеобщая Исторія, въ истинномъ ея значеніи, не естъ собраніе частныхъ Исторій всѣхъ народовъ и Государствъ безъ общей связи, безъ общаго плана, безъ общей цѣли, куча произшествій безъ порядка, въ безжизненномъ и сухомъ видѣ, въ какомъ очень

*

часто ее представляють. Предметъ ея великъ: она должна обнять вдругъ и въ полной карпинѣ все человѣчество, какимъ образомъ оно изъ своего первоначальнаго, бѣднаго младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и наконецъ достигло нынѣшней эпохи. Покажутъ весь эпоху великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ челоуѣка кровавыми трудами, борясь опъ самой колыбели съ невѣжествомъ, природой и исполинскими препяшствіями: вопъ цѣль всеобщей Испоріи! Она должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно спройное цѣлое; изъ нихъ соспавитъ одну величественную полную поэму. Произшествіе, не произведшее вліянія на міръ, не имѣетъ права войти сюда. Всѣ событія міра должны быть пакъ тѣсно связаны между собою и цѣпляться одно за другое, какъ кольца въ цѣпи. Если одно кольцо будетъ вырвано, то цѣпь разрывается. Связь эту не должно принимать въ буквальный смыслъ. Она не есть та видимая, вещественная связь, копорою часто насильно связываютъ произшествія, или Система, создающаяся

въ головѣ независимо опъ фактовъ, и къ которой послѣ своевольно припягиваютъ событія міра. Связь эпа должна заключаться въ одной общей мысли: въ одной неразрывной Исторіи человѣчества, передъ которою и Государства и событія — временныя формы и образы! Міръ долженъ быть представленъ въ помъ же колоссальномъ величій, въ какомъ онъ являлся, проникнутый гъми же таинственными пушями Промысла, которые такъ непосредственно на немъ означались. Импересъ необходимо долженъ быть доведенъ до высочайшей степени, такъ, чтобы слушателя мучило желаніе узнать далѣе; чтобы онъ не въ состояніи былъ закрыть книгу, или не дослушать, но если бы и сдѣлалъ эпо, то развѣ съ щемъ шолько, чтобы начать съизнова чтеніе; чтобы очевидно было, какъ одно событіе раждаетъ другое и какъ безъ первоначальнаго не было бы послѣдующаго. Только такимъ образомъ должна быть создана Исторія.

II.

Все, что ни является въ Исторіи: народы, событія — должны быть непременно живы и какъ бы находишься предъ глазами

слушашелей, или чипашелей, чшобъ каждый народъ, каждое Государство сохраняли свой мѣръ, свои краски, чшобы народъ со всѣми своими подвигами и вліяніемъ на мѣръ проносился ярко, въ шакомъ же почно видѣ и косшюмѣ, въ какомъ былъ онъ въ минувшія времена. Для шого нужно собрать не многія чершы, но пакія, копорыя бы высказывали много, чершы самыя оригинальныя, самыя рѣзкія, какія шолько имѣлъ изображаемый народъ. Для шого, чшобы извлечь эши чершы, нуженъ умъ, сильный схвашишь всѣ не замѣшныя для проспаго глаза опшѣнки, нужно шерпѣніе перерышь множество иногда самыхъ неиншпересныхъ книгъ. Но что уже одинъ узналъ, шо другимъ передается легко; и цопому слушашели должны узнать эшо, не роясь въ архивахъ.

III.

Прespoдаватель долженъ призвать въ шощь Географію, но не въ шомъ жалкомъ видѣ, въ какомъ ее часшо принимающъ, ш. е. для шого шолько, чшобы показашъ мѣшшо, гдѣ что происходило. Нѣшъ! Географія должна разгадашъ многое, безъ нее неизъяснимое въ Ишпоріи. Она должна пока-

зашь, какъ положеніе земли имѣло вліяніе на цѣлыя націи; какъ оно дало особенный характеръ имъ; какъ часто гора, вѣчная граница, взгроможденная Природою, дала другое направленіе событіямъ, измѣнила видъ міра, преградивъ великое разлічіе опустошительнаго народа, или заключивши въ неприсущной своей крѣпости народъ малочисленный, какъ это могучее положеніе земли дало одному народу всю дѣятельность жизни, между шѣмъ какъ другой осудило на неподвижность; какимъ образомъ оно имѣло вліяніе на нравы, обычаи, правленіе, законы. Здѣсь-то они должны увидѣть, какъ образуется Правленіе; что его не люди совершенно устанавлюють, но нечувствительно устанавливаетъ и развиваетъ самое положеніе земли; что формы его опъ того священны, и измѣненіе ихъ неминуемо должно навлечь несчастіе на народъ.

IV.

Событія и эпохи великія, всемірныя, должны бытъ означены ярко, сильно, должны выдвигаться на первомъ планѣ со всѣми своими слѣдствіями, измѣнившими міръ: не шакъ, какъ дѣлають иногда Преподаваше-

ли, копорые, сказавши, что шакое-шо про-
исшесшвіе еспъ великое, пѣмъ и опдѣлы-
ваюпша, или приводяпшъ близорукія слѣд-
спвіа въ видѣ опрубленпыхъ вѣшвей, шо-
гда какъ должно развпшъ его во' всемъ про-
спранспвѣ, вывеспшъ наружу всѣ шайныя
причины его явленія и показашъ, какпмъ
образомъ слѣдспвіа опъ него, какъ широ-
кія вѣшви, распросшпращающа по грядущпмъ
вѣкамъ, болѣе и болѣе развѣшпвляюща на
едва замѣшпные оппрыскп, слабьюпшъ и на-
конецъ совершенно исчезающпшъ, или глухо
опдающа даже въ нынѣшніа времена, по-
добно сильному звуку въ горномъ ущельи,
копорый вдругъ умираешъ послѣ рожденія,
но долго еще опзываетса въ своемъ эхѣ.
Эпш собышпіа должно показашъ въ шакомъ
видѣ, чтообы всѣ видѣли ясно, что они ве-
лікіе маякп Всеобщей Испоріи; что на нпхъ
она держпшса, какъ земля держпшса на
первозданныхъ гранипахъ, какъ живощное
на своемъ скелешѣ.

V.

Теперь объ образѣ преподаванія. Слогъ
Профессора долженъ бышъ увлекашельный,
огненный: Онъ долженъ въ высочайшей спеш-

пени овладѣть вниманіемъ слушателей. Если хопъ одинъ изъ нихъ можешь предаться во время лекціи постороннимъ мыслямъ, то вся вина падаетъ на Профессора: онъ не умѣлъ бышь пакъ занимашелень, чшобы покоришь своей волю даже мысли слушателей. Нельзя вообразить не испытавши, какое вредное вліяніе происходитъ отъ того, еели слогъ Профессора вяль, сухъ и не имѣетъ той живоспи, которая не даетъ мыслямъ ни на минушу разсыпашься. Тогда не спасетъ его самая ученость: его не будешь слушать; тогда никакія истины не произведешь на слушателей вліянія, пошому, что ихъ возрастъ есть возрастъ энтузіазма и сильныхъ потрясеній: тогда происходитъ то, что самыя ложныя мысли, слышимыя ими спорною, но выраженныя блестящимъ и привлекательнымъ языкомъ, мгновенно увлекають ихъ и дадешь имъ совершенно ложное направленіе. Что же тогда, когда Профессоръ еще сверхъ того облеченъ школьною методою, схоластическими мерзвыми правилами, и не имѣетъ даже умственныхъ силъ доказашь ихъ; когда юный развертывающійся умъ слушателей, начинающая понимать уже выше его, приучается

презираешь его? Тогда даже справедливыя замѣчанія возбуждаютъ внушительнѣйшій смѣхъ и желаніе дѣйствовать и успѣвать наперекоръ; тогда самыя священныя слова въ устахъ его, какъ-то, преданность къ Религіи и привязанность къ Отечеству и Государю, превращаются для нихъ въ мнѣнія ничтожныя. Какія изъ этого бываютъ ужасныя слѣдствія, это видимъ къ сожалѣнію не рѣдко. И потому-то не должно упускать изъ вниманія, что возрастъ слушателей, есть возрастъ сильныхъ впечатлѣній; и потому нужно имѣть всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этою энтузіазмъ ихъ на прекрасное и благородное; чтобы разсказъ Профессора дышалъ самъ энтузіазмомъ. Его убѣжденія должны быть такъ сильны, такъ выведены изъ самой Природы, такъ естественны, чтобы слушатели сами увидѣли истину еще прежде, нежели онъ совершенно укажетъ на нее. Разсказъ Профессора долженъ дѣлаться по временамъ возвышенъ, долженъ сыпаться и возбуждать высокія мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть простъ и понятенъ для всякаго. Истинно высокое одѣло величественною простотою: гдѣ величіе, тамъ

и проспоша. Онъ не долженъ довольствоваться тѣмъ, что его нѣкоторые понимаютъ; его должны понимать всѣ. Чтобы дѣлаться доступнѣе; онъ не долженъ быть скупъ на сравненія. Какъ часто понятное еще болѣе поясняется сравненіемъ! и попому эти сравненія онъ долженъ всегда брать изъ предметовъ самыхъ знакомыхъ слушателямъ. Тогда и идеальное и ошвлеченное становится понятнымъ. Онъ не долженъ говорить слишкомъ много, попому, что этимъ упоминается вниманіе слушателей и попому, что многосложность и большое обиліе предметовъ не дадутъ возможности удерживать всего въ мысляхъ. Каждая лекція Профессора непременно должна имѣть цѣльность и казаться оконченною, чтобы въ умъ слушателей она представлялась стройною поэмою; чтобы они видѣли въ началѣ, что она должна заключать въ себѣ и что заключаетъ: чрезъ это они сами въ своемъ разсказѣ всегда будутъ соблюдать цѣль и цѣльность. А это необходимо всего въ Исторіи; гдѣ ни одно событіе не брошено безъ цѣли.

VI.

Планъ же для преподаванія, послѣ многихъ наблюденій, испытаній себя и слушателей, я полагаю лучшимъ слѣдующій:

Прежде всего почишаю необходимымъ предсавишь слушателямъ эскизъ всей Испоріи человѣчества, въ немногихъ, но сильныхъ словахъ и въ нераздѣльной связи, чшобы они вдругъ обняли все по, о чемъ будупъ слышатъ, иначе они не такъ скоро и не въ такой ясности постигнутъ весь механизмъ Испоріи. Все равно, какъ нельзя узнать совершенно городъ, исхидивши всѣ его улицы: для эшого нужно взойти на возвышенное мѣсто, откуда бы онъ видѣнъ былъ весь, какъ на ладони. Я набрасываю здѣсь эскизъ для шого, чшобы показанъ вмѣстѣ, въ какомъ видѣ и въ какой связи должна бытъ Испорія.

Прежде всего я долженъ предсавишь, какимъ образомъ человѣчество началось Воспокомъ. Я долженъ изобразишь Воспокъ съ его древними Пашріархальными Царствами, съ Религіями, облеченными въ глубокую шайнственность, шакъ непонятную для проспаго народа, кромъ Религій Евревъ, между коими сохранилось чистое, перво-

бышное видѣніе истиннаго Бога; какъ эпи древнія Государства оградились другъ отъ друга, будио неприспунною стѣною, неперпимостью и Кипайскою оспорожноспью; какъ одинъ полько народъ Финикійскій, первые мореплаващели Древняго Міра, приводилъ невольню своею промышленностью въ сообщеніе эпи почти неподвижныя Государства, и какимъ образомъ первый всемірныи завоеващель, Киръ, съ свѣжимъ и сильнымъ народомъ, Персами, подвергъ весь Воспокъ своей власпи и насильно соединилъ разнохарактерныя народы; но нравы, Религія, формы правленія оспались въ Государствахъ пѣже, Цари полько обраппились въ Самраповъ, и весь Воспокъ видѣлъ надъ собою одну верховную власпъ Царя Царей, Персидскаго Повелищеля; — какъ постепенно отъ взаимнаго сообщенія эпи народы щеряли свою особенностъ и національностъ, и вмѣстѣ съ своимъ Царемъ Царей, понпи Богомъ не видимымъ для народа, поверглись въ Азіашскую роскошь. — Здѣсь я оспанавливаюсь и обращаюсь къ другой частпи Древняго Міра, къ Европѣ: Я долженъ изобразить, какъ возникъ въ ней эпитъ цвѣщъ его, народъ Греческій,

съ живымъ, любопытнымъ умомъ, республиканскимъ духомъ, совершенно противоположными формами правленія, Поэтической Религіей, ясными, живыми идеями, шакъ противоположными важной главнѣйшей роли Воспока; какъ развернулось у нихъ просвѣщеніе въ шакомъ не обыкновенномъ блескѣ, и какъ наконецъ одинъ честолюбивый Грекъ подвергъ ихъ своей Монархической власти, какъ эпошъ великій Грекъ задумалъ Гигантское дѣло: соединишь Воспокъ съ Европою, и разнесешь вездѣ Греческое просвѣщеніе. И вопшъ, чшобы связать шѣсные при часши свѣща, спроишся городъ Александрія; Герой умираешъ, Всевѣщная Монархія падаешъ вмѣстѣ съ нимъ. Но подвиги его живы, плоды зрѣющъ: наспаешъ знаменитый Александрійскій вѣкъ, когда весь Древній Міръ шолнишся у гавани Александрійской, когда Греческіе Ученые во всѣхъ городахъ, и національность ошашъ исчезаешъ, народы ошашъ смѣшивающся! А между шѣмъ въ Италіи, почши невидимо ошъ всѣхъ, созрѣваешъ желѣзная сила Римлянъ.

Я долженъ изобразить, какъ эпошъ суровый, воинственный народъ покоряешъ

одно за другимъ Государства, обогащается награвленными богатствами, поглощаетъ весь Востокъ. Легіоны его проникають въ шь земли Европы, гдѣ владѣніе уже не доставляетъ ничего нужнаго для чловѣка. Уже Цезарь заноситъ ногу въ Бришаннію, Римскіе Орлы на скалахъ Албіона . . . , между шьмъ невѣдомыя степи средней Азіи извергають полпу невѣдомыхъ народовъ, кошорые пѣснятъ и гонятъ предъ собою другихъ, вгоняють ихъ въ Европу, сами несущая по пятамъ ихъ, и грозно оспанавливаются на Сѣверъ, какъ зловѣщая кара, ожидающая обреченной жершвы, скрытые ошь Римлянъ Германскими лѣсами и непроходимыми болошами. А между шьмъ уже ни одного не оспается независимаго Царства. Весь міръ раздѣленъ на Римскія Провинціи. Римляне перенимають все у побѣжденныхъ народовъ, сначала пороки, потомъ просвѣщеніе. Все мѣшается опять. Все дѣлаются Римлянами и ни одного настоящаго Римлянина! И когда разврашныѣ Имперашоры, своевольное войско, оппущенники и содержашели зрѣлищъ шпранспвуютъ надъ міромъ, — въ нѣдрахъ его непримѣпно совершается великое событіе: въ

вешхомъ міръ зарождается новый! воплощается не узанный міромъ Божественный Спаситель его; и вѣчное слово, непонятое власпелинами, раздаётся въ пемницахъ и пусшыняхъ, паинспвенно выжидая новыхъ народовъ. Наконецъ на весь древній міръ непоспизимо находишь лепаргическій сонъ, па спрашная неподвижность, по ужасное онѣмъніе жизни, когда просвѣщеніе не двигается ни впередъ, ни назадъ, сила и характеръ исчезають, все обращается въ мелкій, ничшожный эпикешъ, жалкую разврашную безхарактерность. А въ Азіи между шѣмъ новый полчокъ, какъ элекприческая искра, пробѣгаетъ по всей цѣпи: одинъ народъ пѣснитъ и гонитъ передъ собою другой, кошорый въ свою очередь сгоняетъ прешій, и самые крайніе появляются уже на Римскихъ границахъ, погда какъ жалкіе Побѣдители Міра упошребляють всѣ усилія спасши себя: сначала ошкупаються золошомъ, пошомъ изъ нихъ же соспавляютъ себѣ войско зашщипникомъ, пошомъ ошдають имъ одну за другою всѣ свои провинціи, наконецъ предають имъ Римъ, и шѣ, кошорые сохраняли еще слабые ошпашки познаній, бѣгутъ на Воспокъ,

прочі невѣжественные и слабые исчезають въ сильныхъ шолпахъ новаго народа.

Я долженъ изобразить, какъ начинается новая жизнь въ Европѣ; какъ основывающіяся и принимающія Крещеніе дикія Государства въ границахъ назначенныхъ Природою, съ феодалными правами, съ вассальными владѣніями, и какъ могущественный Папа, прежде шолько Римскій Первосвященникъ, дѣлается Государемъ, незамѣтно присоединяетъ къ своей сильной религіозной власпи свѣтскую. Между тѣмъ, на Воспокъ оспашки Римлянъ шѣснящаяся и покоряющіяся новымъ сильнымъ народомъ, мгновенно, какъ бы фаншаспически возродившимся на своемъ каменномъ Аравійскомъ полуостровѣ, подвигнутымъ до испуцленія Религіей, совершенно Воспочной, основанной полупомѣшаннымъ энпузіаспомъ Магомешомъ; какъ эшощъ народъ, съ Азіашской саблей въ рукахъ, распрощраняетъ Магомешанство на мѣсто прежнихъ оспашковъ Греческаго просвѣщенія, и какъ изумительно, быспро эшощъ чудесный народъ изъ завоевателей дѣлается прѣсвѣтителемъ, развершывающіяся во всемъ блескѣ, съ своей роскошной фаншазіей, глубокими мыслями и поэзіей жи-

зни, и какъ онъ вдругъ меркнетъ и затмѣвается выходцами изъ-за моря Каспійскаго, копорымъ оспавляешъ въ наслѣдство одно Магомешанство, какъ почти въ то же время въ Европѣ корсары сѣверныхъ морей, Норманны, съ неслыханною дерзостью, въ маломъ числѣ, грабящъ и овладѣвающъ цѣлыми Государствами, наконецъ перемѣняющъ дикую Религію свою на Христіанство и прибавляющъ Европѣ свою силу и нравы; а между тѣмъ Папа мало по малу дѣлается неограниченнымъ Монархомъ всей Европы, и самый Императоръ Нѣмецкій, котораго уважали всѣ народы, не смѣетъ прошивущающъ ему, и какъ по мановенію его цѣлые Народы, Вассалы, Короли, оспавляютъ свои земли, богатства, кладущъ пламенный Крестъ на рамена и спѣшатъ съ энтузіазмомъ въ Палестину; какъ вся Европа, двинувшись съ мѣстъ, валился въ Азію, Востокъ спѣбается съ Западомъ, и двѣ грозныя силы, Христіанство съ Магомешанствомъ; какъ это великое событіе поражаетъ Рыцарство, обнявшее всю Европу; какъ возникли Орденскія Общества, осудившія себя на безбрачную, одинокую жизнь, чпобы быть вѣрными одной цѣли, и про-

изошелъ самый сильнорелигіозный Христіанской вѣкъ; какъ энтузіазмъ къ вѣрѣ перешелъ попомъ границы, начерпанныя десницею Божественнаго Спасителя; и какъ въ то же время невидимо опъ всей Европы совершается великій эпизодъ Всемирной Истории: создается безпримѣрная по величинѣ Монархія Чингисханова, поглощавшая всѣ Азіатскія земли, неизвѣстныя Европейцамъ. Въ Европѣ одни только монастыри имѣютъ землю и осѣдлость; все обратилось въ Рыцарство, все кочуетъ, все неспокойно: каждый вмѣстѣ и воинъ и Полковдецъ, и Вассалъ и Повелитель, и слушается и не слушается, — вѣкъ величайшаго разбедненія и вмѣстѣ единства! Каждый управляетъ своей волей и между пѣмъ всѣ согласны въ одной цѣли и мысляхъ. Бѣдные поселяне вышерпѣвъ чашу бѣды, наконецъ рѣшаются соединиться независимо опъ своихъ повелителей въ города. Возникаетъ среднее сословіе Гражданъ, города начинаютъ богатьшь, и на Сѣверѣ Европы, въ оппоръ Рыцарямъ, образуется Ганзейскій Союзъ, связывающій всю Сѣверную Европу своей торговлей. Между пѣмъ на югъ возникаетъ порожденіе Кресповыхъ похо-

*

довъ — спрашная поргговлею Венеція, эша Царица морей, эша чудная республика, съ такимъ замысловапымъ и необыкновенно успроеннымъ правленіемъ. Всъ богашспва Европы и Азіи невидимо перешли въ ея руки, и какъ Папа религіозною властью, шакъ Венеція непомърнымъ богашспвомъ повелъвала Европою. Духовный Деспотъ упошреблялъ всъ силы убипшь ея поргговлею, но все было напрасно — пока наконецъ Генуэзскій гражданинъ не убилъ ее опкрыпиемъ Новаго Свѣша. Наконецъ я долженъ предста-вишь, какъ вдругъ разширился кругъ дѣй-сшвій; какъ пала поргговля Средиземнаго моря. Европейцы съ жадностью спѣшапшь въ Америку и вывозяпшь кучи золоша; Ашлан-шическій и Воспочный Океаны въ ихъ вла-спши; и въ шоже время Папскія Миссіи про-никаюпшь въ Сѣверовоспочную Азію и Аф-рику — и міръ опкрываешся почти вдругъ во всей своей обширности. Между шѣмъ въ Европѣ по немногу сомнѣваюпшь въ справе-дливости Папской власти и, какъ прежде поргговлею Венеціи убцлъ бѣдный Генуэзецъ, шакъ власть Папы сокрушилъ Августин-скій Монахъ Люшеръ. Какъ образовалась эша мысль въ головѣ смиреннаго монаха, какъ

сильно и упрямо защищалъ онъ свои положенія! Какъ, при паденіи своемъ, Папа спановился грознѣе и избрѣшашельнѣе: ввель ужасную Инквизицію и спрашный, невидимою силою Орденъ Іезуитскій, копорый вдругъ разсыпался по всему Свѣшу, проникъ во все, прошелъ вездѣ, и шайно общался между собою на двухъ розныхъ концахъ міра. — Но чѣмъ грознѣе спановился Папа, шѣмъ сильнѣе прошивъ него работаши шипографскіе спанки. Вся Европа раздѣлилась на двѣ паршіи, и эши паршіи наконецъ схвапились за оружіе, и война жестпокая внупри и внѣ Государствъ, долгая, обхвашила вдругъ всю Европу. Но уже не копьями и не спрѣлами производилась она. Нѣшъ! пушками, ядрами, громомъ и огнемъ, ужаснымъ и благодѣшельнымъ избрѣшеніемъ монаха-Алхимиспа разыгралась эша великая шяжба. Духовная власть нала. Государи спановяшся сильнѣе. Я долженъ избразишь, какъ измѣнилась Европа послѣ эшихъ войнъ. Государства; народы, сливаюшся площнѣе въ нераздѣльные массы. Нѣшъ шого разъединенія власши, какъ въ Средніе вѣка. Она сосредощивается болѣе въ одномъ лицѣ. И какъ опъ шого сильные ха-

ракшеры спановляшся виднѣе, кругъ Государей, Министровъ, Полководцевъ обширнѣе! Самъ собою, невольно завязываешся въ Европъ Полишическій союзъ, полагающій защищать оружіемъ неприкосновенность каждаго Государства. А между тѣмъ, неупомимые купцы — Голландцы, вырвавшіе свою землю у моря, овладѣвають островами Воспочнога Океана, берутъ милліоны за разводимые на нихъ планшаци драгоцѣнныхъ расшѣній Юга и, какъ прежде Венеція, схватываютъ шорговлю всего міра, пока одинъ необыкновенный Государь не подрываетъ ее и не покушаешся на неприкосновенность Государства. Я долженъ изобразить блестящій вѣкъ, произведенный эшимъ Государемъ (Лудовикомъ XIV), когда Франція закипѣла издѣліями роскоши, фабриками, Писашелями, когда Парижъ сдѣлался всемірною столицею, куда съѣзжались со всей Европы, и Французскій языкъ, Французскіе нравы, Французскій эшикетъ и обычаи распространились по всей Европѣ. Но, нарушивши неприкосновенность чужихъ владѣній, эшопъ честшлюбивый Король хопя и распшриваешъ шорговлю Голландцевъ, но вмѣстѣ разоряешъ свое Государство и

самъ убиваетъ свое величіе. Какъ быстро пользуясь этимъ оспровишяне Бришанскіе, кошорые до того медленно, но вѣрно близились къ своей цѣли, наконецъ очутились почши вдругъ обладашелями торговли всего міра: ворячашъ миллионами въ Индіи, собирающъ дань съ Америки, и гдѣ только море, тамъ Бришанскій флагъ. Имъ преграждаетъ пушь исполинъ XIX вѣка, Наполеонъ, и уже дѣйствуетъ другимъ Орудіемъ: совершенно военнымъ деспотизмомъ; своими быспрыми движеньями оглушаетъ Европу и налагаетъ на нее желѣзное свое прошекпорство. Напрасно гремитъ противъ него въ Англійскомъ Парламентѣ Пиппъ и составляетъ спрашныя союзы. Ничто не имѣетъ духа ему противиться, пока онъ самъ не набѣгаетъ на гибель свою, вшоргнувшись въ Россію, гдѣ невѣдомыя ему просшранства, люшость климата, и войска, образованныя Суворовскою шакшикою, погубляющъ его. И Россія, сокрушившая этого исполина о неприсшупныя швердыни свои, ошпанавливается въ грозномъ величій на своемъ огромномъ Сѣверовоспокъ. Освобожденныя Государства получающъ прежній видъ и прежнія формы, ушвержда-

юшъ снова союзъ и неприкосновенность владѣній. Просвѣщеніе, не оспанавливаемое ничѣмъ, начинаешъ разливашъся даже между низшимъ классомъ народа; паровыя машины доводяшъ мануфактурность до изумительнаго совершенства; будто невидимые духи помогающъ во всемъ человѣку и дѣлающъ силу его еще ужаснѣе и благодѣшельнѣе; и онъ, въ священномъ пррешъ, видишъ, какъ Слово изъ Назарета обпекло наконецъ весь мѣръ.

Когда Исторія мѣра будетъ удержана въ шакомъ крашкомъ, по полномъ эскизѣ и происшествія будутъ шакъ связаны между собою, тогда ничшо не улешинъ изъ головы слушашелей, и въ умѣ ихъ невольню соснавшся цѣлое. Наконецъ эпоцъ эскизъ, развшвшсь въ великомъ обѣемѣ, соснавшнъ полную Историю человѣчества.

VII.

Послѣ изложенія полной Истории человѣчества, я долженъ разобрать опдѣльно Историю всѣхъ Государствъ и народовъ, составляющихъ великій механизмъ Всеобщей Истории. Напураально ша же полноша, ша же цѣлосшь должна бышь видна и здѣсь въ

обозрѣніи каждаго порознь. Я долженъ об-
няшь его вдругъ сначала до конца: какъ
оно основалось, когда было въ силѣ и блес-
къ, когда и опъ чего пало (если шолько па-
ло), и какимъ образомъ доспигло шого ви-
да, въ какомъ находишься нынѣ; если же
народъ сперся съ лица земли, шо какимъ
образомъ на мѣсто его образовался новый и
чно принялъ опъ прежняго.

VIII.

Чшобъ еще глубже все сказанное вошло
въ память, по окончаніи курса необходимы
повшорительные обзоры. Но чшобы повшо-
реніе было успѣшнѣе, нужно спараться да-
вать ему инпересъ и занимательность но-
визны. Послѣ Исторіи всего міра и опдѣль-
но каждой земли и народа, не мѣшаешь сдѣ-
лать обзоръ каждой части свѣта и шупъ
показать все опличіе какъ ихъ, шакъ и на-
родовъ, въ нихъ находящихся, чшобъ слу-
шатели сами могли вывести резульшанъ:

Во первыхъ объ Азіи, эшой обширной ко-
лыбели младенчеспвующаго человѣчеспва —
землѣ великихъ переворошовъ, гдѣ вдругъ
возрастають въ спрашномъ величій наро-
ды и вдругъ спираються другими; гдѣ

сполько націй невозвратно пронеслись, одна за другою, а между тѣмъ формы правленія, духъ народовъ одни и тѣ же, все шакже важень, шакже гордь Азіяшець, шакже быспро воспламеняешя и кишишь спрасшями, шакже скоро предаешя лъни и бездѣйственной роскоши. И вмѣстѣ съ симъ эпа часшь свѣша ешь земля разшпелныхъ прошивоположностей и какогшпо великаго беспорядка: еще одинъ народъ кочуешъ беззабошно въ необозримомъ многлюдспвѣ съ необозримыми шабунами, а между тѣмъ на другомъ концѣ, гдѣ нибудъ въ пусшынѣ, испушленнй изувѣрь, изнурая себя безконечнымъ поспомъ, замьшляешъ новую Религшю, копорая въ послѣдспвн обхвашишь всю Азію, одѣнешъ народъ, какъ непроницаемой броней, своимъ испушленнымъ вдохновеніемъ и поведешъ его на разрушеніе; и шущъ же, можешъ бышь, не далеко ошъ него находшся народъ, уже перешедшй въ эши явленія и кризисы, уже погруженнй въ роскошь, упомленнй Азіашскимъ пресыщеніемъ. Только здѣсь можешъ находшся ша спранная прошивоположностъ, копорой дивимся въ деревѣ Юга, гдѣ на одной вѣшкѣ, въ одшо время,

одинъ плодъ цвѣшетъ, между тѣмъ какъ другой наливается, прешій зрѣетъ, чешвершый переспѣлый валился на землю.

Помомъ о Европѣ, Исторія копорой означена совершенно прошивоположною характерношью, гдѣ сущеспвованіе народовъ, напрошивъ, долго и мощно; гдѣ все, напрошивъ, порядокъ и спройношшь: народы разомъ подвигающа шакшъ въ шакшъ, какъ регулярныя Европейскія войска; Государсшва всѣ почти въ одно время распушъ и совершенспвующа; при всѣхъ характерныхъ опличіяхъ націй, въ нихъ видно общее единспво и каждая изъ нихъ шакъ чудно запушана съ другими, что спановишса совершенно поняшною шолько въ соединеніи со всей Европою, и вся Европа кажешся однимъ Государспвомъ. И въ эшой небольшой часпи свѣша рѣшилась долгая шажба: человекъ спалъ выше Природы, а Природа обрашшлась въ Искуспво; самая бѣдношшь и скупосшшь ея вызвали наружу весь безграничный міръ, скрывавшійся въ человекѣ, дали ему почувспвовашъ, во сколько онъ выше земнаго и преврашшили всю спрану въ вѣчную жизнь ума. Въ эшой одной шолько часпи свѣша могуцеспвенно

развился высокій геній Христіанства и необъяпная мысль, осьъненная небеснымъ знамениемъ Креста, витаешъ надъ нею, какъ надъ опчиною.

Попомъ объ Африкѣ, предспавляющей въ пропивоположностъ Европѣ смерпъ ума, гдѣ Природа всегда деспотически властвовала надъ человѣкомъ; гдѣ она во всемъ своемъ царспвенномъ величїи и всегда почти возвращала его въ первобытное состояніе, въ жизнь чувспвенную; гдѣ ни одинъ коренной пуземной народъ не прожилъ мощною жизнью и не опбросилъ опъ себя яркихъ лучей на мїръ; гдѣ даже переселенцы съ другихъ земель напрасно вступали въ борьбу съ палящею Природою Африканскою; чѣмъ далѣе погружались они въ Африку, тѣмъ глубже повергались въ чувспвенностъ.

Наконецъ объ Америкѣ, эпохой всемірной колонїи, Вавилонскомъ смѣшенїи націй, гдѣ сполкнулись при прошивурѣчашїа часпи свѣща, смѣшались, но еще не слились въ одно, и попому еще не имѣющей покамѣспъ никакого единспва, даже единспва Религїи; не взирая на часпную характерностъ не получившей общаго характера; не смо-

пря на огромную массу, все еще состоящей из первоначальных спихій, разложенных началъ; не смотря на независимыя Государства, все еще похожей на колонию.

Быстрый обзоръ Исторіи каждой части свѣта, во всей ея рѣзкой характерности, не поверхностный, но глубокий — результатъ вѣковъ и событій, пошому необходимо, что онъ наводитъ на мысли и заставляетъ слушателей думать. Умъ тогда быстрее развивается, когда самъ предлагаетъ себя великій и поэпическій вопросъ. Этотъ обзоръ каждой части шѣмъ болѣе еще необходимо, что показываетъ часто съ новой спороны шѣ же предметы. А для полнаго уразумѣнія нужно, что бы предметъ былъ освѣщенъ со всѣхъ споронъ. Только тогда вы знаете хорошо Исторію, говоритъ Шлецеръ, когда знаете ее и вдоль и поперекъ, и вкось, и во всѣхъ направленіяхъ.

IX.

И для того въ видѣ эпилога послѣ окончанія курса хорошо разсмотреть за однимъ разомъ весь міръ по шпольшіямъ. Тогда

Всеобщая Исторія предсавивъ у меня великую лѣспницу вѣковъ. Я долженъ непременно показашъ, чѣмъ ознаменовано начало, середина и конецъ каждаго сполѣшїя, попомъ духъ и опличительныя черпы его. Чтобы лучше опредѣлишь каждый вѣкъ и избѣгнушь моношонности числъ, я назову его именемъ шого народа, или лица, который спалъ въ немъ выше другихъ и ярче дѣйсшвовалъ на поприщѣ міра. Эша дѣспница сполѣшїй естъ лучшее средспво къ ушверженію въ памяши слушателей современности собышїй лицъ и явленїй.

Х.

Мнѣ кажешся, что такой образъ преподаванїя будетъ дѣйсшвительнѣе и ближе къ истинѣ. По крайней мѣрѣ глубоко понимающїй величіе Исторїи увидишь, что онъ не произведеніе мгновенной фаншазїи, но плодъ долгихъ соображенїй и опыша; что ни одинъ эпїшетъ, ни одно слово не брошено здѣсь для красоты и мишурнаго блеска, но ихъ породило долговременное чпеніе лѣшпописей міра, что сосшавишь эскизъ общїй, полный Исторїи всего чело-вѣчештва, хошя даже споль крашкїй, какъ

здѣсь, можно не иначе, какъ когда узнаешь и постигнешь самыя понкїя и запушанныя ниши Испорїи, и что одна любовь къ Наукѣ, составляющей для меня наслажденіе, понудила меня объявишь мои мысли; что цѣль моя — образовашь сердца юныхъ слушателей шой основательной опытноспью, копорую разверпываешь Испорїя, понимаемая въ ея истинномъ величїи; сдѣлашь ихъ швердыми, мужеспвенными въ своихъ правилахъ, чшобы никакой легкомысленный фанашикъ и никакое минушное волненіе не могло поколебашъ ихъ; сдѣлашь ихъ кропками, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великаго Государя, чшобы ни въ счаспїи, ни въ несчаспїи, не измѣнили они своему долгу, своей вѣрь, своей благородной чеспїи и своей кляшвѣ — бышь вѣрными Ошеспиву и Государю.

1832.

П О Р Т Р Е Т Ъ .

П О Р Т Р Е Т Ъ.

=

П О В Ъ С Т Ъ.

=

§ I.

Нигдѣ сполько неоспановливалось народа какъ передъ каршинною лавочкою на Щукинѣмъ дворѣ. Эша лавочка предспавляла почно самое разнородное собраніе диковинокъ: Каршины большею часпью были писаны масленными красками, покрышы шемнозеленымъ лакомъ, въ шемножелпыхъ мишурныхъ

рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фламандскій мужикъ съ шрубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣпуха въ манжесахъ, нежели на челоуѣка — вопъ обыкновенные ихъ сюжесы. Къ этому нужно присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: порпнешъ Хозрева-Мирзы въ бараньей шапкѣ, порпнешы какихъ-то генераловъ въ шреугольныхъ шляпахъ съ кривыми носами. — Двери шакой лавочки обыкновенно бывающъ увѣшаны связками пѣхъкаршинъ, копорья свидѣпельшвующъ самородное дарованіе Рускаго челоуѣка: На одной изъ нихъ была Царевна Миликсприса Кирбишьевна, на другой городъ Іерусалимъ, по домамъ и церквямъ копораго безъ церемоніи прокашилась красная краска, захвапнвшая часпъ земли и двухъ молящихся Рускихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведеній обыкновенно не много, но за то зришелей куча: Какойнибудь забулдыга лакей уже вѣрно зѣваетъ передъ ними, держа въ рукъ судки съ обѣдомъ изъ пракира для своего барина, копорый безъ сомнѣнія будешъ хлѣбанъ супъ неслишкомъ горячій. Передъ ними вѣрно уже споишъ

солдапъ, эпопъ кавалеръ полкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; шорговка изъ Охпы съ коробкою наполненною башмаками. Всякой восхищается по своему: Мужики обыкновенно шыкають пальцами; кавалеры разсмапривають сурьезно; лакеи-мальчишки и мальчишки-масперовые смъются и дразнять другъ друга нарисованными карикашурами; шарые лакеи въ фризovýchъ шинеляхъ смошрять попому полько, чшобы гдъ нибудъ позъвашъ; а шорговки, молодья Рускія бабы, спъшапъ по инспинкшу, чшобы послушашъ о чемъ калякаешъ народъ и посмошрѣшь на чшо онъ смошрипъ. — Въ эпо время невольню оспановилсѧ передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чертковъ. Спарая шинель и нещегольское плапье показывали въ немъ шого человекъ, кошорый съ самоопшверженіемъ преданъ былъ своему шруду и неимѣлъ времени заботишпсь о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинспвенную привлекапельность для молодѣжи. Онъ оспановилсѧ передъ лавкою и сперва внушрленно смѣялсѧ надъ эпими уродливывми карпинами; наконецъ невольню о владѣю имъ размышленіе: онъ спалъ думапъ о шомъ, кому бы нужны были эпни

произведенія. Чпо Русской народъ заглядываешся на *Еруслановъ Лазаричей*, на *объядалъ* и *обпиваль*, на *Оому* и *Ерему* эшо ему неказалось удивительнымъ: изображенныя предметы были очень доспупны и поняшны народу; но гдѣ покупащели эшихъ песпрыхъ, грязныхъ, масляныхъ малеваній? кому нужны эши фламанскіе мужики, эши красныя и голубыя пейзажи, копорые показывающъ какое-шо припязаніе на нѣскольکو уже высшій шагъ искуспва, но въ копорыхъ выразилось все глубокое его униженіе. Если бы эшо были шруды ребенка, покоряющагося одному невольному желанію, если бы они совсѣмъ неимѣли никакой правильности, несохраняли даже первыхъ условій механическаго рисованія, если бы въ нихъ было все въ карикашурномъ видѣ, — но въ эшомъ карикашурномъ видѣ просвѣчивалось бы хопя какое нибудь спараніе, какой нибудь порывъ произвеспи подобное природѣ, — но ничего эшого нельзя было опыскашъ въ нихъ. Какое-шо шупоуміе спарости, какая-шо безсмысленная охоща, или лучше сказашъ неволя, водила рукою ихъ шворцевъ. Кшо шрудился надъ ними? И шрудился безъ сомнѣнія одинъ и пошъ же,

пошому, что пѣже краски, паже манера, паже набившаяся, пріобыкшая рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку. Онъ все паже стоялъ передъ этими грязными карпинами и глядѣлъ на нихъ, но уже совершенно не глядя, между пѣмъ какъ содержашель этого живописнаго магазина, съринькой чловѣкъ, лѣтъ пѣпидесяти, во фризовой шинели, съ давно небришымъ подбородкомъ, рассказывалъ ему: что карпины *самой первой сортъ* и шолько-что получены съ биржи, еще и лакъ не высохъ и въ рамки не вставлены. *Смотрите сами, чество уагрю, что останеться довольны.* Въ эти заманчивыя рѣчи лѣзли мимо ушей Чершкова. Наконецъ, чтобы немного ободришь хозяина, онъ поднялъ съ полу нѣсколько запылившихся карпинъ. Это были спарые фамильные поршрешы, копорыхъ пошомки врядъ ли бы опыскались. Почпи машинально началъ онъ съ одного изъ нихъ спирашь пылъ. Легкая краска вспыхнула на лицѣ его, краска, копорая означаешъ шайное удовольствіе при чемъ нибудь неожиданнымъ. Онъ спалъ неперпѣливо шерешъ рукою и скоро увидѣлъ поршрешъ, на копоромъ ясно бы-

ла видна масперская кисть, хошя краски казались нѣсколько мушными и почернѣвшими. Эшо былъ спарикъ съ какимъ-шо безпокойнымъ и даже злобнымъ выраженіемъ лица; въ усахъ его была улыбка, рѣзкая, язвительная и вмѣстѣ какой-шо спрахъ; румянецъ болѣзни былъ понко разлишъ по лицу, исковерканному морщинами; глаза его были велики, черны, шусклы; но вмѣстѣ съ эшимъ въ нихъ была замѣтна какая-шо спранная живосшь. Казалось, эшошъ поршрешъ изображалъ какого нибудь скрягу, проведеншаго жизнь надъ сундукомъ, или одного изъ шѣхъ несчастныхъ, кошорыхъ всю жизнь мучишъ счастье другихъ. Лице вообще сохраняло яркій оппечашокъ южной физиогноміи. Смуглоша, черные, какъ смоль волосы, съ пробившеюся просѣдью — все эшо не попадаешся у жишелей сѣверныхъ губерній. Во всемъ поршрешъ была видна какая-шо неокончашельносшь; но если бы онъ приведенъ былъ въ совершенное исполненіе, шо знашокъ пошерялъ бы голову въ догадкахъ, какимъ образомъ совершеннѣйшее пвореніе Вандика очушилось въ Россіи и зашло въ лавочку на Щукинъ дворъ. Съ біоушимся сердцемъ, молодой художникъ, оппложив-

ши его въ спорону, началъ перебирать дру-
гге, не найдется ли еще чего подобнаго,
но все прочее соспавляло совершенно дру-
гой мѣръ и показывало шолько, что эпошъ
госпъ глупымъ счаспьемъ попалъ между
нихъ. Наконецъ Чершковъ спросилъ о цѣнѣ.
Пронырливый купецъ замѣпивъ по его вни-
манію, что портретъ чего нибудь стоилъ,
почесалъ за ухомъ и сказалъ: «Да что, въдъ
десять рублей будешъ за него маловато.»
Чершковъ прощанулъ руку въ карманъ.

«Я даю одиннадцать!» раздалось позади
его.

Онъ оборотился и увидѣлъ, что народу
собралась куча и что одинъ господинъ въ
плащѣ, долго, подобно ему, споялъ передъ
каршиною. Сердце у него сильно забилося
и губы шихо задрожали, какъ у человѣка,
кошорой чувствувешъ, что у него кошптъ
опнпашъ предметъ его исканій. Осмотрѣв-
ши внимашельно новаго покупщика, онъ нѣ-
сколько ушѣшился, замѣпивъ на немъ ко-
спюмъ, ни мало не успунавшій его соб-
спвенному, и произнесъ дрожащимъ голо-
сомъ: «я дамъ шебъ двѣнадцать рублей,
каршина моя.»

«Хозяинъ! картина за мною, вошь шебъ пятнадцашъ рублей!» произнесъ покупщикъ.

Лице Черпкова судорожно вздрогнуло, духъ захватился и онъ невольно выговорилъ: двадцашъ рублей.

Купецъ потиралъ руки опъ удовольствія, видя, чшо покупщики сами шоргуются въ его пользу. Народъ гуще обшупилъ покупающихъ, услышавъ носомъ, чшо обыкновенная продажа превратилась въ аукціонъ, всегда имѣющій сильный инпересъ, даже для постороннихъ. Цѣну наконецъ набили до пятидесяти рублей. Почши опчаянно закричалъ Черпковъ: пятьдесять, вспомнивши, чшо у него вся сумма въ 50 рубляхъ, изъ кошорыхъ онъ долженъ, хопя часпъ, заплашишь за кварширу и кромъ шого, купишь красокъ и еще кое-какихъ необходимыхъ вещей. Прошивникъ въ это время опспунился, сумма, казалось, превосходила шакже его сосшояніе и картина опшалась за Черпковымъ. Вынувши изъ кармана ассигнацію, онъ бросилъ ее въ лице купцу и ухватился съ жадношью за картину, но вдругъ опскочилъ опъ нее пораженный спрахомъ. Темные, глаза нарисованнаго шпарика глядѣли шакъ живо и вмѣ-

спѣ мершвенно, что нельзя было не ощу-
пить испуга. Казалось въ нихъ неизясни-
мо спранныю силою удержана была часпъ
жизни. Это были не нарисованные, это
были живые, это были человѣческіе глаза.
Они были неподвижны, но вѣрно не были
бы шакъ ужасны, если бы двигались. Какое
то дикое чувство, не спрахъ, но то не-
изяснимое бщущеніе, кошорое мы чув-
ствуемъ при появленіи спранны, пред-
ставляющей безпорядокъ природы, или, луч-
ше скажашъ какое-то сумасшесствіе приро-
ды, — это самое чувство зашавило вскрик-
нушъ почти всѣхъ. Съ шрепешомъ провель
Черпковъ рукою по полотну, но полотно бы-
ло гладко. Дѣйствіе, произведенное порпше-
помъ, было всеобщее: народъ съ какимъ-
то ужасомъ опхлынулъ опъ лавки; покуп-
щикъ, вошедшій съ нимъ въ соперничесшво,
боязливо удаллся. Сумерки въ это время
сгусшились, казалось, для того, чтообы
сдѣлашъ еще болѣе ужаснымъ это непо-
стижимое явленіе. Черпковъ не въ силахъ
былъ оспавашся болѣе. Не смѣя и думашъ
о шомъ, чтообы взяшъ его съ собою, онъ
выбѣжалъ на улицу. Свѣжій воздухъ, громъ
мосшовой, говоръ народа, казалось на ми-

нушу освѣжилъ его, но душа была все еще жаша какимъ-шо пягоспнымъ чувспвомъ. Сколько ни обращалъ онъ глазъ по споронамъ на окружающіе предметы, но мысли его были заняты однимъ необыкновеннымъ явленіемъ. Чшо это? думалъ онъ самъ про себя, испускво, или сверхъестественное какое волшебспво, выглянувшее мимо законовъ природы? Какая спранная, какъ непоспжимая задача! или для чловѣка еспъ шакая черпа, до кошорой доводишь высшее познаніе, и чрезъ кошорую шагнувъ, онъ уже похищаепъ несоздаваемое шрудомъ чловѣка, онъ вырываетъ чшо-шо живое изъ жизни опдушевляющей оригиналь. Опъ чего же эпопъ переходъ за черпу, положенную границею для воображенія шакъ ужасень? или за воображеніемъ, за порывомъ, слѣдуепъ наконецъ дѣйспвительность, ша ужасная дѣйспвительность, на кошорую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-шо поспороннымъ шолчкомъ, ша ужасная дѣйспвительность, кошорая предспавляется жаждущему ее шогда, когда онъ желая поспигнуть прекраснаго чловѣка вооружаетъ ашапомическимъ ножемъ, раскры-

ваешъ его внуprenность и видишь отвращительнаго чловѣка. Непостижимо! такая пзумительная, такая ужасная живость! или черезъ чуръ близкое подражаніе природѣ также прищорно, какъ блюдо, имѣющее черезъ чуръ сладкій вкусъ. Съ такими мыслями вошелъ онъ въ свою маленькую комнашку въ небольшомъ деревянномъ домѣ на Васильевскомъ оспровѣ въ 15 линіи, въ которой лежали разбросанные во всѣхъ углахъ ученическіе его начашки, копіи съ аншиковъ, щщательныя, щщныя, показывавшія въ художникъ спараніе, постигнушь фундаментальныя законы и внуprenній размѣръ природы. Долго разсматривалъ онъ ихъ и наконецъ мысли его попянулись одна за другою и спали выражались почти словами; такъ живо чувствовалъ онъ то, о чемъ размышлялъ!

И вопъ годъ, какъ я спужусь надъ эшимъ сухимъ, скелетнымъ спрудомъ! спараюсь всѣми силами узнать то, что такъ чудно дается великимъ шворцамъ и кажется плодомъ минушнаго быспраго вдохновенія. Только пронущъ они киспью и уже являешся у нихъ чловѣкъ вольный, свободный, таковъ, какимъ онъ созданъ Природою; дви-

женія его живы, непринужденны. Имъ эпо дано вдругъ, а мнѣ должно шрудиться всю жизнь; всю жизнь изслѣдывашь скучныя начала и спихив, всю жизнь опдашь бездѣлной неопвѣчающей на чувства работъ. Вошь мои маранья! Они вѣрны, схожи съ оригиналами; но захоши я произвестъ свое — и у меня выйдеть совсѣмъ не по: нога не спанеть шакъ вѣрно и непринужденно; рука не подыметься шакъ легко и свободно; поворошь головы у меня вовѣки не будеть шакъ еспешвень, какъ у нихъ, а мысль, а шѣ невыразимыя явленія... Нѣшъ, я не буду никогда Великимъ Художникомъ!

Размышленія его прерваны были вошедшимъ его камердинеромъ, парнемъ лѣшь осьмнадцать въ Русской рубашкѣ, съ розовымъ лицомъ и рыжими волосами. Онъ безъ церемоніи началъ спягивашь съ Чершкова сапоги, копорый былъ погруженъ въ свои размышленія. Эпошъ парень, въ красной рубашкѣ, былъ его лакей, нашурщикъ, чистилъ ему сапоги, зѣвалъ въ маленькой его передней, перъ краски и пачкалъ грязными ногами его полъ. Взявши сапоги, онъ бросилъ ему халашъ и выходилъ уже изъ комнаты, какъ вдругъ оборотилъ голову на-

заядь и произнесъ громко: баринъ, свѣчу зажигаешь, или нѣтъ? «Зажги» отвѣчалъ разсѣянно Чершковъ. «Да еще хозяинъ приходилъ» примолвилъ къшаши грязный камердинеръ, слѣдуя похвальному обычаю всѣхъ людей его званія, упоминаешь въ P. S. о шомъ, что поважнѣе. «хозяинъ приходилъ и сказалъ, что если не заплашите денегъ, то вышвернешъ всѣ ваши карпины за окошко вмѣстѣ съ кровашью.»

«Скажи хозяину, чтобы не беспокоился о деньгахъ» отвѣчалъ Чершковъ, «я достпалъ деньги.» При этомъ онъ обратился къ карману фрака, но вдругъ вспомнилъ, что всѣ деньги свои оставилъ за поршрешъ у лавочника. Мысленно началъ онъ укоряешь себя въ безразсудности, что выбѣжалъ безъ всякой причины изъ лавки, испугавшись ничпожнаго случая и не взялъ съ собою ни денегъ, ни поршреша. Завшра же рѣшился онъ ишши къ купцу и взялъ деньги, почи себя совершенно вправѣ опказаться опъ шакой покупки, шѣмъ болѣе, что его домашнїе обшпояшельсшва не позволяли сдѣлашь никакой лишней издержки.

Свѣтъ луны, яркимъ, бѣлымъ окномъ ложился на его полъ, захвапывая часть кро-

вапи и оканчиваясь на спѣнѣ. Всѣ предме-
ты и картины, висѣвшія въ его комнатѣ,
какъ-то улыбались, захвашивши иногда кра-
ями своими часпѣ эпого вѣчно-прекраснаго
сіянія. Въ эту минушу какъ-то нечаянно
онъ взглянулъ на спѣну и увидѣлъ на ней
попъ же самый спранный порпшепъ, шакъ
поразившій его въ лавкѣ. Легкая дрожь не-
вольно пробѣжала по его шѣлу. Первымъ
дѣломъ его было позвашъ своего камердине-
ра и нашурщика и распросишъ, какимъ об-
разомъ и кпо принесть къ нему порпшепъ;
но камердинеръ-нашурщикъ клялся, чшо
никпо не приходилъ, выключая хозяина,
кошорый былъ еще поушру и кромѣ ключа,
ничего не имѣлъ въ своихъ рукахъ. Черш-
ковъ чувспшвовалъ, чшо волосы его зашеве-
лились на головѣ. Сѣвши возлѣ окна, онъ
силсяя себя увѣришъ, чшо здѣсь не могло
ничего бышъ сверхъестешвеннаго, чшо
мальчикъ его могъ въ эпо время заснушъ,
чшо хозяинъ порпшепа могъ его прислашъ
узнавши какимъ нибудь особеннымъ случа-
емъ его кварширу... Короче, онъ началъ
приводишъ всѣ шѣ плоскія изъясненія, ко-
шорыя мы упошребляемъ, когда хошимъ,
чшобы случившесея, случилось непременно

такъ, какъ мы думаемъ. Онъ положилъ себѣ не смодрѣшь на порпрешъ, но голова его невольно къ нему обращалась и взглядъ, казалось, прикипалъ къ спранному изображенію. Неподвижный взглядъ спарика былъ несперпимъ; глаза совершенно свѣпились, вбирая въ себя лунный свѣпъ и живоспъ ихъ до шакой спепени была спрашна, чпо Черпковъ невольно закрылъ свои глаза рукою. Казалось слеза дрожала на рѣсницахъ спарика; свѣплые сумерки, въ кошорые владычица луна преврапила ночь, увеличивали дѣйспвіе; помолшно пропададо и спрашное лице спарика выдвинулось и глядѣло изъ рамъ, какъ будшо изъ окошка.

Приписывая эпо сверхъеспешвенное дѣйспвіе лунъ, чудесный свѣпъ кошорой имѣешъ въ себѣ шайное свойспво придавашъ предметамъ часпъ звуковъ и красокъ другаго міра; онъ приказалъ подашь скорѣе свѣчу, около кошорой копался его лакей, но выраженіе порпреша ничушь не уменьшилось: лунный свѣпъ слившисъ съ сіяніемъ свѣчи, придалъ ему еще болѣе непоспижимой и вѣспъ спранной живоспи. Схвапивши проспыню, онъ началъ закрывашъ порпрешъ; свернулъ ее впрое, чпобы онъ не могъ

сквозь нее просвѣчивашь, но при всемъ помъ, или это было слѣдствіе сильно пошревоженного воображенія, или собственныя глаза его, ушомленные сильнымъ напряженіемъ, получили какую-то бѣглую, движущуюся сноровку, шолько ему долго казалось, что взоръ спарика сверкалъ сквозь полошно. Наконецъ онъ рѣшился погасить свѣчу и лечь въ постель, копорая была зашпавлена ширмами, скрывавшими отъ него поршрешъ. Напрасно ожидалъ онъ сна: мысли самыя неушъшишельныя прогоняли то спокойное состояніе, копорое ведетъ за собою сонъ: Тоска, досада, хозяйнъ пребывающій денегъ, недоконченныя каршины — созданія безсильныхъ порывовъ, бѣдность — все это двигалось передъ нимъ и смѣнялось одно другимъ. И, когда на минушу удавалось ему прогнать ихъ, то чудный поршрешъ власшительно вшъснялся въ его воображеніе и казалось сквозь щелку въ ширмахъ сверкали его убійственныя глаза. Никогда не чувшповалъ онъ на душъ своей такого тяжелаго гнѣша. Свѣшь луны, копорой содержишь въ себѣ шолько музыки, когда вшоргаешся въ одинокую спальню поэта и проносишь младенчески очарователь-

ные полусны надъ его изголовьемъ, эпошь свѣтъ луны не наводилъ на него музыкальныхъ мечпаній; его мечпанія были болѣзненны. Наконецъ впалъ онъ не въ сонъ, но въ какое-шо полу-забвеніе, въ шо шягоспное соспояніе, когда однимъ глазомъ видимъ приспуающіе грезы сновидѣній, а другимъ въ неясномъ облакъ окружающіе предметы. Онъ видѣлъ, какъ поверхность спарика ошдѣлялась и сходила съ поршреша, шакже, какъ снимается съ кипящей жидкости верхняя пѣна, подымалась на воздухъ и неслась къ нему ближе и ближе, наконецъ приближалась къ самой его кровати. Чершковъ чувшповалъ занимавшееся дыханіе, силился приподняшься — но руки его были неподвижны. Глаза спарика мушно горѣли и вперились въ него всего магнишною своею силою,

«Не бойся» говорилъ спранный спарикъ, и Чершковъ замѣпилъ у него на губахъ улыбку, кошорая, казалось, жалила его своимъ ослабленіемъ и яркою живосшью освѣшила шускые морщины его лица. «Не бойся меня» говорило спранные явленіе, «мы съ шобою никогда не разлучимся. Ты задумалъ весьма глупое дѣло: что тебѣ за охо-
*

па цѣлые вѣки корпѣшь за азбукою, когда ты давно можешь чипашь по верхамъ? Ты думаешь, что долгими усиліями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь чтонибудь — да ты получишь» при этомъ лице его странно исковеркалось и какой-то неподвижный смѣхъ выразился на всѣхъ его морщинахъ «ты получишь за-видное право кинуться съ Исакиевского моста въ Неву, или завязавши шею плапкомъ повѣситься на первомъ попавшемся гвоздѣ; а пруды свои, первый маляръ, купивши ихъ на рубль, замажетъ грунпомъ, чтобы нарисовать на немъ какуюнибудь красную розу. Брось свою глупую мысль! Все дѣлаешь въ свѣтъ для пользы. Бери же скорѣе кисть и рисуй поршрешы со всего города! бери все, что ни закажутъ; но не влюбляйся въ свою работу, не сиди надъ нею дни и ночи; время летишь скоро и жизнь не останавливается. Чѣмъ болѣе смасперяишь ты въ день своихъ каршинъ, тѣмъ больше въ карманъ будетъ у тебя денегъ и славы. Брось этошь чердакъ и найми богатую кварширу. Я тебя люблю и поному даю тебѣ такіе совѣты; я тебѣ и денегъ дамъ, только приходи ко мнѣ.» При этомъ

спарикъ опять выразилъ на лицѣ своемъ пошъ же неподвижный, спрашый смѣхъ.

Непостижимая дрожь проняла Черпкова и выпунила холоднымъ попомъ на его лицѣ. Сбравши всѣ свои усилія, онъ приподнялъ руку и наконецъ привспалъ съ кровати. Но образъ спарика сдѣлался шусклымъ, и онъ шолько замѣпилъ, какъ онъ ушелъ въ свои рамы. Черпковъ вспалъ съ безпокойшвомъ и началъ ходишь по комнатамъ. Чшобы немного освѣжишь себя, онъ приблизился къ окну. Лунное сїяніе лежало все еще на крышахъ и бѣлыхъ спѣнахъ домовъ, хошя небольшой шучи спали чаще переходишь по небу. Все было шихо; изрѣдка долешало до слуха опдаленное дребезжаніе дрожекъ извощика, копорый гдѣ нибудь въ невидномъ переулкѣ спалъ, убаюкиваемый своею лѣнливою клячею, поджидавая запоздалаго сѣдока. Черпковъ увѣрился наконецъ, чшо воображеніе его слишкомъ разспроено и предспавило ему во снѣ швореніе его же возмущенныхъ мыслей. Онъ подошелъ еще разъ къ поршпру: Проспшняя его совершенно скривала опъ взоровъ и казалась шолько маленькая искра сквозила

изрѣдка сквозь нее. Наконецъ онъ заснулъ и проспалъ до самаго утра.

Проснувшись, онъ долго чувствовалъ въ себѣ по непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ, послѣ угара: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было шускло, непріятная мокрота свѣлась въ воздухъ и проходила сквозь щели его оконъ, заспавленныхъ карпинами, или напшанушимъ грунпомъ. Скоро у дверей раздался спукъ и вошелъ хозяинъ съ Кваршальнымъ Надзирашелемъ, котораго появленіе для людей мѣлкихъ шакже непріятно, какъ для богашыхъ умилное лице просиделя. Хозяинъ небольшого дома, въ которомъ жилъ Чершковъ, былъ одно изъ шѣхъ швореній, какими обыкновенно бываюшъ владѣтели домовъ въ пяшнадцашой линіи Васильевскаго острова, на Пешербургской споронѣ, или въ ошдаленномъ углу Коломны; швореніе, какихъ очень много на Руси и которыхъ характеръ шакже шрудно опредѣлишь, какъ цвѣшъ изношеннаго сюршука. Въ молодоспи своей онъ былъ и капишанъ и крикунъ, упошреблялся и по шпашскимъ дѣламъ, машперъ былъ хорошо высѣчь, былъ и рас-

шоропень, и щеголь, и глупъ, но въ спароспи своей онъ слилъ въ себѣ всѣ эпи-рѣзкія особенноти въ какую-шо пусккую неопредѣленноти. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ опспавкѣ; уже не щеголялъ, не хваспалъ, не задирался; любилъ полько пишь чай и болшашъ за нимъ всякой вздоръ; ходилъ по своей комнашѣ, поправлялъ сальной огарокъ, аккуратноти по испеченіи каждаго мѣсяца навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами; выходилъ на улицу съ ключемъ въ рукѣ, для шого, чшобы посмошрѣшь на крышу своего дома; выгонялъ нѣсколько разъ дворника изъ его кануры, куда онъ запряшывался спать — однимъ словомъ, былъ человекъ въ опспавкѣ, кошорому послѣ всей забубенной жизни и шряски на перекладной, опспающа одинъ пошлыя привычки.

«Извольше сами глядѣшь» сказалъ хозяинъ, обращаясь къ Кваршалъному и распспавляя руки «извольше распорядишься и объявишь ему.»

«Я долженъ вамъ объявишь» сказалъ Кваршалъный Надзирашель, заложивши руку за пешлю своего мундира, «чшо вы дол-

жны непременно заплашишь должныя вами уже за три мѣсяца кварширныя деньги.»

«Я бы радъ заплашишь, но что же дѣлать, когда нѣтъмъ» сказалъ хладнокровно Чершковъ.

«Въ шакомъ случаѣ, хозяинъ долженъ взять себѣ вашу движимосшь, равноспующую суммѣ кварширныхъ денегъ, а вамъ должно немедленно сегодня же выѣхать.»

«Берите все, что хошите» отвѣчалъ почти безчувственно Чершковъ.

«Каршины многія не безъ искусства сдѣланы.» продолжалъ Кваршальный, перебирая изъ нихъ нѣкопорыя. «Жаль только, что некончены и краски-то не такъ живы. . . . Вѣрно недоспапокъ въ деньгахъ не позволялъ вамъ купить ихъ? А это что за картина, завернутая въ холспину?» При этомъ Кваршальный безъ церемоніи подошедши къ картинѣ, сдернулъ съ нее проспыню, пошому, что эти господа всегда позволяющъ себѣ маленькую вольносшь, шамъ, гдѣ видящъ совершенную беззащитносшь, или бѣдносшь. Поршрепъ, казалось, изумилъ его, пошому что необыкновенная живосшь глазъ производила на всѣхъ равное дѣйсшвіе. Разсмашривая картину, онъ нѣсколько крѣп-

ко сжалъ ее рамы, и пакъ какъ руки у полицейскихъ служителей всегда нѣсколько опъзываюцца попорной рабошою, по рамка вдругъ лопнула; небольшая досчечка упала на полъ вмѣстѣ съ брякнувшимъ на землю свершкомъ золоша и нѣсколько блестящихъ кружковъ покашилось во всѣ спороны. Чершковъ съ жадношью бросился подбирать и вырвалъ изъ полицейскихъ рукъ нѣсколько поднашыхъ имъ червонцевъ.

«Какъ же вы говорите, что не имѣете чѣмъ заклашишь» замѣшилъ Кваршальный пріятно улыбаясь, «а между пѣмъ у васъ сполько золошой монены.»

«Эти деньги для меня священные» вскричалъ Чершковъ, опасаясь искусныхъ рукъ полицейскаго. «Я долженъ ихъ хранишь, они ввѣрены мнѣ покойнымъ опцемъ, впрочемъ чпобъ васъ удовлетворить, вопъ вамъ за кварширу!» При эпомъ онъ бросилъ нѣсколько червонцевъ хозяину дома.

Физиогномія и пріемы въ одну минушу измѣнились у хозяина и dospойнаго блюспителя за нравами пьяныхъ извощиковъ.

Полицейскій спалъ извиняшьяся и увѣряшья, что онъ шолько исполнялъ предписанную форму, а впрочемъ никакъ не имѣлъ

права его принудишь, а чтобы болѣе въ эшомъ увѣришь Чершкова, онъ предложилъ ему призъ шабаку. Хозяинъ дома увѣрялъ, что онъ только пошупилъ, и увѣрялъ съ такою божбою и безсовѣстностію, съ какою обыкновенно увѣряетъ купецъ въ гошпинномъ дворѣ.

Но Чершковъ выбѣжалъ вонъ и не рѣшилъ болѣе оспаваться на прежней кварширѣ. Онъ не имѣлъ даже времени подумашъ о справности эшого произшешвія. Осмотрѣвши сверпокъ, онъ увидѣлъ въ немъ болѣе сонни червонцевъ. Первымъ дѣломъ его было наняшъ щегольскую кварширу. Кваршира, попавшаяся ему, была какъ нарочно для него приготошлена: чешыре въ рядъ высокія комнашы, большіе окна, всѣ выгоды и удобствва для Художника! Лежа на Турецкомъ диванѣ и глядя въ цѣльные окна на распушія и мелькающія волны народа, онъ былъ погруженъ въ какое-то самодовольное забвеніе и дивился самъ своей судьбѣ, еще вчера пресмыкавшейся съ нимъ на чердакѣ. Недоконченныя и оконченныя каршины развѣсились по спройнымъ колоссальнымъ спѣнамъ; между ними висѣлъ шѣиншвенный портретъ, которій доспался ему

такимъ единственнѣмъ образомъ. Онъ опять спалъ думая о причинѣ необыкновенной живоспи его глазъ. Мысли его обратились къ видимому имъ полусновидѣнію, наконецъ къ чудному кладу, скрывавшемуся въ его рамкахъ. Все привело его къ тому, что такая нибудь исторія соединена съ существованіемъ поршреша и что даже, можетъ быть, его собственное бытіе связано съ этимъ поршрешомъ. Онъ вскочилъ съ своего дивана и началъ его внимательнѣе разсматривать: въ рамѣ находился ящикъ, прикрытый тоненькой досчечкой, но такъ искусно задѣланной и заглаженной съ поверхностью, что никто бы не могъ узнать о его существованіи, если бы тяжелый палецъ Кваршальнаго не продавилъ досчечки. Онъ поставилъ его на мѣсто и еще разъ на него посмотрѣлъ. Живоспъ глазъ уже не казалась ему такъ страшною среди яркаго свѣта, наполнявшаго его комнату сквозь огромные окна и многолюднаго шума улицы, громившаго его слухъ, но она заключала въ себѣ что-то непріятное, такъ что онъ постарался скорѣе отъ него отворопиться. Въ это время зазвенѣлъ звонокъ у дверей и вошла къ нему почтенная

дама пожилыхъ лѣтъ, съ шаліей въ рюмочку, въ сопровожденіи молоденькой, лѣтъ осьмнадцать; лакей въ богатой ливреѣ опворилъ имъ дверь и оспановился въ передней.

«Я къ вамъ съ просьбою» произнесла дама ласковымъ шономъ, съ какимъ обыкновенно они говорятъ съ художниками, Французскими парикмахерами и прочими людьми, рожденными для удовольствія другихъ. «Я слышала о вашихъ дарованіяхъ... (Чершковъ удивился шакой скорой своей славѣ). »Мнѣ хочется, чшобы вы сіяли поршпретъ съ моей дочери.» При эшомъ блѣдное личико дочери обратилось къ Художнику, кошорый если бы былъ знашокъ сердца, шо вдругъ бы прочелъ на немъ немногшмную испорию ея: Ребяческая спрасшъ къ баламъ, попка и скука продолжшпельнаго времени до обѣда и послѣ обѣда, желаніе побѣгашъ въ плашъ последней моды на многшмномъ гуляньи, непершльивосшъ увидѣшъ свою пріашельницу для шого, чшобы ей сказашъ: ахъ, милая, какъ я скучала, или обьявишъ, какую мадамъ Сихлеръ сдѣлала уборку къ ялашью Княгини Б... Вошъ все, чшо выразало лице молодой пошшшпельницы, блѣд-

ное, почти безъ выраженія, съ ошпѣнкою какой-то болѣзненной желѣзны.

«Я бы желала чшобы вы шеперь же принялись за работу» продолжала дама «мы можемъ вамъ дать часъ.» Черпиковъ бросился къ краскамъ и кистямъ, взялъ уже гошовый напянушый 'грунтъ и успроился какъ слѣдуешъ.

«Я васъ должна нѣсколько предувѣдомить» говорила дама, насчетъ моей Апешъ, и эшимъ облегчить нѣсколько вашъ шрудъ: Въ глазахъ ея и даже во всѣхъ черпахъ лица всегда была замѣтна помнось; моя Апешъ очень чувствившельна и признаюсь, я никогда не даю ей чипать новыхъ романовъ! «Художникъ смопрѣлъ въ оба и незамѣпилъ ни какой помносьи.» «Миъ бы хотѣлось чшобы вы изобразили ее просто въ семейномъ кругу, или еще лучше одну на чиспомъ воздухѣ въ зельной пѣни, чшобы ничшо непоказывало будшо она ѣдепъ на балъ. Наши балы, должно признапъся, пакъ скучны и пакъ убиваютъ душу, чшо право я непонимаю удовольствія бывашъ на нихъ.» Но на лицѣ дочери и даже самой почшенной дамы было написано рѣзкими

чершами чшо онѣ непропускали ни одного бала.

Чершковъ былъ минушу въ размышленіи, какъ согласишь эши небольшія прошивуположності; наконецъ рѣшился избрать благоразумную средину. При помѣ его прельщало желаніе побѣдишь прудності и воспоржеспивовашъ искусствомъ, согласишь двусмысленное выраженіе поршпреша. Кистъ бросила на полошно первый шуманъ, художническій хаосъ; изъ него начали дѣлиться и выходишь медленно образующіеся чершы. Онѣ приникъ весь къ своему оригиналу и уже началъ уловляшь шѣ неуловимыя чершы, кошорыя самому безцвѣтному оригиналу придаюшь въ правдивой кошѣ, какой шо характеръ, соспавляющій высокое поржеспво испинны. Какой-шо сладкій шрепешъ началъ имъ одолѣвашъ, когда онѣ чувешповалъ, чшо наконецъ подмѣшилъ и можешъ бышь выразишь шо, чшо очень рѣдко удаешся выражашъ. Эшо наслажденіе неизъяснимое и прогрессивно возвышающееся извѣсно шолько шаланшу. Подъ кистью его лице поршпреша какъ будшо невольню пріобрѣшало шощъ колоритъ кошорый былъ для него самага внезапнымъ

открытием; но оригиналь началъ пакъ сильно вершѣться и зѣвать передъ нимъ, что художнику еще неопытному трудно было ловить урывками и многовеньями поспоянное его выраженіе.

«Мнѣ кажешся на первой разѣ довольно.» произнесла почтенная дама.

Боже, какъ это ужасно! А душа и силы разохотились и хотѣли разгуляться. Повѣсивши голову и бросивши палистру споялъ онъ передъ своею каршиною.

«Мнѣ однакожь сказали, что вы въ два сеанса оканчиваете совершенно портретъ» произнесла дама подходя къ каршинѣ. «А увасъ до сихъ поръ еще шолько почти одинъ абрисъ, мы пріѣдемъ къ вамъ завтра въ это же время.»

Молчаливо выпроводилъ своихъ гостей художникъ и оспался въ непріятномъ размышленіи. Въ его пѣсномъ чердакѣ никшо неперевивалъ ему, когда онъ сидѣлъ надъ своею незаказною рабошою: съ досадою оподвинулъ онъ начашый портретъ и хотѣлъ заняться другими недокончанными рабошами. Но какъ будшо можно мысль и чувства, проникнувшіе уже до души, замѣстипшь новыми, въ кошорые еще неустѣло

влюбись наше воображеніе. Бросивши кисть онъ вышелъ изъ дому.

Юношъ щаслива шѣмъ, что передъ нею бѣжишь множество разныхъ дорогъ, что ея живая, свѣжая душа доступна тысячи разныхъ наслажденій; — и пошому Чершковъ разсѣлся почпи въ одну минушу. Нѣсколько червонцевъ въ карманъ — и что невласти исполненной силъ юноши. Пришомъ Русской человекъ, а особливо дворянинъ, или художникъ, имѣеть странное свойство: какъ только завелся у него въ карманъ грошъ — ему все шрынъ права и море по колъна. У него оставалось еще ошъ денегъ заплаченныхъ впередъ за кварширу около шридцати червонцевъ. И всѣ эти шридцать червонцевъ онъ спушилъ въ одинъ вечеръ. Прежде всего онъ приказалъ себѣ подать обѣдъ опличнѣйшій, выпилъ двѣ бушымки вина и не захошѣлъ взять сдачи, нанялъ щегольскую карешу, чтообы только съѣздишь въ театръ находившійся въ двухъ шагахъ ошъ его кварширы, угосшилъ въ кандиперской прехъ своихъ пріятелей, зашелъ еще кое - куда и возвратился домой безъ копѣйки въ карманъ. Бросившись въ кровать онъ уснулъ крѣпко, но сновидѣнія

его были также несвязны и грудь, какъ и въ первую ночь, сжималась, какъ будто чувствовала на себѣ что-то тяжелое; онъ увидѣлъ сквозь щелку своихъ ширмъ что изображеніе спарика опдѣлилось опгъ полотно и съ выраженіемъ безпокойства перещипывало кучи денегъ, золото сыпалось изъ его рукъ... глаза Чершкова горѣли; казалось его чувства узнали въ золотѣ шу неизяснимую прелесть, копорая до шоль ему небыла понятна. Спарикъ его манилъ пальцемъ и показывалъ ему цѣлую горру червонцевъ. Чершковъ судорожно пропянулъ руку и проснулся. Проснувшись онъ подошелъ къ поршрешу, прясъ его, изрѣзалъ ножемъ всѣ его рамы, но нигдѣ не находилъ запряпанныхъ денегъ; наконецъ махнулъ рукою и рѣшился работашъ, далъ себѣ слово не сидѣшь долго и неувлекашься заманчивою кистью. Въ это время прѣехала вчерашняя дама съ своею блѣдною Анешою. Художникъ поспавилъ на спанокъ свой поршрешъ и на этошъ разъ кисть его неслась быстрѣе. Солнечной день, ясное освѣщеніе дали какое-то особенное выраженіе оригиналу и опкрылось множесиво дошоль незамѣченныхъ понкосшей. Душа его загорѣ-

лась опять напряженіемъ. Онъ силлся схватить мелчайшую почку, или чершу, даже самую желшизну и неровное измѣненіе колорита въ лицѣ зѣвавшей и изнуренной красавицы съ шюю почностію, съ копорю позволяють себѣ неопытные артисты, воображающіе что истинна можетъ нравиться также и другимъ, какъ нравился имъ самимъ. Кисть его только что хопѣла схватить одно общее выраженіе всего целаго, какъ досадное «довольно,» раздалось надъ его ушами и дама подошла къ его порптрешу. «Ахъ, Боже мой! что это вы нарисовали?» вскрикнула она съ досадою: «Анешъ у васъ желша; у ней подъ глазами какія шо темныя пятна; она какъ будто приняла нѣсколько склянокъ микстуры. Нѣтъ, ради Бога исправте вашъ портретъ: это совсѣмъ не ея лице. Мы къ вамъ будемъ завтра въ это же время.»

Черпковъ съ досадою бросилъ кисть; онъ проклиналъ и себя, и палиштру, и ласковую даму, и дочь ея, и весь міръ. Голодный просидѣлъ онъ въ своей великолѣпной комнашѣ и не имѣлъ силъ приняться ни за одну каршину. На другой день вспавши рано, онъ схватилъ первую попавшуюся ему рабо-

шу: эшо была давно начашая имъ Псишею, поспавилъ ее на спанокъ, съ намъреніемъ насильно продолжашъ; въ эшо время вошла вчерашняя дама.

«Ахъ, Анешъ, посмотри, посмотри сюда!» вскричала дама съ радостнымъ видомъ. «Ахъ какъ похоже! прелеснь! прелеснь! и носъ, и рошъ, и брови! чъмъ васъ благодарить за эшошъ прекрасной сюрпризь? Какъ эшо мило! Какъ хорошо чшо эша рука немного приподняша. Я вижу, чшо вы почно пошъ великій художникъ, о копоромъ мнѣ говорили.»

Черпковъ споялъ какъ опоропъльый, увидѣвши, чшо дама приняла его Псишею за порпрешъ своей дочери. Съ заспънчивосью новичка онъ началъ увѣряшъ, чшо эшимъ слабымъ эскизомъ хопълъ изобразить Псишею; но дочь приняла эшо себѣ за комлеменшъ и довольно мило улыбнулась, улыбку раздѣлила машь. Адская мысль блеснула въ головѣ Художника, чувспво досады и злоспи подкрѣпили ее и онъ рѣшился эшимъ воспользовашъся.

«Позвольте мнѣ попросить васъ сего дня посидѣшъ немного подолѣе» произнесъ онъ обращаясь къ довольной на эшошъ разъ блон-

*

динкъ. «Вы видите, что плашья я еще не дѣлалъ вовсе, потому что хотѣлъ все съ большею точностію рисовать съ натурь.» Быспро онъ одѣлъ свою Псишею въ костюмъ XIX вѣка; пронуль слегка глаза, губы, просвѣщлиль слегка волосы и опдалъ портретъ своимъ посѣщительницамъ. Пукъ ассигнацій и ласковая улыбка благодарности были ему наградою.

Но художникъ споялъ, какъ прикованный къ одному мѣсту. Его грызла совѣсть; имъ овладѣла ша разборчивая, мнишельная болзнь за свое непорочное имя, копорая чувспвуется юношею, носящимъ въ душѣ благородство шаланша, копорая заспавляетъ если не испреблять, шо по крайней мѣрѣ скрываетъ опъ свѣша шѣ произведенія, въ копорыхъ онъ самъ видитъ несовершенство, копорая заспавляетъ скорѣе выперить презрѣніе всей толпы, нежели презрѣніе истиннаго цѣнишеля. Ему казалось, что уже спойшѣ передъ его карпиною грозный судія и, качая головою, укоряетъ его въ беспыдствѣ и бездарности. Чего бы онъ не далъ, чтобъ возврапитъ шолько ее назадъ. Уже онъ хотѣлъ бѣжать вслѣдъ за дамою, вырвать портретъ изъ рукъ ея,

разорвать и расплющить его ногами, но как это сделать? Куда идти? Онъ не зналъ даже фамиліи его постьшительницы.

Съ этого времени, однакожь произошла въ жизни его счастливая переменна. Онъ ожидалъ, что безславіе покроетъ его имя, но вышло совершенно напропихъ. Дама, заказывавшая портретъ, рассказала съ восторгомъ о необыкновенномъ художникѣ, и мастерская нашего Чершкова наполнилась постьшителями, желавшими удвоить и если можно удешевить свое изображение. Но свѣжій, еще невинный, чувствующій въ душѣ недостойнымъ себя къ принятію такого подвига, Чершковъ, чтобы сколько нибудь загладить и искупить свое пресудленіе, рѣшился заняться со всевозможнымъ стараніемъ своею работою; рѣшился удвоить напряженіе своихъ силъ, которое одно производить чудеса. Но намѣренія его встрѣтили непредвидѣнные препятствія: Постшители его, съ которыхъ онъ рисовалъ портреты, были большею частію народъ неперпѣливый, занятой, шоропящійся и пошому едва только къ нему начинала шворить что нибудь не совсемъ обыкновенное, какъ уже вваливался новый пост-

шипель, преважно выспавлялъ свою голову, горя желаніемъ увидѣть ее скорѣе на полошнѣ, и художникъ спѣшилъ скорѣе оканчивашъ свою работу. Время его наконецъ было такъ разобрано, что онъ ни на одну минушу не могъ предасться размышленію; и вдохновеніе, безпреспанно испребляемое при самомъ рожденіи своемъ, наконецъ ошвыкло навѣщаъ его. Наконецъ, чтобы ускорять свою работу, онъ началъ заключашъ въ извѣсныя, опредѣленныя, однообразныя, давно изношенныя формы. Скоро поршпрешы его были похожи на шѣ фамилныя изображенія спарыхъ художниковъ, кошорыя такъ часпо можно вспрѣпшишь во всѣхъ краяхъ Европы и даже во всѣхъ углахъ міра, гдѣ дамы изображены съ сложенными на груди руками и держащими цвѣшокъ въ рукѣ, а кавалеры въ мундирѣ, съ заложенною за пуговицу рукою. Иногда желалъ онъ дасть новое, еще не избыное положеніе, опличавшееся бы оригинальностью и непринужденностью, — но увы! все непринужденное и легкое у поэта и художника, доспаешся слишкомъ принужденно, и ешь плодъ великихъ усилій. Для шого, чтобы дасть новое смѣлое выраженіе, постпигнушь новую

пайну въ живописи, для этого нужно было ему долго думать, опшравивши глаза опшь всего окружающаго, унесшись опшь всего мїрскаго и жизни. Но на это у него не оставалось времени и припомъ онъ слишкомъ былъ изнуренъ дневною работою, чшобы бышь въ гошовности приняшь вдохновение; мїръ же, съ кошораго онъ рисовалъ свои произведенія, былъ слишкомъ обыкновененъ и однообразенъ, чшобы вызвашь и возмутишь воображеніе. Глубоко размышляющее и вмѣспъ неподвижное лице Дирекшора Депаршаментша, красивое, но вѣчно на одну мѣрку лице Уланскаго Ропмиспра, блѣдное, съ напшанушою улыбкою Пепербургской красавицы и множесшво другихъ, уже черезъ чуръ обыкновенныхъ — вопшь все, чшо каждой день мѣнялось передъ нашимъ живописцемъ. Казалось, кшсь его сама прїобрѣла наконецъ шу безцвѣшность и опсушшствіе энергїи, кошорою означались его оригиналы.

Безпреспанно мелькавшіе передъ нимъ асигнаціи и золошо, наконецъ усыпили дѣвсшвенныя движенія души его. Онъ беспшдно воспользовался слабосшью людей, кошорые за лишнюю чершу красосы, прибавленную Художникомъ къ ихъ изображеніямъ,

гоповы проспишь ему всѣ недоспашки, хотя бы эша красота была во вредь самому сходству.

Чершковъ наконецъ сдѣлался совершенно моднымъ живописцемъ. Вся споица обра- щилась къ нему; его поршрешы видны бы- ли во всѣхъ кабинешахъ, спальняхъ, го- спинныхъ и будуарахъ. Испинные худож- ники пожимали плечами, глядя на произве- денія эшого баловня могущеспвеннаго слу- чая. Напрасно силились они опыскашь въ немъ хотя одну черцу вѣрной испины, брошенную жаркимъ вдохновеніемъ; — эшо были правильные лица, почши всегда недур- ные собою, пошому чшо поняшіе красопы удержалось еще въ Художникъ, но никако- го знанія сердца, спрасшей, или хотя при- вычекъ челоуѣка, ничего шакого, чшобы оп- зывалось сильнымъ развишіемъ спонкаго-вку- са. Нѣкошорые же, знавшіе Чершкова, уди- влялись эшому спстранному собышію, пошо- му чшо видѣли въ первыхъ его началахъ присудспвіе паланша, и спарались разрѣ- шить непоспижимую загадку: какъ можешъ дарованіе угаснушь въ цвѣшъ силъ, вмѣ- сто шого, чшобы развишья въ полномъ блескѣ.

Но эпихъ полковъ не слышалъ самодовольный Художникъ и величался всеобщемою славою, попряживая червонцами своими и начиная вѣришь, что все въ свѣтѣ обыкновенно и прости, что опкровенія свѣше въ мѣръ не сущесшвуешъ, и все необходимо должно бышь подведено подъ спрогій порядокъ аккуратности и однообразія. Уже жизнь его коснулася пѣхъ лѣпъ, когда все дышащее порывомъ сжимаешся въ человекъ, когда могущесшвенный смычекъ слабѣе доходишь до души и не обвиваешся пронзительными звуками около сердца, когда прикосновеніе красопы уже не превращаешъ дѣвспвенныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ опгорѣвшія чувсшва спановяшся доснушнѣ къ звуку золоша; вслушнвающся внимательнѣ въ его заманчивую музыку и, мало помалу, нечувсшвишельно позволяющъ ей совершенно усыпншь себя. Слава не можешъ насыпншь и дашь наслажденія шому, которій укралъ ее, а не заслужилъ; она производишь поспоянный шрепешъ шолько въ досшойномъ ея. И пошому всѣ чувсшва и порывы его обрашнлись къ золошу. Золошно сдѣмалось его спрасшью, идеаломъ, спрахомъ, наслажденіемъ, цѣлно. Пуки ас-

сигнацій росли въ сундукахъ его. И какъ всякой, копорому доспаешся эпопѣ спрашной даръ, онъ началъ спановишься скучнымъ, недоспуннымъ ко всему и равнодушнымъ ко всему. Казалось онъ гошовъ былъ преврапишься въ одно изъ шѣхъ спранныхъ сущеспвѣ, копорые иногда попадаюпся въ мѣръ, на копорыхъ съ ужасомъ глядишь исполненный энергѣи и спраспи человекъ и копорому они кажупся живыми шѣлами, заключающими въ себѣ мерпвеца. Но однако же одно собыпѣе сильно поспрасло его и дало совершенно другое направлѣнѣе его жизни.

Въ одинъ день онъ увидѣлъ на сполѣ своемъ записку, въ копорой Академѣя Художеспвѣ просила его, какъ доспойнаго ея члена, прѣвхашъ дашь сужденѣе свое о новомъ присланномъ изъ Ипалѣи произведепѣи, усовершеспвовавшагося шамъ Русскаго Художника. Эпопѣ Художникъ былъ одинъ изъ прежныхъ его шоварищѣй, копорый опъ раннихъ лѣтпъ носилъ въ себѣ спраспкъ къ искусству; съ пламенною силою спруженника поспрасъ въ немъ всею душою своею и для него опорвавшись опъ друзѣй, опъ родныхъ, опъ милыхъ привычекъ, бросился

безъ всякихъ пособій въ неизвѣстную землю; перпѣлъ бѣдность, униженіе, даже голодь, но съ рѣдкимъ самоопроверженіемъ, презрѣвши все, былъ безчувственъ ко всему, кромѣ своего милаго искусства.

Вошедши въ залу нашелъ онъ толпу посѣпителей, собравшихся передъ картиною. Глубочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многлюдными цѣнишелями, на эпопѣ разъ царспвовало всюду. Черпковъ принявши значительную физиогномію знапока, приблизился къ картинѣ; но, Боже, что онъ увидѣлъ!

Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, спояло передъ нимъ произведеніе Художника. И хошь бы какое нибудь видно было въ немъ желаніе блеснуть, хошь бы даже извинишельное шщеславіе, хошь бы мысль о помѣ, чтобы показаться черни;— Никакой, никакихъ! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божешвенно, какъ шаманшъ, какъ геній. Изумишельно прекрасныя фигуры группировались не-принужденно, свободно, не касаясь полашна и, изумленныя сполькими усспремленными на нихъ взорами, казалось спыдыливо опуспили прекрасныя рѣспницы. Въ черспахъ

божественныхъ лицъ дышали тѣ тайныя явленія, копорыхъ душа не умѣешь, не знаешь пересказать другому; невыразимо выразимое покоилось на нихъ; — и все это было наброшено шакъ легко, шакъ скромно-свободно, что казалось было плодомъ минушнаго вдохновенія Художника, вдругъ остънившей его мысли. Вся картина была — мгновение; но это мгновение, къ которому вся жизнь человѣческая — есть одно приговореніе. Невольныя слезы гоповы были покапашься по лицамъ посъспишелей, окружившихъ картину. Казалось все вкусы, все дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію. Немодвижно, съ опверспымъ рпомъ стоялъ Чершковъ передъ картиною и наконецъ, когда мало по малу посъспишели и знапоки зашумѣли и начали разсуждать о достоинствѣ произведенія, и когда наконецъ обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ пришелъ въ себя; хотѣлъ принять равнодушный обыкновенный видъ, хотѣлъ сказать обыкновенное пошлое сужденіе зачерспвѣлыхъ художниковъ: что произведеніе хорошо и въ художникъ видѣнь спаланшь,

но желашельно, чпобы во многихъ мѣспахъ лучше была выполнена мысль и ошдѣлка — но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія неспройно вырвались въ ошвѣпъ и онъ какъ безумный выбѣжалъ изъ залы.

Съ минушу неподвижный и безчувспенный споялъ онъ посреди своей великолѣпной масперской. Весь соспавъ, вся жизнь его была разбужена въ одно мгновение, какъ будпо молодость возврапилась къ нему, какъ будпо попухшія искры паланша вспыхнули снова. Боже! и погубишь пакъ безжалосшно въ лучшіе годы своей юности, ишребишь, погасишь искру огня, можешъ бышь шеплѣвшася въ груди, можешъ бышь развившася бы шеперь въ величій и красотѣ, можешъ бышь пакже испоргнувшася бы слезы изумленія и благодарности! И погубишь все эшо, погубишь безъ всякой жалоспи! Казалось какъ будпо въ эшу минушу ожили въ душѣ его шѣ напряженія и порывы, копорые нѣкогда были ему знаками. Онъ схвашилъ кишъ и приблизился къ холспу. Пошѣ усилія проспунилъ на его лице, весь обрапился онъ въ одно желаніе и, можно сказашъ, загорѣлся одною мыслию: ему хотѣлось изобразишь ошпадшася Анге-

гела. Эша идея была болѣе всего согласна съ соспояніемъ его души. Но уввы! фигуры его, позы, группы, мысли, ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку и безсильный порывъ преспуишь границы и оковы, имъ самимъ на себя наброшенныя, уже опзывался не-правильноспію и ошибкою. Онъ пренебрегъ упомишельную длинную лѣспницу посшепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Въ досадѣ онъ принялъ прочь изъ своей комнашы всѣ шруды свои, означенные мершвою блѣдноспію поверхностной моды, заперъ дверь, не велѣлъ никого впускашь къ себѣ и занялся, какъ жаркій юноша, своею работою. Но, уввы! на каждомъ шагу онъ былъ оспановливаемъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ спихій; простой, незначущій механизмъ охлаждалъ весь порывъ и споялъ неперескочимымъ порогомъ для воображенія. Иногда оспнялъ его внезапный призракъ великой мысли, воображеніе видѣло въ шемной перспективѣ, чпо-шо пакое, чпо схвапивши и бросивши на полошно можно было сдѣлать необыкновеннымъ и вмѣспѣ досшуп-

нымъ для всякой души, какая то звѣзда чудснаго, сверкала въ неясномъ шуманѣ его мыслей, пошому что онъ шочно носилъ въ себѣ призракъ шаланша; но Боже! какое нибудь незначущее условіе, знакомое ученику, анапомическое мершвое правило и мысль замирала, порывъ безсильнаго воображенія цѣпенѣлъ нерасказанный, неизображенный; кисть его невольню обращалась къ зашверженнымъ формамъ, руки складывались на одинъ заученный манерь, голова несмѣла сдѣлать необыкновеннаго повороша, даже самыя складки плашья опзывались вышверженнымъ и нехопѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положеніи шѣла. И онъ чувшповалъ, онъ чувшповалъ, и видѣлъ эшо самъ! Попѣ кашился съ него градомъ, губы дрожали и послѣ долгой паузы, во время кошорой буншовали внушри его всѣ чувштва, онъ принимался снова, но въ шридцать слишкомъ лѣшъ шруднѣе изучать скучную лѣшницу шрудовъ правилъ и анапоміи, еще шруднѣе пошпигнуть шо вдругъ, что развиваешся медленно и даешся за долгія усилія, за великія напряженія, за глубокое самоошверженіе. Наконецъ онъ узналъ шу ужасную муку, кошорая какъ поразительное

исключеніе являешся иногда въ природѣ, когда паланшъ слабый силился выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можешъ выказаться, шу муку копорая въ юношѣ раждаешъ великое, но въ перешедшемъ за грань мечпаній обращается въ бесплодную жажду, шу спрашную муку, копорая дѣлаешъ человѣка способнымъ на ужасныя злодѣнія. Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Желчь проспувала у него налицѣ, когда онъ видѣлъ произведеніе носившее печать паланша. Онъ скрежешалъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска. Наконецъ въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда либо вивалъ человѣкъ и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Онъ началъ скупашъ все лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою цѣною, оспорожно приносилъ въ свою комнату и съ бѣшенствомъ шигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топшалъ ногами сопровождая ужаснымъ смѣхомъ адскаго наслажденія. Едва только появлялось гдѣ нибудь свѣжее произведеніе дышущее огнемъ новаго паланша онъ употреблялъ всѣ усилія купить его во что бы

то ни спало. Безчисленныя собранныя имъ богашства доставляли ему всѣ средства удовлетворяющаго этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотыя мѣшки и раскрылъ сундуки. Никогда ни одно чудовище невѣжества не испребило столько прекрасныхъ произведеній сколько испребилъ эпопѣй свирѣпый мститель. Илюди, носившіе въ себѣ искру Божественнаго познанія, жадные одного великаго, были безжалостно, безчеловѣчно лишены тѣхъ священныхъ прекрасныхъ произведеній, въ копорыхъ великое искусство приподняло покровъ съ неба и показало человѣку часпѣ исполненнаго звуковъ и священныя тайны его же внутренняго міра. Нигдѣ, ни въ какомъ уголкѣ не могли они сокрыться отъ его хищной спраспы, незнавшей никакой пощады. Его зоркій, огненный глазъ проникалъ всюду и находилъ даже въ заброшенной пыли слѣды художественной кисти. На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякой заранѣе опчаялся въ пріобрѣтеніи художественнаго созданія. Казалось какъ будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ эпопѣй ужасный бичъ желая опнять у него всю его гармонию. Эпа ужасная спраспѣ набросила какой-то

спрашнѣй колоритъ на его лице: На немъ всегда почти была разлиша желчь; глаза сверкали почти безумно; нависнувшія брови и вѣчно перерезанный морщинами лобъ придавали ему какое-то дикое выраженіе и ошдѣляли его совершенно опъ спокойныхъ обитателей земли.

Къ счастью міра и искушвъ такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться; размѣръ спростей былъ слишкомъ неправиленъ и колосаленъ для слабыхъ силъ ея. Припадки бшенства и безумія начали оказываться чаще и наконецъ все эпо обрапилось въ самую ужасную болѣзнь. Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахопкою овладѣли имъ такъ свирѣпо, что въ при дня оспавалась опъ него одна пѣнь полько. Къ этому присоединились всѣ признаки безнадежнаго сумашествія. Иногда нѣсколько человекъ немогли удержатъ его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновеннаго порпреша и тогда бшенство его было ужасно. Всѣ люди, окружавшіе его поспель, казались ему ужасными порпрешами. Порпрешъ эпопъ двоился чешверился въ его глазахъ и наконецъ ему

чудилось, что все спяны были увѣшаны этими ужасными порпшепами, устремившими на него свои неподвижные, живые глаза. Спрашные порпшепы глядѣли на него съ пополка, съ волю и въ добавокъ онъ видѣлъ, какъ комната расширялась и продолжалась проспраннѣе чшобы болѣе вмѣстипшь этихъ неподвижныхъ глазъ. Докторъ, принявшій на себя обязанность его пользовашь и уже нѣсколько насльшавшійся о спральной его испоріи, спарался всеми силами опыскашь пайное опношеніе между грезившимися ему привидѣніями и произшесшвіями его жизни, но ничего немогъ успѣшь. Больной ничего непонималъ и нечувспвовалъ, кромѣ своихъ перзаній и пронзительнымъ невыразимо-раздирающимъ голосомъ кричалъ и молилъ чшобы приняли онъ него неопразимый порпшепъ съ живыми глазами, кошораго мѣсто онъ описывалъ съ спранными для безумнаго подробностями. Напрасно упошребляли все спаранія чшобы опыскашь эшопъ чудный порпшепъ. Все было перерышо въ домѣ, но порпшепъ неопыскивался. Тогда больной приподнимался съ безпокойшвомъ и ошашъ начиналъ описывашь его мѣсто съ шакою почностью, кошора

показывала присудствіе яснаго и проникающаго ума; но всѣ поиски были тщетны. Наконецъ Докпоръ заключилъ, что это было больше ничего кромѣ особенное явленіе безумія. Скоро жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ спраданія. Трупъ его былъ спрашенъ. Ничего поже немогли найши опъ огромныхъ его богатствъ, но увидѣвши изрѣзанные куски штѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала миліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.

§ II.

Множество карешъ, дрожекъ и колясокъ спояло передъ подъездомъ дома, въ кошоромъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ шѣхъ богашыхъ любительей искусствъ, кошорые сладко продремали всю жизнь свою погруженные въ зефиры и амурьы, кошорые невинно прослыли меценатами и просподушно издержали для эшаго

миліоны накопленныя ихъ основательными опцами, а часпо даже собствѣнными прежними прудами. Длинная зала была наполнена самою пестрою шолною постышипелей налепѣвшихъ, какъ хищныя птицы, на неприбранное шѣло. Тушъ была цѣлая флотилія Русскихъ Купцовъ изъ госпиннаго двора и даже полкучаго рынка въ синихъ нѣмецкихъ сюрпукахъ. Видъ ихъ и фізіогномія была здѣсь какъ-шо шверже, вольнѣе и неозначалась шюю припорною услужливостію, которая шакъ видна въ Русскомъ купцѣ. Они вовсе нечинились, не смощря на шо, что въ эпош же залъ находилось множество шѣхъ значительныхъ Аристократовъ, передъ кошорыми они въ другомъ мѣспѣ гошовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здѣсь они были совершенно развязны, шунали безъ церемоніи книги и каршины жемая унашь доброту шовара и сѣло перебивали цѣну добавляемую Графами-знапками. Здѣсь были многіе необходимыя постышпеди аукціонеры, поспановившіе каждый день бываць въ немъ вмѣсно завпрака; Аристократы — знапки, почишающіе обязанностью неупущать случая умножить

свою коллекцію и не находившіе другаго занятія отъ 12 до 1-го часа; наконецъ шъ благородные господа, копорыхъ плашья и карманы чрезвычайно худы, копорые являющяся ежедневно безъ всякой корысполубивой цѣли, но единственнo чтобы посмощрѣшь чѣмъ чшо кончяшя, кшо будещъ давань больше, кшо меньше, кшо кого перещещъ и за кѣмъ чшо оспанещя. Множествo каршинъ разбросано было совершенно безъ всякаго полку: Съ ними были перещяшаны и мебели, и книги съ вензелями прежняго владѣшеля, копорый вѣрно немѣлъ похвальнаго любощяшсшва въ нихъ заглядывань. Кяшайскія вазы, мраморныя доски для споловъ, новыя и спаринныя мебели съ выгнушыми линиями, съ грифами сфинксами и львиными лапами, вызолоченныя и безъ позолопы, люспры, кенкеты—все было навалено и вовсе не въ шакомъ порядкѣ, какъ въ магазинахъ. Все предспавляло какой шо хаосъ искусствъ. Вообще ощущаемое нами чувствo при видѣ аукціона спранно: въ немъ все ошзываетя чѣмъ шо похожимъ на погребальную процессію. Заль, въ копоромъ онъ производяшя всегда какъ шо мраченъ; окна загроможденные мебельами

и карпинами, скупю изливающъ свѣтъ; без-
молвіе разлипое на лицахъ всѣхъ и голоса:
сто рублей, рубль и двадцать копѣекъ!
чешыреста рублей пшдесяптъ копѣекъ, про-
пшжно вырывающіеся изъ успъ, какъ-шо
дики для слуха. Но еще болѣе производиптъ
впечатлѣнія погребальнй голосъ Аукціо-
ншпа, поспукивающего молоткомъ и опщѣ-
вающего панихиду бѣднымъ, шакъ спранно
вспрѣпившимся здѣсь, искуспвамъ.

Однакоже аукціонъ еще не начинался; по-
сѣшшпели разсмашривали разншы вещи, на-
бросанныя горою на полу. Между пѣмъ не-
болшшая шолпа ошпановилась передъ однимъ
поршрешомъ: на немъ былъ изображенъ
спарикъ съ шакою спранною живоспью
глазъ, что невольню приковалъ къ себѣ ихъ
вниманіе. Въ художникъ нельзя было непри-
знать истиннаго шаманша, произведепіе
хоща было неокончено, но однакоже носило
на себѣ рѣзкій признакъ могущеспвенной
кшши; но при всемъ шомъ эша сверхъ
еспешспвенная живоспъ глазъ возбуждала
какой-шо невольнй упрекъ художнику.
Они чувспвовали что эшо верхъ истинны,
что изобразиптъ ее въ шакой сппени мо-
жешъ шолько геній, но что эшоптъ геній уже

слишкомъ дерзко перешагнулъ границы воли человѣка. Вниманіе ихъ прервало внезапное восклицаніе одного, уже нѣсколько пожилыхъ лѣтъ постыпшеля. «Ахъ, эпо онъ!» вскрикнулъ онъ въ сильномъ движеніи и неподвижно вперилъ глаза на поршреть. Такое восклицаніе натурально зажгло во всѣхъ любопышсшво и нѣкопорые изъ разсмапривавшихъ никакъ неуперпѣли чшобы несказашь оборотившись къ нему: «Вамъ вѣрно извѣсно, чшонибудь объ эшомъ поршреть.»

«Вы неошиблись» опвѣчалъ сдѣлавшій невольное восклицаніе. Точно, мнѣ болѣе нежели кому другому извѣсна Испорія эшаго поршреша. Все увѣряешъ меня, чшо онъ долженъ бытъ шопъ самый, о кошоромъ я хочу говорить. Такъ какъ я замѣчаю чшо васъ всѣхъ иншересуешъ о немъ узнашь, шо я шеперь же гошовъ нѣсколько удвлетворить васъ.» «Постыпшели наклоненіемъ головы изъявили свою благодарностъ и съ большою внимашельностію пригошвились слушашъ.

«Безъ сомнѣнія немногимъ изъ васъ» шакъ началъ онъ» извѣсна хорошо ша часшъ города, кошорую называютъ Коломной. Характеристика ея опшичается рѣзкою осо-

бенноспью опть другихъ часпей города. Нравы, занятія, сосполнїя, привычки жишелей совершенно опличны опть прочихъ. Здѣсь ни что не похоже на споллицу, но вмѣспѣ съ эспимъ не похоже и на провинціальнїй городокъ пошому что раздробленность многоспоронней и если можно сказапъ цивилизованной жизни проникла и сюда, и оказалась въ шакихъ шонкихъ мелочахъ, какія можешъ шолько родишь многолюдная споллица. Тушъ совершенно другой свѣспъ; и въѣхавши въ уединеннїя коломенскїя улицы вы кажешся слышите какъ опспавляющъ васъ молодые желанїя и порывы. Сюда незаглядываешъ живишельное, радужное будущее. Здѣсь все шишина и опспавка. Здѣсь все что опшло опть движенїя споллицы. И въ самомъ дѣлѣ сюда перетѣзжающъ опспавные чиновники, кошорыхъ пансіонъ непревышаешъ пяши сотъ рублей въ годъ; вдовы жившїя прежде мужними шрудами; небогатые люди имѣющїе прїятное знакомство съ сенашомъ и пошому осудившїе себя здѣсь на цѣлую жизнь; высплужившїяся кухарки, шолкающїяся цѣлїй день на рынкахъ, болшающїя вздоръ съ мужикомъ въ мѣлочной лавкѣ и забирающїя каждый день на 5 копеекъ

кофею и на 4 копейки сахару; наконецъ весь пошъ разрядъ людей, который я назову пепельнымъ, которые съ своимъ плашьемъ лицомъ, волосами имьютъ какую-то шусккую пепельную наружность. Они похожи на свринькой день, когда солнце несъпишъ своимъ яркимъ блескомъ, когда поже буря не свичешъ, сопровождаемая громомъ, дождемъ и градомъ, но просто когда на небъ бьваешъ ни се, ни по: съешся шуманъ и опни-маешъ всю рьзкость у предметовъ. Лица эшихъ людей бьваютъ какъ-то изъ красна-рьжеватые, волосы по же красноватые; глаза почти всегда безъ блеска; плашье ихъ поже совершенно маповое и представляешъ пошъ мушный цвѣшъ, который происхо-дишъ когда смѣшаешъ всѣ краски вмѣспѣ, и вообще вся ихъ наружность совершенно маповая. Къ этому разряду можно причислишъ опспавныхъ шеапральныхъ камель-динеровъ, уволенныхъ пьшидесяпильпнихъ Типулярныхъ Совѣшниковъ; опспавныхъ пи-шомцевъ марса съ 200 рублевымъ пенсіономъ, выколошымъ глазомъ и раздушою губою. Эши люди во все безспрасшны: имъ все шрынъ-шрава: Идушъ они совершенно нео-брашала вниманія ни на какія предметы,

молчашъ — совершенно недумая ни о чемъ. Въ комнашъ ихъ шолько кровашъ и шпофъ чисшой, русской водки, кошорую они однообразно сосушъ весь день безъ всякаго смѣлаго прилива въ головъ, возбуждаемаго сильнымъ пріемомъ, какой обыкновенно любипш задавашъ себъ по воскреснымъ днямъ молодой Нѣмецкій ремесленникъ, эшопш спуденш мѣщанской улицы, одинъ владѣющій прощуаромъ за двѣнадцашъ часовъ ночи.

Жизнь въ Коломнѣ всегда однообразна: рѣдко гремитъ въ мирныхъ улицахъ кареша, кромѣ развѣ той, въ кошорой ѣздятъ актеры и кошорая звономъ, громомъ и бряканьемъ своимъ смущаешъ всеобщую шишину. — Здѣш всѣ почши пѣшеходы. Извощикъ рѣдко, лѣниво, и почши всегда безъ сѣдока, волочипшя шаща вмѣшпъ съ собою сѣно для своей скромной клячи. Цѣна кварширѣ рѣдко доспигаетш шысячи рублей; ихъ больше опш 15 до 20 и 30 руб. въ мѣсяцъ, не счипая множесшва угловъ, кошорые опдающя съ опошленіемъ и кофіемъ за чешыре съ полшиною въ мѣсяцъ. Вдовы-чиновницы получающія пенсіонъ, самыя солидныя обипашельницы эшой часпи. Они ведутш себя очень хорошо, мешуш довольно чисшо свою комнашу и говоряшъ съ свои-

ми сосѣдками и пріятельницами о дороговизнѣ говядины, каршофеля и капусты; при нихъ находишься очень часто молоденькая дочь, молчаливое безгласное существо, впрочемъ иногда довольно миловидное; при нихъ находишься также довольно гадкая собаченка и спаринные часы съ печально поспекивающимъ маспникомъ. Эпи-шо чиновницы занимающъ лучшіе отдѣленія отъ двадцати до тридцати, а иногда и до сорока рублей. За ними слѣдуютъ актеры, кошорымъ жалованье не позволяеть выѣхать изъ Коломны. Эшо народъ свободный, какъ всѣ аршиспы живущіе для наслажденія: Они сидя въ своихъ халапахъ или выпочивающъ изъ кости какія нибудь бездѣлки, или починивающъ писмолепъ, или клеятъ изъ карпона какія нибудь полезныя для дома вещи, или играющъ съ пришедшимъ пріятелемъ въ шашки, или карпы и такъ проводятъ упрое; поже дѣлающъ ввечеру, примѣшивая къ эшому часто пуншъ. Послѣ эшихъ шузовъ, эшого ариспокрашсшва Коломны, слѣдуешь необыкновенная дробь и мѣлочъ; и для наблюдателя также трудно сдѣлать перечень всѣмъ лицамъ, занимающимъ разные углы и закоулки одной комнашы, какъ поименовать

все помножесиво насъкомыхъ, копорое зарождаеся въ спаромъ укуеся. Какого народа вы шамъ не вспръшите! Спарухи, копорыя моляшся, спарухи копорыя ньянспвуютъ, спарухи, копорыя ньянспвуютъ и моляшся вѣспнъ, спарухи, копорыя перебивающя непоспизимыми средспвами, какъ муравьи шаскаютъ съ собою спарыя шрянья и бѣлье онъ Калинкина моспа до Толкучаго рынка съ шѣмъ, чшюбы продашь его шамъ за пянадацаъ копѣекъ. Словомъ весь жалкій и несчаспный осадокъ человѣчеспва.

Еспешспвенное дѣло, чшо эшопнъ народъ нерпипъ иногда большой недоспашокъ, не дающій возможности веспи ихъ обыкновенную, бѣдную жизнь: Они должны часпо дѣлашь экспиренные займы, чшюбы выпушашъ изъ своихъ обспоящельспвъ. Тогда находяся между ними шакіе люди, кѣпорые носятъ громкое названіе каппшалисповъ и могущъ снабжашь за разные проценшы, всегда почти непемѣрные, суммою опъ двадацаи до спа рублей. Эпи люди мало по малу соспавляющъ соспояніе, копорое позволяешъ завеспсь иногда собспвеннымъ домикомъ. Но на эспихъ росповщиковъ вовсе не было похоже одно спранное сущеспво, носившее

фамилію Пешпромихали. Былъ ли онъ Грекъ, или Армянинъ, или Молдаванъ — эшого никшо не зналъ, но по крайней мѣрѣ черпты лица его были совершенно южные. Ходилъ онъ всегда въ широкомъ Азіатскомъ плашье, былъ високаго роспа, лице его было шемно-оливковаго цвѣта, нависнувшія черные съ просѣдью брови и шакіе же усыпридавали ему нѣсколько спрашный видъ. Никакого выраженія нельзя было замѣтити на его лицѣ: — оно всегда почти было неподвижно и предспавляло спранный контрастъ своею южною рѣзкою физиогноміей съ пепельными обипашелями Коломны. Пешпромихали вовсе не былъ похожъ на помянурыхъ росповщиковъ эпои уединенной часпи города. Онъ могъ выдашь сумму какую бы шолько опъ него ни пошребовали, напурально что за шо и проценшы были шуже необыкновенны. Вешхій домъ его со множеспвомъ приспроекъ находидся на Козьемъ болотѣ. Онъ былъ бы не шакъ дряхль, еспли бы владѣлецъ его сколько нибудь разоридся на починку, но Пешпромихали не дѣлалъ рѣшишельно ни какихъ издержекъ. Всѣ комнапы его выключая небольшой лачужки, копорую онъ занималъ самъ, были холодныя кладовыя, въ кошорыхъ кучами были набро-

саны фарфоровыя, золопыя, яшмовыя вазы, всякой хламъ, даже мебели, кошорыя принесли ему въ залогъ разныхъ чиновъ и званій должники, пошому чпо Пепромихали не пренебрегалъ ничемъ, и не смошря на шо чшо давалъ по сошнѣ шысячъ, онъ шакже гошовъ былъ служишь суммою непревышавшею рубля. Старое негодное бѣлье, изломанные спулья, даже изодранные сапоги — все гошовъ онъ былъ приняшь въ свои кладовыя, и нищій смѣло адресовался къ нему съ узелкомъ въ рукѣ. Дорогія жемчуги, обвивавшіе можешъ бышь прелеспнѣйшую шею въ мірѣ, заключались въ его грязномъ желѣзномъ сундукѣ, вмѣспѣ съ спаринною шабакеркою пшпидесяши-лѣшней дамы, вмѣспѣ съ діадемою возвышавшеюся надъ алебаспровымъ лбомъ красавицы и бриліаншовымъ перспнемъ бѣднаго чиновника, получившаго его въ награду неушомимыхъ своихъ шрудовъ. Но нужно замѣпишь, чшо одна шолько слишкомъ крайняя пужда заспавляла обращашься къ нему. Его условія были шакъ шягоспны, чшо ошбивали всякое желаніе. Но спраннѣе всего, чшо съ перваго разу проценшы казались не очень велики. Онъ посредспвомъ своихъ спранныхъ и необыкновенныхъ выкладокъ расположилъ

шакимъ непонятнымъ образомъ что они росли у него страшною прогрессіей и даже конспрольные чиновники не могли проникнуть эшаго непоспнжимаго правила, пѣмъ болѣе, что оно казалось основаннымъ на законахъ строгой математической истины; они видѣли явно приувеліченіе ишаго, но видѣли поже, что въ эшихъ вычетахъ нѣтъ никакой ошибки. Жалоспъ, какъ и всѣ другія спраспн чувствующаго челоѣка, никогда недоспигама къ нему, и никакія молебны не могли преклонить его къ опсрочку или къ уменьшенію плашежа. Нѣсколько разъ находили у дверей его окоспѣнѣвшихъ опъ холода несчастныхъ спарухъ, кошорыхъ посинѣвшіе лица, замерзнувшіе членпы и мерпвыя выпянушыя руки казалось и по смерти еще молили его о милоспн. Эпо возбуждало часто всеобщее негодование и полиція нѣсколько разъ хотѣла разобрать внимательнѣе поступки эшаго спраннаго челоѣка, но Кварпальные Надзирашели всегда умѣли подѣ какими нибудь предлогами уклонить и предспавить дѣло въ другомъ видѣ, не смопря на то что они гроша не получали опъ него. Но богашство имѣешъ шакую спранную силу, что ему вѣряшъ какъ

государственной ассигнаціи. Оно не показывалось можетъ невидимо двигать всѣми какъ работными слугами. Это спрванное существо сидѣло поджавши подъ себя ноги на почернѣвшемъ диванѣ принимая недвижно просипелей, слегка полько мигнувши бровью въ знакъ поклона; и ничего неможно было опъ него услышать лишняго или поспороняго. Носились однакожъ слухи, что будшо бы онъ иногда давалъ деньги даромъ не шребуя возвраша, но полько шакое предлагалъ условіе, что всѣ бѣжали опъ него съ ужасомъ и даже самыя болшливья хозяйки не имѣли силъ пошевелить губами, чтобы пересказать ихъ другимъ. Тѣ же, копорые имѣли духъ принявъ даваемыя имъ деньги, желшѣли, чахли и умирали не смѣя опкрышь шайны.

Въ этой часпи города имѣлъ небольшой домикъ одинъ художникъ, славившійся въ погдашнее время своими дѣйшвишельно прекрасными произведеніями. Этошъ художникъ былъ опецъ мой. Я могу вамъ показать нѣсколькo работъ его, выказывающихъ рѣшительный талантъ. Жизнь его была самая безмяшежная. Это былъ пошъ скромный небожный живописецъ, какіе полько жили во

времена религиозныхъ среднихъ вѣковъ. Онъ могъ бы имѣть большую извѣстность и нажить большое состояніе, если бы рѣшился заняться множественномъ работъ, которыя предлагали ему со всѣхъ сторонъ; но онъ любилъ болѣе заниматься предметами религиозными и за небольшую цѣну взялся росписать весь иконостасъ приходской церкви. Часомъ случалось ему нуждаться въ деньгахъ, но никогда не рѣшался онъ прибѣгнуть къ ужасному росповщику, хотя имѣлъ всегда впереди возможность ухватить долгъ, потому что ему стоило только присѣсть и написать нѣсколько поршрешовъ — и деньги были бы въ его карманѣ. Но ему такъ жалко было опорваться опъ своихъ занятій, такъ грустно было разлучиться хотя на время съ любимой мыслью, что онъ лучше готовъ былъ нѣсколько дней просидѣть голоднымъ въ своей комнатѣ. И на что бы онъ всегда рѣшился, если бы не имѣлъ спрасивно любимой имъ жены и двухъ дѣтей, изъ которыхъ одного вы видите теперь передъ собою. Однако же одинъ разъ крайность его такъ увеличилась, что онъ готовъ уже былъ итти къ Греку, какъ вдругъ внезапно распространилась вѣсть, что ужасной росповщикъ нахо-

*

дился при смерти. Это происшествіе его поразило и онъ уже готовъ былъ приписать его нарочно посланнымъ свыше для воспрепятствованія его намѣренію, какъ встрѣтилъ въ сѣняхъ своихъ запыхавшуюся спаруху, исправлявшую при ростовщикѣ при разныя должности : кухарки, дворника и камердинера. Спаруха совершенно отвыкшая говорить находясь при своемъ спраннымъ господинѣ, глухо пробормотала нѣсколько несвязныхъ опривисныхъ словъ, изъ копорыхъ опецъ мой могъ только узнать, что господинъ ся имѣешь въ немъ крайнюю нужду и просилъ его взять съ собою краски и кисти. Опецъ мой не могъ придумать на что бы онъ могъ быть ему нуженъ въ такое время и при томъ еще съ красками и кистями, но побуждаемый любопытствомъ схватилъ свой ящикъ съ живописнымъ приборомъ и отправился за спарухою.

Онъ насилу могъ продраться сквозь толпу нищихъ обспупившихъ жилище умирающаго ростовщика и липавшихъ себя надеждою, что авось либо наконецъ передъ смертію раскается энопъ грѣшникъ и раздастъ малую часть изъ безчисленнаго своего богатства. Онъ вошелъ въ небольшую комнату и уви-

дѣлъ пропянувшееся почпи во всю длину ея шѣло Азіапца которое онъ принялъ было за умершее, шакъ оно выпянулось и было неподвижно. Наконецъ высохшая голова его приподнялась и глаза его шакъ спрашно устремились, что опецъ мой задрожалъ. Пепромихали сдѣлалъ глухое восклицаніе и наконецъ произнесъ: «Нарисуй съ меня поршрешъ!» Опецъ мой изумился шакому спранному желанію; онъ началъ представляшь ему, что шеперь уже не время объ эшомъ думашъ, что онъ долженъ опвергнушь всякое земное желаніе, что уже немного минушь оспалось жипшь ему и потому пора помыслишь о прежнихъ своихъ дѣлахъ и принесши покаяніе Всевышнему. «Я не хочу ничего; нарисуй съ меня поршрешъ!» произнесъ швердымъ голосомъ Пепромихали; при чемъ лице его покрылось такими конвульсіями, что опецъ мой вѣрно бы ущѣлъ ешъли бы чувспво весьма извинительное въ художникъ, пораженномъ необыкновеннымъ предметомъ для киспи не оставило его: Лице росповщика именно было одно изъ шѣхъ, которые соспавляютъ кладъ для аршиспа. Со спрахомъ и вмѣспъ съ какимъ-шо шайнымъ желаніемъ посшавилъ онъ холспъ за немѣніемъ спанка къ себѣ на ко-

лѣни и началъ рисовать. Мысль упопрѣбить послѣ эпо лице въ своей каршинѣ, гдѣ хотѣлъ онъ изобразить одержимаго бѣсами, копорыхъ изгоняешь могущественное слово Спасителя, эта мысль заставила его усилить свое рвеніе. Съ поспѣшностію набросалъ онъ абрисъ и первыя пѣни, опасаясь каждую минушу, что жизнь росповщика вдругъ перервется, пошому что смерть уже казалась носилась на устахъ его. Изрѣдка полько онъ издавалъ хрипѣніе и съ беспокойствомъ устремлялъ спрашный взглядъ свой на каршину; наконецъ что-то подобное радости мелькнуло въ его глазахъ, при видѣ какъ черпы его ложились на полотно. Опасаясь ежеминушно за жизнь его, отецъ мой прежде всего рѣшился заняться окончательною опдѣлкою глазъ. Это былъ предметъ самый трудный, пошому что чувство въ нихъ избравшееся было совершенно необыкновенно и невыразимо. Около часу трудился онъ возлѣ нихъ и наконецъ совершенно схватилъ пошъ огонь, копорый уже пошухалъ въ его оригиналъ. Съ пайнымъ удовольствіемъ онъ опошелъ немного подалѣе опъ каршины, чтобы лучше разсмотрѣть ее, и съ ужасомъ опскочилъ опъ нее увидѣвъ живые глядящіе

на него глаза. Непоспѣжимый спрахъ овладѣлъ имъ въ шакой спешени, что онъ швырнувъ палистру и краски, бросился къ дверямъ; но страшное, ночни полумертвое шло респовщика приподнялось съ своей кровати и схватило его пощею рукою приказывая про должашъ работу. Опець мой клялся и крещился, что не станешъ продолжашъ. Тогда это ужасное существо повалилось съ своей кровати, шакъ, что его кости заспучали, собрало всѣ свои силы, глаза его блеснули живостью, руки обхватили ноги моего опца и онъ ползая цѣловалъ полы его плашья и умолялъ дорисовашъ порспреть. Но опець былъ неумолимъ и дивился шолько силъ его воли перемогшей самое приближеніе смерти. Наконецъ опчаянный Першомихали выдвинулъ съ необыкновенною силою изъ подъ кровати сундукъ и спрашная куча золоша грянула къ ногамъ моего опца; видя и шупшь его переклонносшь, онъ повалился ему въ ноги и цѣлой пошокъ заклинаній полился изъ его молчаливыхъ дошоль успшь. Невозможно было нечувшвовашъ какого-шо ужаснаго, и даже если можно сказашъ опврашительнаго соспраданія. «Добрый человекъ! Божій человекъ! Хрисповъ человекъ!» говорилъ съ вы-

раженіемъ опчаянія эпопѣ живой скелетъ.
«Заклинаю тебя маленькими дѣшьями швоими, прекрасною женою, гробомъ опца швоего, кончи поршрешъ съ меня! еще одинъ часъ полько посиди за нимъ! Слушай я шебъ объявлю одну шайну.» При эпомъ смершная блѣдностъ начала сильнѣе просшупашъ на лицъ его. «Но шайны эпой никому не объявляй ни женъ, ни дѣшьямъ швоимъ, а не шо и шы умрешъ и они умрушъ и всѣ вы будеше несчастны. Слушай, если шы шеперь не сжалишся, шо уже больше не спану просишъ. Послѣ смерши я долженъ ишши къ шому къ кошпоруму бы я не хошѣлъ ишши. Тамъ я долженъ вышперѣшъ муки, о какнхъ шебъ и во снѣ не слышалось; но я могу долго еще не ишши къ нему, до шѣхъ поръ покуда стоишъ земля наша, ешъли шы шолько докончишъ поршрешъ мой. Я узналъ чшо половина жизни моей перейдешъ въ мой поршрешъ, ешъли шолько онъ будешъ сдѣлацъ искуснымъ живописцемъ. Ты видишъ чшо уже въ глазахъ ошпалась часъ жизни; она будешъ и вовсѣхъ чершахъ, когда шы докончишъ. И хошя шѣло мое згибнешъ, но половина жизни моей ошпанешся на землѣ и я убѣгу на долго еще опъ мукъ. Дорисуй! дорисуй! дорисуй!»... крича-

ло раздирающимъ и умирающимъ голосомъ эпо спранные существо. Ужась еще болѣе овладѣлъ моимъ опцомъ. Онъ слышалъ какъ поднялись его волоса опъ эпой ужасной шайны и выронилъ кисть, копорую было уже поднйялъ пронушый его мольбами. «А, пакъ пы не хочешь дорисовать меня?» произнесъ хрипящимъ голосомъ Пепромихали. «Такъ возьми же себѣ поршрепъ мой: я шебѣ его дарю.» При сихъ словахъ чшо-шо въ родѣ спрашнаго смѣха выразилося на устахъ его; жизнь казалась еще разъ блеснула въ его черпахъ и чрезъ минушу предъ нимъ оспался синій прупъ. Опець не хошѣлъ припронушья къ кистямъ и краскамъ рисовавшимъ эши богоошспушныя чершы и выбѣжалъ изъ комнаты.

Чшобы развлечъ непрйяшныя мысли панесенныя эшимъ происшешвиемъ онъ долго ходилъ по городу и ввечеру возвратился домой. Первый предметъ попавшійся ему въ масперской его былъ писанный имъ поршрепъ ростповщика. Онъ обратился къ женѣ, къ женщицѣ прислуживавшей на кухнѣ, къ дворнику, но всѣ дали рѣшипельный ошвѣштъ, что никпо не приносилъ поршрепа и даже не приходилъ во время его ошсущешвиа. Эшо

заспавило его минушу задумашься. Онъ приблизился къ поршрешу и невольню отшврашилъ глаза свои проникнушый отшвращеніемъ къ собспвенной работш. Онъ приказаль его сняшъ и вынесшъ на чердакъ, но при всемъ шомъ чувспвоваль какую-шо спранную шягосшъ, присушспшвіе такихъ мыслей, кошорыхъ самъ пугался. Но болше всего поразило его когда уже онъ легъ въ постелю, слшдующее, почши невшрояшное происшесшвіе: онъ видль ясно какъ вошелъ въ его комнату Пешромихали и ошановился передъ его кровашью. Долго глядль онъ на него своими живыми глазами, наконецъ началъ предлагашъ ему шакія ужасныя предложенія, шакое адское направленіе хошлъ дашъ его искусству, что опецъ мой съ болшзненнымъ спономъ схвалился съ кроваши проникнушый холоднымъ пошомъ, неспернимою шяжесшью на душъ и вмшспъ самымъ пламеннымъ негодованіемъ. Онъ видль какъ чудное изображеніе умершаго Пешромихали ушло въ раму попреша, кошорый висль снова передъ нимъ на спшнш. Онъ ршшился въ шошъ же день сжечь это прокляшое произведеніе рукъ своихъ. Какъ шолько запопленъ былъ каминъ, онъ бросилъ его въ разгорвшійся огонь

и съ шайнымъ наслажденіемъ видѣлъ какъ лопались рамы на копорыхъ напянутъ былъ холстъ, какъ шипѣли еще не высохшія краски; наконецъ куча золы одна шолько оспалась опъ его существованія. И когда начала она улешашъ легкою пылью въ шрубу, казалось какъ будшо неясный образъ Пепромихали улешѣлъ вмѣспѣ съ нею. Онъ почувсвовалъ на душѣ какое-то облегченіе. Съ чувсвномъ выздоровѣвшаго опъ продолжительной болѣзни оборошилсѣ онъ къ углу комнашы, гдѣ висѣлъ писанный имъ Образъ, чшобы принесѣть чистое покаянiе и съ ужасомъ увидѣлъ, чшо передъ нимъ споялъ шощъ же порпрешъ Пепромихали, котораго глаза казалось еще болѣе получили живоспи, шакъ чшо даже дѣши испуспили крикъ взглянувши на нето. Эшо чрезвычайно поразило моего опца. Онъ рѣшилсѣ опкрышѣся во всемъ священнику нашего прихода и просишъ у него совѣша, какъ поступишъ въ эшомъ необыкновенномъ дѣлѣ. Священникъ былъ разсудительной человекъ и кромѣ шого преданный съ шеплою любовію своей должноспи. Онъ немедленно явилсѣ по первому призыву къ моему опцу, котораго уважалъ какъ досшойнѣйшаго прихожанина. Опецъ не счишалъ

даже нужнымъ опводишь его въ спорону и рѣшился пушъ же при мапери моеи и дѣняхъ расказашь ему эшо непоспижимое проишесшвiе. Но едва шолько произнесъ онъ первое слово, какъ мапъ моя вдругъ глухо вскрикнула и упала безъ чувспвъ на полъ. Лице ея покрылось спрашною блѣдноспью, успа ошались неподвижны опкрышы и всѣ черпы ея исковеркались судорогами. Опецъ и священникъ подбѣжали къ ней и съ ужасомъ увидѣли, чшо она нечаянно проглотила десяшокъ иголокъ, копорыя держала во ршу. Пришедшiй докпоръ объявилъ чшо эшо было неизлѣчимо: иголки ошановились у нее въ горлъ, другiе прошли въ желудокъ и во внутренностъ и мапъ моя скончалась ужасною смерпью.

Эшо произшесшвiе произвело сильное влiяне на всю жизнь моего опца. Съ эшаго времени какая-шо мрачностъ овладѣла его душею. Рѣдко онъ чемъ-нибудь занимался, всегда почши оспавался безмолвнымъ и убѣгалъ всякаго сообщесшва. Но между шѣмъ ужасной образъ Пепромихали съ его живыми глазами спалъ преслѣдовалъ его неоплучнѣе и часшо опецъ мой чувспвовалъ приливъ шакихъ опчаянныхъ свирѣпыхъ мыслей, ко-

порыхъ невольно содрогался самъ. Все что чпо улегаешся, какъ черный осадокъ во глубинѣ челоуѣка испребляешся и выгоняешся воспишаніемъ, благородными подвигами и лицезрѣніемъ прекраснаго, все эпо онъ чувспвовалъ возмущавшимся и безпреспанно силившимся выйши въ наружу и развипься во всемъ своемъ порочномъ совершенспвѣ. Мрачное сосполніе души его именно было паково чпобы заспавипь его ухвацишь за эпо черную спорону челоуѣка. Но я долженъ замѣшпщ чпо сила характера опца моего была безпримѣрна; власпъ, копорую онъ бралъ надъ собою и надъ спраспями была непоспшпжима, его убѣжденія были шверже граниша и чѣмъ сильнѣе было испушеніе шѣмъ онъ болѣе рвался прошивуспавипь ему несокрушпмую силу души своей. Наконецъ обезсплѣвъ опъ эпой боръбы онъ рѣшплся излпщ и обнажпщ всего себя въ изображеніи всей повѣспп своихъ спраданий пому же спященнику, копорый всегда почпш доспавлялъ ему испѣленіе размышляющпми спонми рѣчами. Эпо было въ началѣ осепи; день былъ прекрасный; солнце сіяло какпмъ-то свѣжпмъ осепнимъ свѣпомъ; окна нашихъ комнащ были опворены; опецъ мой

сидѣлъ съ доспойнымъ священникомъ въ мастерской; мы играли съ брапомъ въ комнату, кошорая была рядомъ съ нею. Обѣ эпикомпапы были во вшоромъ эшажѣ соспавлявшемъ аншресоли нашего маленькаго дома. Дверь въ мастерской была нѣсколько распворена; я какъ шо нечаянно заглянулъ въ опшвершіе, видѣлъ что опецъ мой придвинулся ближе къ священнику и услышалъ даже какъ онъ сказалъ ему: наконецъ я опкрою всю эту шайну... Вдругъ мгновенный крикъ заспавилъ меня оборошиться: брапа моего не было. Я подошелъ къ окну и — Боже! я никогда не могу забыть эшаго происшесшвія: на мостовой лежалъ облишый кровью шрупъ моего брапа. Играя онъ вѣрно какъ нибудь неоспорожно перегнулъ черезъ окошко и упалъ безъ сомнѣія головою внизъ, пошому что она вся была размозжена. Я никогда не позабуду эшаго ужаснаго случая. Опецъ мой споялъ неподвиженъ передъ окномъ, сложа накресшъ руки и поднйвъ глаза къ небу. Священникъ былъ проникнушъ спрахомъ, вспомнивъ объ ужасной смерти моей мапери и самъ шребовалъ опъ опца моего, что бы онъ хранилъ эту ужасную шайну.

Послѣ эшаго опецъ мой опдалъ меня въ

Корпусъ, гдѣ я провелъ все время своего воспитанія, а самъ удалился въ монастырь одного уединеннаго городка, окруженнаго пушпынею, гдѣ бѣдный съверъ уже предсавлялъ полько дикую природу, и шоржешвенно принялъ санъ монашескій. Всъ пляжкія обязанности эшаго званія онъ несъ съ шакою покорностью и смиреніемъ, всю шруженическую жизнь свою онъ велъ съ шакимъ смиреніемъ соединеннымъ съ энпузіазмомъ и пламенемъ Въры, чшо повидимому прешупное не имѣло воли коснуться къ нему. Но спрашный имъ же начерпанный образъ съ живыми глазами преслѣдовалъ его и въ эшомъ почши гробовомъ уединеніи. Игумень узнавши о необыкновенномъ шаланшѣ опца моего въ живописи, поручилъ ему украсишь церковь нѣкопорыми образами. Нужно было видѣшь съ какимъ высокимъ религіознымъ смиреніемъ шрудился онъ надъ своею работою въ шпрогомъ посшѣ и молпшвѣ въ глупомъ размышленіи и уединеніи души приугошавлялся онъ къ своему подвигу. Неоплучно проводилъ ночи надъ своими священными изображеніями и опъ шого можешъ бышь рѣдко найдеше вы произведеній даже значительныхъ художниковъ ко-

порые носили бы на себѣ печать шакихъ испинно Христіанскихъ чувствъ и мыслей. Въ его праведникахъ было шакое небесное спокойшвіе, въ его кающихся шакое душевное сокрушеніе, какія я очень рѣдко встрѣчалъ даже въ карпинахъ извѣстныхъ Художниковъ. Наконецъ всѣ мысли и желаніе его успремилсь къ тому, чшобы изобразить божеспвенную маперь, крошко проспирающую руки надъ молящимся народомъ. Надъ эшимъ произведеніемъ шрудился онъ съ шакимъ самооптверженіемъ и съ шакимъ забвеніемъ себя и всего міра, чшо часпъ спокойшвія, разлишаго его кистью въ чершахъ божеспвенной покровишельницы міра, казалось перешла въ собспвенную его душу. По крайней мѣрѣ спрашный образъ расповщика перешалъ навѣщашъ его и поршрешъ пропалъ неизвѣсно куда.

Между шѣмъ воспишаніе мое въ Корпусѣ окончилось. Я былъ выпущенъ офицеромъ, но къ величайшему сожалѣнію обстоятельспва не позволили мнѣ видѣшь моего опца. Нашъ опправили шогда же въ дѣйспвующую армію, копорая по поводу объявленной войны Турками находилась на границъ. Не буду надѣдашь вамъ разсказами о жизни проведен-

ной мною среди походовъ, бивакъ и жаркихъ схватокъ ; довольно сказать, что пруды опасности и жаркй климатъ измѣнили меня совершенно. Такъ, что знавшіе меня прежде, не узнавали вовсе. Загорѣвшее лицо, огромные усы, и хриплый крикливый голосъ придали мнѣ совершенно другую физиогномію. Я былъ весельчакъ, не думалъ о завпрешнемъ, любилъ выпорожнишь лишнюю бупылку съ шоварищемъ, болшашъ вздоръ съ смазливенькими дѣвчонками, опшущишь съ проспа глупость, словомъ былъ военный безпечный человекъ. Однако жъ какъ только окончилась кампанія, я почелъ первымъ долгомъ навѣстить отца.

... Когда подъѣхалъ я къ уединенному монастырю, мною овладѣло странное чувство, какого прежде я никогда не испытывалъ, я чувствовалъ, что я еще связанъ съ однимъ существомъ, что есть еще что-то неполное въ моемъ состояніи. Уединенный монастырь посреди природы, блѣдной, обнаженной, навелъ на меня какое-то пиническое забвене и далъ странное, неопредѣленное направление моимъ мыслямъ. Какое обыкновенно мы чувствуемъ въ глубокую осень, когда листья шумяшь подъ нашими ногами, надъ

головами ни листа, черныя вѣтви сквозящъ
рѣдкою стѣпью, вороны каркають въ далекой
вышинѣ и мы невольно ускоряемъ свой шагъ
какъ бы спараясь собрать разсѣявшіяся мы-
сли. Множество деревянныхъ почернѣвшихъ
приспоекъ окружали каменное строеніе. Я
вспушилъ подъ длинныя мѣспами прогнившія,
позелнѣвшія мохомъ галлерей, находившія
ся вокругъ келій, и спросилъ монаха опца
Григорія. Это было имя которое опецъ мой
принялъ по вспувленіи въ монашеское званіе.
Мнѣ указали его келью. Никогда не позабуду
произведеннаго имъ на меня впечатлѣнія. Я
увидѣлъ спарца, на блѣдномъ изнуренномъ
лицѣ котораго не присушествовало казалось
ни одной черпты, ни одной мысли о земномъ.
Глаза его привыкшіе быть успремленными
къ небу получили пощъ безспраспный, про-
никнушый не здѣшнимъ огнемъ видъ, ко-
шорый въ минушу полько вдохновенія осъ-
няешъ художника. Онъ сидѣлъ передомною
неподвижно какъ свяшой, глядящій съ
полопна, на кошорый перенесла его рука
художника, на молящійся народъ; онъ каза-
лось вовсе не замѣшилъ меня, хоща глаза
его были обращены къ шой споронѣ ошкуда
я вошелъ къ нему. Я не хощѣлъ еще ош-

крышья и пошому попросилъ у него просто благословенія какъ пупешествующій молещикъ, но каково было мое удивленіе, когда онъ произнесъ: «Здравствуй, сынъ мой, Леонъ!» Меня эшо изумило: я десяти лѣтъ еще распался съ нимъ; припомъ меня не узнавали даже шѣ, кошорые меня видѣли не шакъ давно. «Я зналъ чшо ты ко мнѣ прибудешъ» продолжалъ онъ. «Я просилъ объ эшомъ Пречисную Дѣву и Св. Угодника и ожидалъ шебя съ часу на часъ, пошому чшо чувствую близкую кончину и хочу шебѣ опкрышь важную шайну. Пойдемъ, сынъ мой, со мною и прежде помолимся!» Мы вошли въ церковь и онъ подвелъ меня къ большой каршинѣ изображавшей Божію Машерь благословляющую народъ. Я былъ пораженъ глубокимъ выраженіемъ божесшвенности въ Ея лицѣ. Долго лежалъ онъ повергшись передъ изображеніемъ и наконецъ послѣ долгаго молчанія и размышленія вышелъ вмѣстѣ со мною.

Послѣ шого ошець мой рассказалъ мнѣ все шо чшо вы сейчасъ опъ меня слышали. Въ истинну его я вѣрилъ пошому, чшо самъ былъ свидѣтелемъ многихъ печальныхъ случаевъ нашей жизни. «Теперь я расскажу шебѣ сынъ мой» прибавилъ онъ послѣ эшой

исторіи «то, что мнѣ открылъ видѣнный мною святой, неузнанный среди многолюднаго народа никѣмъ кромѣ меня, копорато милосердый Создатель сподобилъ такой неизглаголанной своей благости.» При этомъ опецъ мой сложилъ руки и устремилъ глаза къ небу, весь опданный Ему всеѣмъ своимъ бытіемъ. И я наконецъ услышалъ то, что сей часъ гоповлюсь рассказать вамъ. Вы не должны удивляться спраанности его рѣчей: я увидѣлъ, что онъ находился въ томъ состояніи души, копорое овладѣваетъ человекомъ, когда онъ испытываетъ сильныя вестершимья несчастія; когда желая собрать всю силу, всю желѣзную силу души и не находя еѣ довольно мощною, весь повергается въ Религію; и чѣмъ сильнѣе гнѣтъ его несчастій, тѣмъ пламеннѣе его духовныя созерцанія и молитвы. Онъ уже не походилъ на того шихаго размышляющаго опшельника, копорый какъ къ желанной приспани причалилъ къ своей пустыни съ желаніемъ опдохнуть опъ жизни и съ Христіанскимъ смиреніемъ молился Тому, къ Копорому онъ спалъ ближе и доступнѣе; напрошивъ того онъ спановишся чѣмъ по исполнскимъ. Въ немъ не угаснулъ пылъ души, но напрошивъ

спремился и вырывается съ большею силою. Онъ тогда весь обратился въ религіозный пламень. Его голова вѣчно наполнена чудными снами. Онъ видишь на каждомъ шагу видѣнія и слышишь опкровенія; мысли его раскалены; глазъ его уже не видишь ничего принадлежащаго землѣ; всѣ движенія, слѣдствія вѣчнаго успрямленія къ одному, исполнены энтузіазма. Я съ перваго раза замѣнилъ въ немъ эшо соспоянiе и упоминаю о немъ пошому, чшобы вамъ неказалисьслишкомъ удивительными нѣ рѣчи, копорыя я опъ него услышалъ. «Сынъ мой» сказалъ онъ мнѣ послѣ долгаго, почти неподвижнаго успрямленія глазъ своихъ къ небу. «Уже скоро, скоро приблизися шо время, когда искушитель рода человѣческаго, Аншихристъ, на родится въ мiръ. Ужасно будешь эшо время: оно будешь передъ концемъ мiра. Онъ промчится на конѣ гигантѣ и великія потерпятъ муки нѣ, копорыя оспанушся вѣрными Хришту. Слушай сынъ мой: уже давно хочешь народишься Аншихристъ, но не можешь, пошому чшо долженъ родишься сверхъестественнымъ образомъ; а въ мiръ нашемъ все успроено Всемогущимъ пакъ, чшо совершаешся все въ ешесшвенномъ порядкѣ и

пошому ему никакія силы, сынъ мой, не по-
могунъ прорвашься въ міръ. Но земля наша
прахъ предъ Создашелемъ. Она по Его зако-
намъ должна разрушашься и съ каждымъ
днемъ законы природы будунъ становишься
слабѣе и опъ шого границы удерживающія
сверхъестественное присупнѣе. Онъ уже и
шеперь нарождаешься, но шолько нѣкопорая
часъ его порываешься показашься въ міръ.
Онъ избираешъ для себя жилищемъ самого
человѣка и показываешься въ шѣхъ людяхъ,
опъ копорыхъ уже кажешься при самомъ ро-
жденіи опшашнулъ ангелъ и они заклеише-
ны спрашною ненавистью къ людямъ и ко
всему, чшо ешъ созданіе Творца. Таковъ-шо
былъ шопъ дивный росповщикъ, копорого
дерзнулъ я окаянный изобразишь пресуп-
ною своею кистью. Эшо онъ, сынъ мой, эшо
былъ самъ Аншихристъ. Если бы моя пре-
супная рука не дерзнула его изобразишь,
онъ бы удалился и исчезнулъ, пошому чшо
не могъ жишь долѣе шого шѣла въ копо-
ромъ заключилъ себя. Въ эшихъ опвраши-
пельныхъ живыхъ глазахъ удержалось бѣ-
совское чувствво. Дивись сынъ мой ужасно-
му могуществу бѣса. Онъ во все силишься
проникнушь: въ наши дѣла, въ наши мысли

и даже въ самое вдохновеніе художника. Безчисленны будутъ жертвы эшаго адскаго духа, живущаго невидимо безъ образа на землѣ. Эшо шомъ черный духъ, кошорый врываешся къ намъ даже въ минушу самыхъ чистыхъ и свяшихъ помышлений. О если бы моя кисть не оспановила своей адской работы, онъ бы еще болѣе надѣлалъ зла и нѣтъ силъ человѣческихъ прошивуспашъ ему. Пошому, что онъ именно выбираешъ шо время, когда величайшія несчастія постигають насъ. Горе, сынъ мой, бѣдному человѣчешву! Но слушай, что мнѣ ошкрыла въ часъ свашаго видѣнія Сама Божія Машерь. Когда я прудился надъ изображеніемъ пречисшаго лика Дѣвы Маріи, лилъ слезы покаянія о моей прошекшей жизни, и долго пребывалъ въ поспѣ и моливѣ чшобы бышь dospойнѣе изобразить божешвенныя черпы ея, я былъ пощщенъ, сынъ мой, вдохновеніемъ, я чувешвовалъ, что высшая сила ошнила меня и ангелъ возносилъ мою грѣшную руку, я чувешвовалъ какъ шевелились на мнѣ волоса мои и душа вся шрепешала. О сынъ мой! за эшу минушу я бы шысячи взялъ мукъ на себя. И я самъ дивился шому что изобразила кисть моя. Тогда же предспалъ мнѣ

во снѣ Пречиспый ликъ Дѣвы — и я узналъ чпо въ награду моихъ трудовъ и моливъ сверхъестественное существованіе эшаго демона въ поршрешъ будешъ не вѣчно, чпо если кто поржественно объявишь его исторію по испеченіи пиапидесяпи лѣтъ въ первое новолуніе, по сила его погаснешъ и развешся яко прахъ и чпо я могу тебѣ передашь эшо передъ моею смершію. Уже тридцашъ лѣтъ, какъ онъ съ шого времени живешъ; двадцашъ впереди, помолимся сынъ мой!» При эшомъ онъ повергнулся на колѣни и весь преврашилъ въ моливу. Признаюсь, я внушренно всѣ эши слова приписывалъ распаленному его воображенію, воздвигнутому безпреспаннымъ посшомъ и моливвами и пошому изъ уваженія не хошѣлъ дѣлашь какого нибудь замѣчанія, или соображенія. Но когда я увидѣлъ какъ онъ поднялъ къ небу изсохшія свои руки, съ какимъ глубокимъ сокрушеніемъ молчалъ онъ уничтоженный въ себѣ самомъ, съ какимъ невыразимымъ умиленіемъ молилъ о шѣхъ, которыя не въ силахъ были пропивишься адскому обольспишелю и погубили все возвышенное души своей, съ какою пламенною скорбію просперся онъ, и по лицу его лились гово-

рація слезы, и во всѣхъ чертахъ его выразилось одно безмолвное рыданіе, — о! тогда я не въ силахъ былъ предасться холодному размышленію и разбирасть слова его. Нѣсколько лѣтъ прошло послѣ его смерти. Я не вѣрилъ этой исторіи и даже мало думалъ о ней; но никогда не могъ ее никому пересказать. Я не знаю опъ чего это было, но только я чувствовалъ всегда что-то удерживавшее меня опъ того. Сегодня безъ всякой цѣли зашелъ я на аукціонъ и въ первой разъ рассказалъ исторію этого необыкновеннаго портрета — такъ что я невольно начинаю думать не сегодня ли по новолуніе, о кошоромъ говорилъ отецъ мой, потому что дѣйствительно съ того времени прошло уже 20 лѣтъ.

Тутъ рассказывавшій остановился и слушатели, внимавшіе ему съ неразвлекаемымъ участіемъ, невольно обратили глаза свои къ странному портрету и къ удивленію своему замѣтили, что глаза его вовсе не сохраняли той странной живости, кошорая такъ поразила ихъ сначала. Удивленіе еще болѣе увеличилось, когда черты страннаго изображенія почти нечувствительно начали исчезать, какъ исчезаетъ дыханіе съ чистой спа-

ли. Чшо-шо мушное оспалось на полошнѣ. И когда подошли къ нему ближе, шо увидѣли какой-шо незначищій пейзажъ. Такъ, чшо носъшищели уже уходя долго недоумѣвали дѣйствительнo ли они видѣли шайнспвенный портретъ, или эшо была мечта и предспавилась мгновенно глазамъ ушпружденнымъ долгимъ разсмащриваніемъ спаринныхъ каршинъ.

ВЗГЛЯДЪ

НА СОСТАВЛЕНІЕ МАЛОРОССІИ.

ВЗГЛЯДЪ

НА СОСТАВЛЕНІЕ МАЛОРОССІИ. (*)

=

І. Какое ужасно-ничтожное время представляешь для Россій XIII вѣкъ! Сопни мелкихъ Государствъ единовѣрныхъ, одно-

(*) Эскизъ этотъ составлялъ введеніе къ Исторіи Малороссіи; но такъ какъ вся первая часть Исторіи Малороссіи передѣлана вовсе, то онъ остался заштатнымъ и помѣщается здѣсь какъ совершенно отдѣльная статья. —

племенныхъ, одноязычныхъ, означенныхъ однимъ общимъ характеромъ, и копорыхъ казалось противъ воли соединяло родство — эти мелкія Государства такъ были между собою разъединены, какъ рѣдко случается съ разнохарактерными народами. Они были разъединены не нависью, сильныя спраши не досягали сюда, ни постоянной Полишикою — слѣдствіемъ непреклоннаго ума и познанія жизни. Это былъ хаосъ браней за временное, за минушное, браней разрушительныхъ, потому что онъ мало по малу извѣли народный характеръ, едва начинавшій принимашъ опличительную Физиогномію при сильныхъ Норманскихъ Князяхъ. Религія, копорая болѣе всего связываетъ и образуетъ народы, мало на нихъ дѣйствовала. Религія не срослась тогда тѣсно съ законами, съ жизнью. Монахи, Наспоятели, даже Миспрополишы были схимники, удалившіеся въ свои кельи и закрывшіе глаза для міра; молившіеся за всѣхъ, но не знавшіе, какъ схватить съ помощью своего сильнаго оружія, Вѣры, власть надъ народомъ и возжечь этой Вѣрой пламень и ревность до энтузіазма, копорый одинъ способенъ соединить младенчающуюся народы

и наспроишь ихъ къ великому. Здѣсь была совершенная противоположность Западу, гдѣ самодержавный Папа, какъ будио невидимую наушиною опушалъ всю Европу своею религіозною властью, гдѣ его могущественное слово прекращало брань, или возжигало ее, гдѣ угроза спрашнаго проклятія обуздывала спраспи и полудикіе народы. Здѣсь монашпыри были убѣжищемъ шѣхъ людей, кошорые кропосью и незлобіемъ сосшавляли исключеніе изъ общаго характера и вѣка. Изрѣдка Паспыри изъ пещеръ и монашпырей увѣщали Удѣльныхъ Князей; но ихъ увѣщанія были напрасны: Князья умѣли шолько поспишья и спроишь церкви, думая, что исполняютъ эшимъ всѣ обязанности Христіанской Религіи, а не умѣли счишашъ ее закономъ и покоряшья ея велѣніямъ. Самыя ничшожныя причины раждали между ими безконечныя войны. Эшо были не споры Королей съ Вассалами, или Вассаловъ съ Вассалами: — нѣшъ! эшо были брани между родспвенниками, между родными брашьями, между ошцемъ и дѣшьями. Не ненависть, не сильная спраспь воздымала ихъ: — нѣшъ! брашъ браша рѣзалъ за клочекъ земли, или проспо, чтобы показашъ

удальство. Примѣръ ужасный для народа! Родство рушилось, пошому что жили двухъ сосѣднихъ Удѣловъ, родшвенники между собою, гошovy были каждую минушу возезнашь другъ прошивъ друга съ яростью волковъ. Ихъ не подвигала на это насвѣдшвенная вражда, пошому что кшо былъ сегодня другъ, пошъ завтра дѣлался непріятелемъ. Народъ пріобрѣлъ хладнокровное звѣрство, пошому что онъ рѣзалъ, самъ не зная за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство, ни Фанашизмъ, ни суевѣріе, ни даже предрасудокъ. Опъ того казалось умеря въ немъ почти всѣ человѣческія сильныя благородныя спрасши, и если бы явился какой нибудь Геній, который бы захопѣлъ тогда съ эшимъ народомъ совершитъ великое, онъ бы не нашелъ въ немъ ни одной струны, за которую бы могъ ухватиться и попрысши безчувственной соспавъ его, выключая развѣ Физической, желѣзной силы. Тогда Исторія, казалось, заспыла и превратилась въ Географію: однообразная жизнь, шевелившаяся въ часпяхъ и неподвижная въ цѣломъ, могла почешься географическою принадлежностью спраны.

II. Тогда случилось дивное происшествіе.

Изъ Азіи, изъ середины ея, изъ степей, выбросившихъ сколько народовъ въ Европу, поднялся самый страшный, самый многочисленный, совершившій сколько завоеваній, сколько до него не производилъ никто. Ужасные Монголы, съ многочисленными, никогда дошолъ не виданными Европою шабунами, кочевыми кибитками, хлынули на Россію, освѣтивши пущь свой пламенемъ и пожарами — прямо Азіатскимъ буйнымъ наслажденіемъ. Это нашествіе наложило на Россію двухъ-вѣковое рабство и скрыло ее отъ Европы. Было ли оно спасеніемъ для нее, сберегши ее для независимости, пошому что Удельные Князья не сохранили бы ее отъ Литовскихъ завоевателей, или оно было наказаніемъ за шь непрерывныя брани: какъ бы шо ни было, но это страшное событіе произвело великія слѣдствія: оно наложило иго на сѣверныя и среднія Русскія Княженія, но дало между шьмъ происхожденіе новому Славянскому поколѣнію въ Южной Россіи, котораго вся жизнь была борьба и котораго Исторію я взялся представить.

III. Южная Россія болѣе всего поспрадала отъ Татаръ. Выжженные города и степи, обгорѣлые лѣса, древній, разрушенный Кіевъ,

безлюдье и пущыня — вопшь чшо представляла эта несчастная спрана! Испуганные жипели разбѣжались или въ Польшу, или въ Липву; множество Бояръ и Князей выѣхало въ Сѣверную Россію. Еще прежде народонаселеніе начало замѣтно уменьшаться въ этой споронѣ. Кіевъ давно уже не былъ столицей; значительныя владѣнія были гораздо сѣвернѣе. Народъ, какъ бы понимая самъ свою ничтожность, оставлялъ шѣ мѣста, гдѣ разнообразная Природа начинаешъ становиться изобрѣпательницею; гдѣ она раскинула степи прекрасныя, вольныя, съ безчисленнымъ множествомъ шравъ почвы гигантскаго роста, часто неожиданно среди нихъ опрокинула косогоръ, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рышвину всю въ цвѣпахъ и по всѣмъ вьющимся лешамъ рѣкъ разбросала очаровательныя виды, пропшнула во всю длину Днѣпръ съ ненасытными порогами, съ величественными гористыми берегами и неизмѣримыми лугами, и все это согрѣла умѣреннымъ дыханіемъ Юга. Онъ оставлялъ эти мѣста и сползался въ шой части Россіи, гдѣ мѣстоположеніе, однообразно-гладкое и ровное, вездѣ почвы болошисное, испыканное печаль-

ными елками и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движенья, но какое-то прозябаніе, поражающее душу мыслящаго. — Какъ будто бы эшимъ подтвердилось правило, что только народъ сильный жизнью и характеромъ ищетъ мощныхъ мѣстоположеній или что только смѣлая и поразительная мѣстоположенія образуютъ смѣлый, предприимчивый, характерный народъ.

IV. Когда первый страхъ прошелъ, тогда мало по малу выходцы изъ Польши, Липвы, Россіи начали селиться въ этой землѣ, насплощей опчизнѣ Славянъ, землѣ древнихъ Полянъ, Сѣверянъ, чистыхъ Славянскихъ племенъ, копорыя въ Великой Россіи начинали уже смѣшиваться съ народами Финскими, но здѣсь сохранялись въ прежней чѣстности со всеми языческими повѣрьями, дѣтскими предрасудками, пѣснями, сказками, Славянской Мифологіей, такъ prospодупно у нихъ смѣшавшейся съ Христіанствомъ. Возвращавшіеся на свои мѣста прежніе жители привели по слѣдамъ своимъ и выходцевъ изъ другихъ земель, съ копорыми опъ долговременнаго пребыванія составили связи. Это население производилось боязненно и робко, потому что ужасный кочевой народъ

былъ не за горами: ихъ раздѣляли, или лучше сказать, соединяли однѣ степи. Не смотря на пестроту населенія, здѣсь не было нѣхъ браней междоусобныхъ, копорья не пересѣвали во глубинѣ Россіи: опасность со всѣхъ сторонъ не давала возможности заняться ими. Кіевъ — древняя мать городовъ Русскихъ — сильно разрушенный спрашными обладашелями пабуновъ, долго оставался бѣденъ и едва ли могъ сравниться со многими, даже не слишкомъ значительными городами Сѣверной Россіи. Всѣ оставили его, даже Монахи-Лѣтописцы, для копорыхъ онъ всегда былъ священъ. Извѣстія о немъ разомъ прервались, и не смотря на то, что нѣмъ оставалась еще опрасть Князей Русскихъ, ничто не спасло его отъ полувѣковаго забвенія. Изрѣдка только, какъ будто сквозь сонъ, говорятъ Лѣтописцы, что онъ былъ спрашно разоренъ, что въ немъ были Ханскіе Баскаки, — и потомъ онъ отъ нихъ задернулся, какъ бы непроницаемою завѣсою.

V. Между нѣмъ какъ Россія была повергнута Ташарами въ бездѣйствіе и оцепененіе, великій язычникъ Гедининъ вывелъ на сцену тогдашней Исторіи новый народъ, на-

родъ бѣдный и жизнью и средствами для жизни, населявшій дикіе сосновые лѣса нынѣшней Бѣлоруссіи, еще носившій звѣриную кожу вмѣсто одежды, еще боготворившій Перуна и поклонявшійся древнему огню въ нешроганныхъ шопоромъ рощахъ, плашившій прежде дань Русскимъ Князьямъ, извѣстный подъ именемъ Липовцевъ. И эякогъ народъ при своемъ Князѣ Гедиминѣ сдѣлался самымъ виднымъ на огромномъ Сѣверовостокѣ Европы! Тогда города, Княжества и народы на Западѣ Россіи были какіе-то опривки, обрѣзки, оставшіеся за гранью Татарскаго порабощенія. Они не сознавали ничего цѣлаго, и пошому Липовскій завоеватель пошн однимъ движеніемъ лзыкаскихъ войскъ своихъ, совершенно созданныхъ имъ, подвергъ своей власши весь промежушокъ между Польшей и Татарской Россіей. Попомъ двинулъ опъ войска свои на Югъ, во владѣнія Волынскихъ Князей. Весьма еспешвенно, что успѣхъ сопровождалъ его вездѣ. Въ Луцкѣ однакожъ Князь Левъ сильно сопрошивался, но не въ силахъ былъ опшпоять земель своихъ. Гедиминъ, назначивъ Спаросиъ и начальниковъ, щелъ далѣе на Югъ, къ самому сердцу Южной Россіи, къ Киеву. Убѣжавшій

Лудкій Князь Левъ успѣлъ кое-какъ уговорить Кіевскаго Князя Спанислава выйти съ своими немногочисленными дружинами на встрѣчу грозному побѣдителю: дружины бы бы усилены союзниками Ташарами; но все бѣжало передъ мощнымъ Лишовцемъ. Гедиминъ, сильно поразивъ ихъ, при рвкѣ Ирпени, вспушилъ съ дюржесшвомъ въ Кіевъ, носившій на себѣ свѣжую печать Ташарскаго посвященія, и поспановилъ въ немъ правителемъ Князя Миндова Ольшанскаго, принявшаго Греческую Вѣру. И такъ Лишовскій завоеватель у самыхъ Ташаръ вырвалъ почти передъ глазами ихъ находившуюся землю! Это должно бы, казалось, возбуждиль борьбу между двумя народами, но Гедиминъ былъ человекъ ума крѣпкаго, былъ Полишикъ, не смотря на видимую свою дикость и свое невѣжесшвенное время. Онъ умѣлъ сохранить дружбу съ Ташарами, владѣя опятавшими у нихъ землями и не плащ никакой дани. Это былъ дикій Полишикъ, не знавшій письма и поклаившійся языческому богу, ни у одного изъ покоренныхъ имъ народовъ не измѣнилъ обычаевъ и древняго правленія; все оставилъ по прежнему, подтвердилъ все привилегіи и сщарщинамъ

строга приказалъ уважать народныя права; нигдѣ даже не означилъ пуши своего опущеніемъ. Совершенная ничтожность окружавшихъ его народовъ и прямо историческихъ лицъ придають ему какой-то исполинской размѣръ. Онъ умеръ въ 1340 году; мертвый былъ посаженъ на коня съ своимъ оруженосцемъ, съ окопничьими собаками, соколами, и сожженъ по языческому обычаю Липовцевъ. Вслѣдъ за нимъ такіе же два сильные характера, Ольгердъ и Ягайло, вознесли Липву, употребляя ту же самую Полишку съ присоединенными народами.

VI. И вопль Южная Россія, подъ могущественнымъ покровительствомъ Липовскихъ Князей, совершенно отдѣлилась отъ Сѣверной. Всякая связь между ими разорвалась; сославились два Государства, называвшіяся одинакимъ именемъ — Русью. Одно подъ Татарскимъ игомъ, другое подъ однимъ скипетромъ съ Липовцами. Но уже сношеній между ими не было. Другіе законы, другіе обычаи, другая цѣль, другія связи, другіе подвиги сославили на время два совершенно различные характера. Какимъ образомъ это произошло, сославление цѣль нашей Исторіи. Но прежде всего нужно

бросишь взглядъ на географическое положеніе этой страны: что непременно должно предшествоватьъ всему, ибо опъ вида земли зависишь образъ жизни и даже характеръ народа. Многое въ Испоріи разрешаетъ Географія.

Эта земля, получившая послѣ названіе Украинны, простирающаяся на Сѣверъ не далѣе 50° Широты, болѣе ровна, нежели гориста. Небольшія возвышенности встречаются очень часто, но ни одной гористой цѣпи. Сѣверная ея часть перемежается лѣсами, содержащими прежде въ себѣ цѣлыя стаи медвѣдей и дикихъ кабановъ; южная вся опкрыта, вся изъ сщепей, кипѣвшихъ плодородіемъ, но только изрѣдка засѣвавшихся хлѣбомъ. Дѣвственная и могучая почва ихъ своевольно произращала безчисленное множество травъ. Эти сщепи кипѣли стадами сайгъ, оленей и дикихъ лошадей, бродившихъ стабунами. Съ Сѣвера на Югъ проходитъ великій Днѣпръ, опушанный вѣтвями впадающихъ въ него рѣкъ. Правой берегъ его гористъ и представляетъ цѣлистые и вмѣстѣ дерзкія мѣстоположенія; лѣвый весь изъ луговъ, покрытыхъ рощами, попоплавцими водою. Дѣвнадцать

пороговъ — выросшихъ изъ дна рѣки скалъ, не далеко отъ впаденія его въ море, преграждающъ печеніе и дѣлающъ плаваніе по немъ чрезвычайно опаснымъ. Около пороговъ водился родъ дикихъ козъ *Сугакъ*, съ бѣлыми, лоснящимися рогами, съ мягкою, пласною шерстью. Прежде воды въ Днѣпръ были выше, разливался онъ шире и далѣе пощоплялъ луга свои. Когда воды начинаютъ опадать, тогда видъ поразительнъ: всѣ возвышенности выходятъ и кажутся безчисленными зелеными островами среди необозримаго океана воды. Въ Днѣпръ впадаетъ только одна судоходная рѣка, Десна, проходящая въ Сѣверной Украинѣ, съ лѣвнѣйшими берегами, почти съ обѣихъ сторонъ пощопляемыми водою; но и эта рѣка только въ вѣкошорыхъ мѣстахъ судоходна. Кромѣ того на Сѣверѣ Осперъ и часпъ Сейма, на Югѣ Сула, Пселъ, съ цѣнью видовъ, Хороль и другія; но ни одна изъ нихъ не судоходна. Сообщенія никакого нѣтъ; произведенія не могли взаимно размѣниваться — и пощому здѣсь не могъ и возникнуть торговый народъ. Всѣ рѣки развѣтвляющъся по серединѣ; ни одна изъ нихъ не протекла на рубежѣ и не служила еспешивен-

ною гранью съ сосѣдственными народами. Къ Сѣверу ли съ Россіей, къ Воспоку ли съ Кипчакскими Ташарами, къ Югу ли съ Крымскими, къ Западу ли съ Польшей — вездѣ она граничила полемъ, вездѣ равнина, со всѣхъ сторонъ открытое мѣсто. Будь хотя съ одной стороны естественная граница изъ горъ или моря — и народъ, поселившійся здѣсь, удержалъ бы полишическое бытіе свое, сославилъ бы отдѣльное Государство. Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошеній и набѣговъ, мѣстомъ, гдѣ сшибались при враждующихъ націяхъ, унавожена косями, утучнена кровью. Одинъ Ташарскій набѣздъ разрушалъ весь нрудъ земледѣльца: луга и нивы были выпашываемы конями и выжигаемы, легкія жилища сносимы до основанія, обитатели разгоняемы или угоняемы въ плѣнъ вмѣстѣ съ скотомъ. Это была земля страха; и потому въ ней могъ образоваться только народъ воинственный, сильный своимъ соединеніемъ, народъ ошчаянный, кошораго вся жизнь была бы повиша и взлелеяна войною. И вошь выходцы вольные и невольные, бездомные, швъ, кошорымъ нечего было шепрять, кошорымъ жизнь + копейка, кошо-

рыхъ буйная воля не могла пертътъ законовъ и власпи, копорымъ вездъ грозила вистълица, расположились и выбрали самое опасное мѣсто въ виду Азіатскихъ завоевателей — Татарь и Турковъ. Эта толпа, разросшись и увеличившись, соспавила цѣлый народъ, набросившій свой характеръ и, можно сказать, коморитъ на всю Украину, сдѣлавшій чудо — превратившій мирныя Славянскія поколѣнія въ воинспвенныя; пзвѣспный подъ именемъ Казаковъ, народъ, соспавляющій одно изъ замѣчательныхъ явленій Европейской Испоріи, копорое, можетъ бытъ, одно сдержало это онупощительное различіе двухъ Магометанскихъ народовъ, грозившихъ поглотишь Европу.

VII. Если не къ концу XIII, то къ началу XIV вѣка можно опнеспи подвѣленіе Казачества, къ шѣмъ вѣкамъ, когда свѣтлая, сильная ревность къ Религій еще не остыла въ Европѣ, когда почти вдругъ во всѣхъ концахъ безпреспанно образовывались Брапствва и Ордена Рыцарскіе, соспавлявшие странную пропивошожность съ шогдашнимъ разъединеніемъ и съ изумительнымъ самоливерженіемъ разрушившіе и окверг-

нущіе условія обыкновенной жизни, безбрачныя, суровыя, неопразимыя, соглядатаи дѣтъ міра, желѣзные поборники Вѣры Христовой. Чѣмъ слабѣе была связь погдашнихъ Государствъ, тѣмъ сильнѣе росла ужасная сила эпитихъ Обществъ. Различіе Могометанства и Магометанскихъ новыхъ сильныхъ народовъ, уже врывавшихся въ Европу, увеличивало ихъ еще болѣе. Духъ эпитихъ Брашствъ распространился вездѣ и не между Рыцарями и не для подобныхъ предназначеній. Въ это время явился близъ пороговъ городокъ или оспрогъ Черкасы, построенный удалыми выходцами, имя котораго звучитъ общинашелями Кавказа, котораго даже построеніе многіе приписываютъ имъ и гдѣ было главное сборище и мѣстопребываніе Казаковъ. Въ началѣ частыя нападенія Тапаръ на сѣверную часть Украины заставляли жителей спасаться бѣгствомъ, приспавать къ Казакамъ и увеличивать ихъ общество. Это было неспроее сборище самыхъ опчаянныхъ людей пограничныхъ націй. Дикій Горецъ, ограбленный Россіянинъ, убѣжавшій отъ деспотизма Пановъ Польскій холопъ, даже бѣглець Исламизма Тапаринъ, можешь

быть, положили первое начало этому спрранному обществу по шу сторону Днѣпра, въ послѣдствіи постановившему цѣлью, подобно Орденскимъ Рыцарямъ, вѣчную войну съ Невѣрными. Это скопище людей не имѣло никакихъ укрѣпленій, ни одного замка. Землянки, пещеры и шайники въ Днѣпровскихъ упесахъ, часпо подь водою, на Днѣпровскихъ оспровахъ, въ гущѣ спешной травы, служили имъ уккрышіемъ для себя и для награбленньхъ богапшшвъ. Гнѣздо эшихъ хищниковъ было невидимо; они налешали внезапно и, схвапивиши добычу, возвращались назадъ. Они поворопили прошивъ Ташаръ ихъ же образъ войны, шъ же Азіатскіе набѣги. Какъ жизнь ихъ опредѣлена была на вѣчный спрахъ, шакъ шочно съ своей спороны они рѣшились бышь спрахомъ для сосѣдей. Ташары и Турки должны были всякой часъ ожидать эшихъ неумолимыхъ обипашелей пороговъ. Магомспанскій сосѣдъ не зналъ, какъ назвапъ эшопъ ненависпный народъ. Если кто хопѣлъ къ кому выразишь величайшее презрѣніе, то называлъ его Казакомъ.

VIII. Большая часть этого общества состояла однакожь изъ первобыпньхъ, ко-

ренныхъ обитателей Южной Россіи. Доказательство въ языкѣ, который, не смотря на принятіе множества Татарскихъ и Польскихъ словъ, имѣлъ всегда число Славянскую южную физиономію, приближавшую его къ тогдашнему Русскому, и въ Вѣрь, которая всегда была Греческая. Всякой имѣлъ полную волю приспавать къ этому обществу, но онъ долженъ былъ непременно принять Греческую Религію. Это общество сохраняло всѣ тѣ черты, которыми рисуютъ шайку разбойниковъ; но, бросивши взглядъ глубже, можно было увидѣть въ немъ зародышъ полиинческаго плема, основаніе характернаго народа, уже въ началѣ имѣвшаго одну главную цѣль — воевать съ Невѣрными и сохранять чистоту Религіи своей. Это однакожь не были строгіе Рыцари Капюлическіе: они не налагали на себя никакихъ обѣщаній, никакихъ постовъ; не обуздывали себя воздержаніемъ и умерщвленіемъ плоти; были неукротимы, какъ ихъ Днѣпровскіе пороги, и въ своихъ неистовыхъ пиршестввахъ и бражничествахъ забывали весь міръ. То же тѣсное братство, которое сохраняется въ разбойничьихъ шайкахъ, связывало

ихъ между собою. Все было у нихъ общее — вино, цехины, жилища. Вѣчный страхъ, вѣчная онасность внушали имъ какое-то презрѣніе къ жизни. Казакъ больше заботился о доброй мѣрѣ вина, нежели о своей участи. Но въ нападеніяхъ видна была вся гибкость, вся смѣливость ума, все умѣнье пользоваться обстоятельствомъ. Нужно было видѣть этого обитателя пароговъ въ полумашарскомъ, полупольскомъ костюмѣ, на кошоромъ шакъ рѣзко оппечашалась пограничность земли, Азіатски мчавшагося на конѣ, пропадавшаго въ густой травѣ, бросающагося съ быспрошою шигра изъ непримѣтныхъ пайниковъ своихъ, или вытѣзавшаго внезапно изъ рѣки или болопа, обвѣшаннаго шиною и грязью, казавшагося спрашилищемъ бѣгущему Ташарину. Эпощъ же самой Казакъ послѣ набѣга, когда гулялъ и бражничалъ съ своими шоварищами, сорилъ и разбрасывалъ награбленныя сокровища, былъ безсмысленно пьянъ и беспеченъ до новаго набѣга, если только не предупреждали ихъ Ташары, не разгощали ихъ пьяныхъ и беспечныхъ и не разрывали до основанія городка ихъ, коццо-

рый, какъ будто чудомъ, спроился вновь, и опустошительный ужасный набѣгъ былъ опмщеніемъ. Послѣ чего снова ша же безпечность, ша же разгульная жизнь.

IX. Казалось, существованіе этого народа было вѣчно. Онъ никогда не уменьшался: выбывшіе, убитые, попонувшіе замѣнялись новыми. Такая разгульная жизнь приманивала всякаго. Тогда было шо поэтическое время, когда все добывалось саблею; когда каждый въ свою очередь спремился бытъ дѣйствующимъ лицомъ, а не зритель-лемъ. Это скопленіе мало по малу получило совершенно одинъ общій характеръ и національность, и чѣмъ ближе къ концу XV вѣка, тѣмъ болѣе увеличивалось приходящими вновь. Наконецъ цѣлыя деревни и села начали поселяться съ домами и семействами около этого грознаго оплоша, чтобы пользоваться его защитой, съ условіемъ за шо нѣкопрыхъ повинностей. И такимъ образомъ мѣста около Кіева начали пущаться, а между тѣмъ по шу сторону Днѣпра люднѣли. Семейные и женашье мало по малу опъ обращенія и сношенія съ ними получали потъ же воинственннй характеръ. Сабля и плугъ сдружились между

собою и были у всякаго селянина. Между пѣмъ разгульные холоспяки вмѣстѣ съ червонцами, цехинами и лошадьми спали похищашь Ташарскихъ женъ и дочерей и женишья на нихъ. Опъ этого смѣшенія черпы лица ихъ, въ началѣ разнохарактерныя получили одну общую физиогномію, болѣе Азіатскую. И вопъ соспавился народъ, по Въръ и мѣспу жипельспва принадлежавшій Европъ, но между пѣмъ по образу жизни, обычаямъ, костюму совершенно Азіатскій, народъ, въ копоромъ шакъ спранно сполкнулись двѣ прошивоположныя Часпи Свѣпа, двѣ разнохарактерныя спихіи: Европейская оспорожность и Азіатская безпечность, просподушіе и хипроспъ, сильная дьяшельность и величайшая лѣнь и нѣга, спремленіе къ развипію и усовершенспвованію—и между пѣмъ желаніе казашья пре небрегающимъ всякое усовершенспвованіе.

0

U Y M K U U U.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О

ПУШКИНѢ.

=

При имени Пушкина шопчасъ осплелтъ мысль о Русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэповъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назвашься національнымъ; это право рѣшишельно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ

лексиконъ заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показал все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное; и можетъ быть единственное явленіе Русскаго духа: Это русской человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ можетъ быть явился чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русской языкъ, русской характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла.

Самая его жизнь, совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому иногда позабывшись спремился Русской и которое всегда нравилось свѣжей русской молодежи, отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ. — Судьба какъ нарочно забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются резкою, величавою характерностью; гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи перерывается подъблочными горами и обвѣивается югомъ. исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ среди знойныхъ до-

линъ, поразилъ его; онъ можно сказать вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, копорыя еще шягошѣли на свободныхъ мысляхъ. Его плѣнила вольная поэтическая жизнь дерзкихъ горцевъ, ихъ схвашки, ихъ быспрые, неопразимые набѣги; и съ энихъ поръ кисть его приобрѣла шопъ широкій размахъ, шу быспрошу и смѣлосшь, копорая шакъ дивила и поражала шолько чшо начинавшую чипашъ Россію. Рисуешъ ли онъ боевую схвашку Чеченца съ Казакомъ — слогъ его молнія; онъ шакъ же блестящъ, какъ сверкающія сабли, и дешшъ быспрые самой бипвы. Онъ одинъ шолько пѣвецъ Кавказа: онъ влюбленъ въ него всего душою и чувспвами; онъ проникнушъ и напишанъ его чудными окресниоспиями, Южнымъ Небомъ, долинами прекрасной Грузіи и великолѣпными Крымскими ночами и садами. Можешъ бышъ онъ шого и въ своихъ швореніяхъ онъ жарче и пла, менше шамъ, гдѣ душа его коснулася Юга. На нихъ онъ невольно означилъ всю силу свою и ошъ шого произведенія его написанные Кавказомъ, волею Черкесской жизни и ночами кыма имѣли чудную магическую силу: имъ изумлялись даже шѣ, копорые

неимѣли сколько вкуса и развитія душевныхъ способностей чтобы быть въ силахъ понимать его. Смѣлое болѣе всего доступно, сильнѣе и просторнѣе раздвигаетъ душу а особливо юности, которая вся еще жаждетъ одного необыкновеннаго. Ни одинъ поэтъ въ Россіи не имѣлъ такой завидной участи, какъ Пушкинъ. Ничья слава не распространялась такъ быстро. Всѣ къ спашу и не къ спашу считали обязанностію проговорить а иногда исковеркать какіе нибудь ярко сверкающіе опрыски его поэмъ. Его имя уже имѣло въ себѣ что-то электрическое и спало только кому нибудь изъ досужихъ марашелей выпавши его на своемъ швореніи, уже оно расходилось повсюду. (*)

Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ націоналенъ, потому что истинная націо-

(*) Подъ именемъ Пушкина разсѣвалось множество самыхъ нелѣпыхъ стиховъ. Это обыкновенная участь таланта, пользующагося сильною извѣстностью. — Это въ началѣ смѣшить, но послѣ бываетъ досадно, когда наконецъ выходишь изъ молодости и видишь эти глупости неприкращающимися. Такимъ образомъ начали наконецъ Пушкину приписывать: Лѣкарство отъ холеры, Первую ночь и тому подобныя.

нальность соспоишь не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можешь бышь и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно споронній міръ, но глядишь на него глазами своей національной спихіи, глазами всего народа, когда чувствуюешь и говоришь пакъ, что соощечспвенникамъ его кажешся будпо эшо чувспвуюють и говоряшь они сами. Если должно сказашь, о пѣхъ dospoинспвахъ, копорые соспавляютъ принадлежность Пушкина, опличающую его опъ другихъ поэшовъ, шо они заключающся въ чрезвычайной быспропѣ описанія и въ необыкновенномъ искусствѣ не многими черпами означить весь предметъ. Его эпипешъ пакъ опщечспшь и смѣль, что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кпспъ его летаетъ. Его небольшая піеса всегда спoишь цѣлой поэмы. Врядъ или о комъ изъ поэшовъ можно сказашь, чтообы у него въ корoпипькой піесѣ вмѣщалось спoлькo величія, проспoпы и силы, сколько у Пушкина.

Но послѣднія его поэмы, писанныя имъ въ шо время, когда Кавказъ скрылся опъ него со всѣмъ своимъ грознымъ величіемъ и дер-

жавно - возносящеюся изъ за облакъ вершиною, и онъ погрузился въ сердце Россіи, въ ея обыкновенныя равнины, предался глубже изслѣдованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захопѣлъ бышь вполне національнымъ поэтомъ, — его поэмы уже не всѣхъ поразили шою яркостью и ослѣпительной смѣлостью, какими дышетъ у него все, гдѣ ни являющся Эльбрусъ, Горцы, Крымъ и Грузія.

Явленіе это кажется не шакъ шрудно разръшишь: Будучи пораженъ смѣлостью его кисти и волшебствомъ кисти, всѣ чинашели его образованные и необразованные шребовали на перерывъ, чшобы опечесшвенныя и историческія произшествія сдѣлались предметомъ его поэзіи, позабывая чшо не лзя шѣми же красками, копорыми рисующся горы Кавказа и его вольные обинашели изобразить болѣе спокойный и гораздо менѣ исполненный спрасшей бышь Русской. Масса публики, предспавляющая въ лицѣ своемъ націю очень спранна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: изобрази насъ шакъ какъ мы ешь, въ совершенной истиннѣ, предспавь дѣла нашихъ предковъ въ шакомъ видѣ, какъ они были.

Но попробуй поэшь послушный ея веленію изобразишь все въ совершенной истиннѣ и такъ какъ было, она пошчасъ заговоришь: эшо вяло, эшо слабо. эшо не хорошо, эшо ни мало не похоже на шо, чшо было. Масса народа похожа въ эшомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя поршреть совершенно похожій, но горе ему ешшли онъ не умѣлъ скрышь всѣхъ ея недосшатковъ. Русская Исторія шолько со времени послѣдняго ея направленія при Императорахъ пріобрѣтаешъ яркую живосшь; до шого, характеръ народа большею часшію былъ безцвѣшенъ; разнообразіе шрасшей ему мало было извѣшно. Поэшь не виновашъ; но и въ народѣ поже весьма извинительное чувствво придашь большій размѣръ дѣламъ своихъ предковъ. Поэшу ошавалось два средшва: или нашнянущь сколько можно выше свой слогъ, дашь силу безсильному. говоришь съ жаромъ о шомъ, чшо само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара, шогда шолпа почишашелей, шолпа народа на его шпорошъ а вмѣшъ съ нимъ и деньги; или бышь вѣрну одной истиннѣ, бышь высокимъ шамъ, гдѣ высокъ предметъ, бышь рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно

рѣзкое и смѣлое бышь спокойнымъ и шихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе. Но въ эпомъ случаѣ прощай полпа! её не будетъ у него, развѣ когда самый предметъ, изображаемый имъ, уже шакъ великъ и рѣзокъ, что не можетъ не произвешъ всеобщаго энтузіазма. Перваго средства не избралъ поэтъ, пошому что хотѣлъ оспахъся поэмомъ и пошому, что у всякаго, кшо шолько чувствуетъ въ себѣ искру свяшаго призванія, еспъ понкая разборчивость, не позволяющая ему выказывашъ свой талантъ шакимъ средствомъ. Никшо не спанетъ споритъ что дикій Горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный какъ воля, самъ себѣ и судія и господинъ, гораздо ярче какого нибудь засѣдателя и не смотря на то, что онъ зарызалъ своего врага припаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однакоже онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ испершомъ фракѣ запачканномъ шабакомъ, копорый невиннымъ образомъ посредствомъ справокъ и выправокъ пустилъ по міру множешво всякаго рода крѣпосшныхъ и свободныхъ душъ. — Но шотъ и другой они оба явленія принадлежащія къ нашему міру:

они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хопя по еспешивенной причинѣ по чпо мы рѣже видимъ всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочеть необыкновенному обыкновенное еспь больше ничего кромѣ не расчешъ поэта; нерасчешъ передъ его многочисленною публикою, а не передъ собою. Онъ ни чупь не перяетъ своего достоинства, даже можетъ быть еще болѣе пріобрѣшаетъ его, но шолько въ глазахъ не многихъ испинныхъ цѣнителей. Мнѣ пришло на память одно происшествіе изъ моего дѣтства: Я всегда чувспвовалъ маленькую спраснь къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ кошораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знапоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ взглянувши на картину покачалъ головою и сказалъ: хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на кошоромъ бы и листья были свѣжіе, хорошо распущее, а не сухое. Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудроснь: знашь чпо нравится и чпо не

наравился полкъ. Сочиненія Пушкина гдѣ дышесть у него Русская природа, также пики и безпорывны какъ Русская природа. Ихъ только можесть совершенно понимасть поэтъ, чья душа носить въ себѣ число Русскіе элемены, кому Россія родина, чья душа шакъ нѣжно организована и развилась въ чувствахъ, что способна понять не блестящія съ виду Русскія пѣсни и Русскій духъ. Поэтому что чемъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно бысть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочимъ совершенная истина. По справедливости ли оцѣнены послѣднія его Поэмы? Опредѣлилъ, ли понялъ ли кто Бориса Годунова, это высокое, глубокое произведение заключенное во внутренній неприспущной Поэзіи, опвергнувшее всякое грубое пещрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа?—по крайній мѣрѣ печально нигдѣ произнеслась имъ вѣрная оцѣнка и ни оспались до нынѣ не проноушы.

Въ мелкихъ своихъ сочиненіяхъ — этой прелестной антологіи, Пушкинъ разноспоренъ необыкновенно и являесть еще обширнѣе, виднѣе, нежели въ поэмахъ. Нѣкошо-

рые изъ эсихъ мелкихъ сочиненій такъ рѣзко - ослѣпительны чшо ихъ способень понимаешь всякой, но за то большая часть изъ нихъ и припомъ самыхъ лучшихъ кажешся обыкновенною для многочисленной толпы. Чшобы бышь доступну понимаешь ихъ нужно имѣшь слишкомъ шонкое обоняніе. Нужень вкусъ выше шого, кошорый можешъ понимаешь шолько однѣ слишкомъ рѣзкія и крупныя чершы. Для эшаго нужно бышь въ нѣкошоромъ опношеніи сибаришомъ, кошорый уже давно присышился грубыми и шяжелыми яспвами, кошорый еспъ пшичку не болѣе наперсшка и ушаждаешся шакимъ блюдомъ, кошораго вкусъ кажешся совсѣмъ неопредѣленнымъ, спраннымъ, безъ всякой пріятноспи привыкшему глошашъ издѣлія крѣпосшнаго повара Эшо собраніе его мягкихъ спихошвореній — рядъсамыхъ ослѣпительныхъ каршинъ. Эшо пошъ ясный міръ, кошорый такъ дышешъ чершами знакомыми однимъ древнимъ, въ кошоромъ природа выражаешся шакже живо, какъ въ спруѣ какой нибудь серебрянной рѣки, въ кошоромъ быспро и ярко мелькаюшъ ослѣпительныя плечи, или бѣлыя руки, или алебасшровая шея, обсыпанная ночью шемныхъ кудрей,

или прозрачныя гроздія винограда, или мир-
шы и древесная стѣнь, созданныя для жизни.
Тупѣ все: и наслажденіе и проспоба и
мгновенная высокоспѣ мысли, вдругъ объ-
емлющая священнымъ холодомъ вдохно-
венія чипашеля. Здѣсь нѣспѣ этого ка-
скада краснорѣчія, увлекающаго полько
многословіемъ, въ которомъ каждая фраза
попому полько сильна, что соединяется
съ другими, и оглушаетъ паденіемъ всей
массы, но еспли опдѣлится ея, она спано-
вится слабою и безсильною. Здѣсь нѣспѣ
краснорѣчія, здѣсь одна поэзія; никакого
наружнаго блеска, все просто, все прилично.
все исполнено внутренняго блеска, копо-
рый раскрывается невдругъ; все лаконизмъ
какимъ всегда бываетъ чиспая поэзія. Словъ
не много, но они шакъ почны, что обозна-
чаютъ все. Въ каждомъ словѣ бездна про-
спранства; каждое слово необьяпно, какъ
поэспѣ. Опсюда происходитъ то, что эпи-
мѣлкіе сочиненія перечипываетъ нѣсколько
разъ, тогда какъ достоинства этого
не имѣетъ сочиненіе, въ которомъ слиш-
комъ просвѣчиваетъ одна главная идея.

Мнѣ всегда было спранно слышатъ суж-
денія объ нихъ многихъ, слывающихъ знапо-

ками и липперапорамн, копорымъ я болѣе доврѣялъ покамѣсь еще не слышалъ ихъ полковъ объ этомъ предмѣшъ. Эпи мелкія сочиненія можно назвашъ пробнымъ камнемъ да копоромъ можно испышывашъ вкусъ и ещепиическое чувспво разбирающаго ихъ крипника. Непоснижимое дѣло! казалось какъ бы пмъ, не бышь доступными всѣмъ! Они такъ прорпо-возвышенны, такъ ярки, такъ пламенны, такъ сладоспрасшны и вмѣспъ такъ дѣшски чисны. Какъ бы не понимашь ихъ! Но увы! это неопразимая истина: что чемъ болѣе поэшъ спановишся поэшомъ, чемъ болѣе изображаешъ онъ чувспва знакомые поэшамъ, тѣмъ замѣшнѣй уменьшаешся кругъ обшупнившей его толпы и наконецъ шакъ спановишся шѣсенъ, что онъ можешъ перечешъ по пальцамъ всѣхъ своихъ испинныхъ цѣнишелей.

ОБЪ АРХИТЕКТУРѢ.

★

ОБЪ АРХИТЕКТУРЪ

НЫНЪШНЯГО ВРЕМЕНИ.

=

Мнѣ всегда становился грустно, когда я гляжу на новыя зданія, непрерывно строящіяся, на кошорыя брошены миліоны, и изъ кошорыхъ рѣдкіе оспанавливають изумленный глазъ величеспвомъ рисунка, или своевольною дерзостью во-

ображенія, или даже роскошью и ослѣпительною пестрою украшеній. Невольно вспѣсняется мысль: неужели прошелъ невозвратимо вѣкъ архипекшуры? Неужели величіе и геніальность больше не поспѣяшъ насъ, или они принадлежность народовъ юныхъ, полныхъ одного энтузіазма и энергіи и чуждыхъ усыпляющей безспасной образованности? Опъ чего же шъ народы, передъ копорыми мы шакъ самодовольно гордимся, копорымъ едва даемъ мѣсто въ исторіи міра, опъ чего же они шакъ возвышающся передъ нами созданіями своего шемнаго, неосвѣщеннаго дробью познаній, ума? Опъ чего же колосальные памяшники Индусовъ шакъ величавы и неизмѣримы, опъ чего Аравійскіе шакъ роскошны и очаровательны? опъ чего у насъ въ Европѣ въ средніе вѣка шакъ много воздвиглось ихъ въ изумительномъ величіи?

Нехотѣлось бы убѣдиться въ этой грустной мысли, но все говоритъ что она истинна. Они прошли, шъ вѣка, когда вѣра, пламенная, жаркая вѣра успремляла всѣ мысли, всѣ умы, всѣ дѣйствія къ одному, когда художникъ выше и выше спремился вознести созданіе свое къ небу, къ

нему одному рвался и предъ нимъ, почти въ виду его, благоговѣнно подымалъ молящуюся свою руку. Зданіе его лептло къ небу; узкія окна, столпы, своды шпанулись нескончаемо въ вышину; прозрачный, почти кружевной шпигъ, какъ дымъ сквозилъ надъ ними и величественный храмъ, шакъ бывалъ великъ, какъ велики пребыванія души нашей передъ пребываніями шѣла.

Была архипектура необыкновенная, Христіанская, національная для Европы — и мы ее оставили; забыли: какъ будто чужую, пренебрегли какъ неуклюжую и варварскую. Не удивительншли что при вѣка прошекло и Европа, копорая жадно бросалась на все, алчно перенимала все чужое, удивлялась чудесамъ древнимъ, Римскимъ и Византійскимъ, или уродовала ихъ по своимъ формамъ, Европа незнала что среди ея находяшся чуда, передъ копорыми было ни что все ею видѣнное, что въ нѣдрѣ ея находяшся Миланскій и Кельнскій Соборы и еще до нынѣ чернѣющъ кирпичи недоконченной башни Спразбургскаго Мюнстера.

Готическая архипектура, ша Готиче-

ская архитектура, которая образовалась предъ окончаніемъ среднихъ вѣковъ есть явленіе такое, какого еще никогда не производилъ вкусъ и воображеніе чловѣка. Ее напрасно производяшъ опъ Арабской: идеи энихъ двухъ родовъ совершенно расходяся: изъ Арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массѣ зданія, роскошь украшеній и легкость; но самая эта роскошь украшеній вылилась у ней совершенно въ другую форму. — Она обширна и возвышенна какъ Христіанство. Въ ней все соединено вмѣстѣ: эпошъ спройной и высоко возносящійся надъ головою лѣсъ сводовъ, окна огромныя, узкіе съ безчисленными измѣненіями и переплешами, присоединеніе къ эпошъ ужасающей колоссальности массы самыхъ мѣлкихъ, песнрыхъ украшеній, эпошъ легкая паушина рѣзбы, опушывающая его своею съпью, обвивающая его опъ подножія до конца шпнца и улешающая вмѣстѣ съ нимъ на Небо; величіе и вмѣстѣ красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такіе достоинства, которыхъ никогда кромѣ эпошъ времени не вмѣщала въ себя архитектура. Вспуная въ

священный мракъ эшаго храма, сквозь который фаншаспически глядишь разноцвѣтный цвѣтъ оконъ, поднявши глаза къ верху, гдѣ перяются пересѣкаясь спрѣльчашые своды одинъ надъ другимъ, одинъ надъ другимъ, и имъ конца нѣтъ — весьма естественнао оцупишь въ душѣ невольный ужасъ присудствія свящины, копорой несмѣешь и коснуться дерзновенный умъ челоуѣка.

Но она исчезла эта прекрасная Архитектура! Какъ только энтузіазмъ среднихъ вѣковъ угасъ и мысль челоуѣка раздробилась и успремилась на множество разныхъ цѣлей, какъ только единство и цѣлоспъ одного исчезло — вмѣстѣ съ нѣмъ исчезло и величіе. Силы его раздробившіе сдѣлались малыи; онъ произвелъ вдругъ во всѣхъ родахъ множество удивительныхъ вещей но испинно великаго, исполинскаго уже небыло. Византійцы убѣжавши изъ своей развращной Сполицы занятой мусульманами перепоршили вкусъ Европейцевъ и колосальную ихъ Архитектуру. Византійцы давно уже неимѣли древняго Ашическаго вкуса; они уже неимѣли и первоначальнаго Византійскаго и принесли только

испорченные оспашки его. Они языческія, круглыя, пльнителныя, сладоспращныя формы куполовъ и колонъ пщились примѣнить къ Хрисіанспву и примѣнили шакже неудачно, какъ неудачно привили Хрисіанспво къ своей языческой жизни дряхлой, лишенной свѣжести. Куполь выпянулся въ верхъ и сдѣлался почти угловатымъ, спройныя линіи, фронтонны, какъ шо спранно изломались и произвели ничтожныя формы. Въ шакомъ видѣ получили эту архитектуру Европейцы, копорые съ своей спороны измѣнили ее еще болѣе, пошому чшо въ душѣ своей еще носили первоначальный образъ Готической и мысль совершенно пропивоположную разслабленной многоспоронности Грековъ. Тогда произошли тяжелые дворцы съ колонами, полуколонами безъ всякой цѣли. Все это было робко, мѣлко. Это была не роскошь но искаженность проспощи. Множество мифологическихъ головъ и украшеній безъ смысла, облѣпивъ тяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крѣпкихъ чертъ ея нѣжными и не выразили никакой идеи. Спремленіе въ высоту, сообщавшее величіе и легкость самымъ тяже-

лыхъ массамъ исчезло; вмѣсто того они разѣхались въ ширину.

Но церкви, спроенныя въ XVII и началъ XVIII вѣка еще менѣе выражаютъ идею своего назначенія. Глядя на нихъ кажется чувствуешь поже, какъ если бы человѣкъ грубый началъ пощдѣльваться подѣ свѣтскую ушонченность. Въ нихъ прямая линія безъ всякаго условія вкуса соединялась съ выгнутою и кривою; при полугопической формѣ всей массы, они ничего не имѣють въ себѣ Гопического, окна мѣлкіе, сбишые въ кучу, или раскиданные безъ всякой гармоніи, пиляспры нешпанувшіяся во всю длину зданія, но приклеенныя иногда вверху подѣ куполомъ, иногда на серединѣ, корошенькія, не уключія, сверхъ кошорыхъ часпо находился другой эшажъ шакихъ же колонъ, маленькихъ, некрасивыхъ, крыша изъ ломанныхъ линій, при эшомъ часпо удерживался и гопической шпиць, но уже не шощъ легкой и прозрачный, кошорый подѣ рукою художника среднихъ вѣковъ принималъ шакую воздушность, но шяжелый, массивный, кошорый уже вовсе не лештъль къ Небу. Все что шолько опзывалось высокими, усшрешленными къ верху гопическими Дешай-

лями, было оставлено какъ безъ вкуса.

Хотя въ продолженіи XVIII вѣка вкусъ нѣсколько улучшился, но изъ этого не выиграли мы ровно ничего: онъ улучшился въ веригахъ чужихъ формъ. Тяжестъ готическая была справедливо изгнана совершенно, пошому что она въ Греческой формѣ была уже до не возможности безобразна. Тогда еще съ большимъ рвеніемъ спали изучающіе древнія формы, но изучали какъ робкіе ученики, копирующіе съ поспешностью мѣлочныя подробности оригинала и позабывающіе объ идеѣ цѣлаго. Брали частіи и съ необыкновеннымъ излишествомъ лѣпили въ огромную массу, показавшую еще никогда дошолъ не бывалое разъединеніе въ цѣломъ. Колонны и куполь, больше всего прельстившіе насъ, начали приспавлять къ зданію безъ всякой мысли и во всякомъ мѣстѣ: Они уже не были главною идеею спроенія а только частями, или лучше украшеніями его. Размѣръ самаго спроенія мы увеличили гораздо болѣе, а размѣръ купола въ отношеніи къ спроенію уменьшили. Мы не посмотрили въ увеличительное стекло на спроеніе, которое избрали мо-

делью ; не взглянули на него опошедши на известное разстояніе , но смотрѣли вблизи. Куполь сдѣлался ничтожнымъ , малымъ. Видя его пусыннось и одиночество на верху зданія , прибавили къ нему нѣсколько другихъ , возвысили для эшого надъ ними башни — и куполы спали походитъ на грибы. И куполь эшо лучшее прелестнѣйшее швореніе вкуса, сладоспρασный, воздушно-выпуклый, который долженъ былъ обнявшъ все строеніе и роскошно опдыхашъ на всей его массѣ бѣлою, облачною своей поверхносшью, исчезъ совершенно. Я люблю куполь, поштъ прекрасный, огромный легко-выпуклый, куполь который возродилъ роскошный вкусъ Грековъ въ Александрійскій вѣкъ и позже, въ вѣкъ наслажденный и эгоизма, вѣкъ ушонченнаго раздробленія жизни, вѣкъ Анпологиі легкой, душистой, дышащей сладоспраспиемъ, лѣнью и роскошью, когда каждый принадлежалъ себѣ, жилъ для себя а не для общешва, когда на великолѣпныхъ роскошныхъ баняхъ, вездѣ былъ видѣнъ эшоштъ смѣло выпуклый какъ небесный сводъ куполь. Ничшо не можешъ шакъ сладоспрасшно, шакъ плѣнительно украситъ Массу

домовъ какъ шакой куполь. Но для эшого онъ долженъ бытъ помѣщенъ шолько на помъ зданія, которое не измѣримо своєю шириною и какъ можно болѣе захвашываешъ проспранспва; онъ долженъ лечь на всей обширной его плашформѣ; онъ долженъ бытъ свѣплѣ самага зданія и лучше если онъ весь бѣлый. Ослѣпительная бѣлизна сообщаетъ неизъяснимую очаровашельность и полношу его легко выпукой формѣ, — онъ погда лучше, роскошнѣе и облачнѣе круглился на небѣ. И до нынѣ города Сирийскіе и Антіохійскіе имѣюшъ необыкновенную прелестъ черезъ шо, чшо удержали нѣкошорое подобіе эшихъ куполовъ; и до нынѣ на Воспокъ можно встрѣшишь ихъ въ величавомъ и огромномъ видѣ.

Поршикъ съ колонами, эшо ясное произведеніе Апшическаго спройнаго вкуса, кошорый не шерпѣлъ надъ собою ни какихъ надспроекъ у насъ шо же пропалъ: Ему не догадались дашь колосальнаго размѣра, раздвинушь во всю ширину зданія, возвысишь во всю вышину его. Его не развили, не увеличили, но спали упопробляшь въ обыкновенномъ видѣ. Удивительшо ли чшо зданія копорыя шребовались огромныя, каза-

лись пущы, пошому чшо фронтонны съ колонами лѣпилися шолько надъ крыльцами ихъ. Громоздимыя надъ ними въ церквахъ дворцахъ башни и массы, вовсе ему не опъчавшія, подавили и унищожили его совершенно. Такимъ самымъ образомъ поэтъ не имѣющій обширнаго Генія, всегда не доволенъ однимъ проспымъ сюжетомъ и вмѣсто того, чшобы развишь его и сдѣлашь огромнымъ, онъ привязываетъ къ нему множество другихъ; ею поэма обременяется песнорошою разныхъ предметовъ, но не имѣетъ одной господствующей мысли и не выражаетъ одного цѣлаго.

Въ началъ XIX столѣтія вдругъ распространилась мысль объ Ашпической простотѣ и шакже какъ обыкновенно бываетъ обратилась въ моду и опразилось вдругъ на всемъ начиная съ дамскихъ костюмовъ, преобразовавшихся въ небрежное, легкое одѣяніе Гесперь. Казалось еще ближе пришло къ древнимъ; еще глубже изучили ихъ духъ; но все чшо ни сприли по ихъ образцу, все носило оппечашокъ мелкости и миніашюрности: узнали искусство болѣе связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства да-

вашь величіе всему цѣлому и опредѣлишь ему размѣръ способный вызвать изумленіе. Эпо новое спремленіе рѣшишельно было издержано на мѣлочныя бесѣдки павильоны въ садахъ и подобныя, небольшія игрушки. Они носили въ себѣ много Апшпическаго, но ихъ нужно было разсмапривапы въ микроскопъ. Въ огромныхъ же публичныхъ зданіяхъ не считали за пужное ими руководспивоваться: они сдѣлались наконецъ проспы до плоскости. Самое вредное направленіе Архитекпуръвнушила мысль о соразмѣрности, не о шой соразмѣрности, копорая должна бытъ въ спросеніи въ опношеніи къ нему самому, но проспо о соразмѣрности въ опношеніи къ окружающимъ его зданіямъ. Эпо все равно еспыли бы геній спалъ удерживапысь опъ оригинальнаго и необыкновеннаго, пошому шолько, что передъ нимъ будупъ слишкомъ уже низки и ничпожны обыкновенные люди. Эпа соразмѣрность, соспояла еще въ шомъ, чтобы спроеіе, какъ бы велико ни было въ своемъ объемъ но непременно что бы казалось малымъ. Его спали уединяпы и помѣщапы на шакой огромной и обширной площади, что оно казалось еще болѣе ничпожнымъ. Какъ будпо бы спара-

лись нарочно внушить мысль: что великое съемъ невелико, какъ будто бы на- сильно старались испребишь въ душѣ благоговѣніе и сдѣлашь чловѣка равнодушнымъ ко всему.

Всѣмъ спроеніямъ Городскимъ спали да- вать совершенно плоскую, просную фор- му. Дома старались дѣлашь какъ можно болѣе похожими одинъ на другаго; но они болѣе были похожи на сараи, или казармы, нежели на веселыя жилища людей. Совер- шенно гладкая ихъ форма ни чуть непри- нимала живости опъ маленькихъ правиль- ныхъ оконъ, кошорыя въ оппошеніи ко всему спроенію были похожи на зажмурен- ные глаза. И эшою архитектурою мы еще недавно щеславились, какъ совер- шенствомъ вкуса и наспроили цѣлые го- рода въ ея духъ! Осмѣлился бы кпо нибудь даже шеперь, среди эшой гладко-однообраз- ной кучи, вздвигнушь зданіе, носившее бы на себѣ печать особенной, рѣзкой архитекту- ры, осмѣлился бы кпо нибудь возмъ спрое- нія въ Ашшическомъ вкусѣ непосредствен- но вздвигнушь Гошическое — Его бы соч- ли едвали не сумасшедшимъ. Опъ шого новые города неимьюшъ никакого вида:

Они шакъ правильны, шакъ гладки, шакъ моношонны, чшо прошедши одну улицу уже чувспвуешь скуку и опказываешся опъ желанія заглянуть въ другую. Эшо рядъ спѣнъ и больше ничего. Напрасно ищешъ взглядъ, чшо бы одна изъ эшихъ непрерывныхъ спѣнъ въ какомъ нибудь мѣспѣ вдругъ возрсла и выбросилаоъ на воздухъ смѣлымъ переломленнымъ сводомъ, или изверглась какою нибудь башней-гиганшомъ. Спаринной Германской городокъ съ узинькими улицами съ песпрыми домиками и высокими колокольнями имѣешъ видъ несравненно болѣе говорящій нашему воображенію. Даже видъ какогю нибудь восшочнаго города съ высокими шонками Минарешами съ восшочными песпрыми куполами пошонувшими въ садахъ имѣешъ болѣе характера, болѣе дышешъ поэзіей и воображеніемъ нежели наши Европейскіе города позднѣйшей архишекшуры.

Башни огромныя, колосальныя необходимы въ городъ, неговоря уже о важности ихъ назначенія для Хришціанскихъ Церквей. Кромъ шого чшо они сосшавляютъ видъ и украшеніе, они нужны для сообщенія городу рѣзкихъ примѣшъ, чшобы слу-

жить маякомъ указывавшимъ бы пущь всякому недопуская сбиться съ пущи. Они еще болѣе нужны въ столицахъ для наблюденія надъ окрестностями. У насъ обыкновенно ограничиваются высокою дающею возможность обглядѣть одинъ только городъ. Между тѣмъ какъ для столицы необходимо видѣть по крайней мѣрѣ на полпоросна вершѣ во всѣ стороны и для этого можетъ быть одинъ только, или два эшажа лишнихъ — и все измѣнялся. Объемъ кругозора по мѣрѣ возвышенія разспространяется необыкновенною прогресіей. Столица получаетъ существенную выгоду обозрѣвая провинціи и заранѣе предвидя все; зданіе сдѣлавшись немного выше обыкновеннаго, уже пріобрѣтаетъ величіе; художникъ выигрываетъ, будучи болѣе напряженъ колоссальностію зданія къ вдохновенію и сильнѣе чувствуя въ себѣ напряженіе.

Это направленіе архитектуры спаралось какъ будто нарочно скрывать свое величіе, вмѣсто того, чтобы какъ можно болѣе выказывать его пространство. Нѣтъ, непаковъ законъ великаго: Строеніе должно неизмѣримо возвышаться почти надъ

головою зришеля; чшобы онъ спалъ пораженный внезапнымъ удивленіемъ, едва будучи въ соспоаніи окинуть глазами его вершину. И пошому спроеіе всегда лучше если спонпъ на пшъсной площади. Къ нему можепъ иппи улица, показывающая его въ перспективѣ, издали, но оно должно имѣпъ поражающее величіе вблизи: Чшобы дорога проходила мимо его! Чшобы кареты гремѣли у самаго его подножія! Чшобы люди лѣпились подъ нимъ и своею малоспью увеличивали его величіе! Дайте человѣку большое распояніе — и онъ уже будепъ глядѣпъ выше, гордо на находящіяся предъ нимъ предметы; ему покажется все малымъ. Мы шакъ непостижимо усшроеены, наши нервы шакъ спранно связаны, чшо шолько внезапное, оглушающее съ перваго взгляда, производипъ на насъ попрясеніе. И пошому вышину спроеіия подымайте въ соразмѣрности съ площадью, на которой оно спонипъ. Еспьли оно съ послѣдняго края площади кажется малымъ, и зришель не ощущаетъ изумленія, но долженъ для эшого близко подходить къ нему, шо зданіе пропало а вмѣспѣ съ нимъ пропали шруды

и издержки употребленные на сооружение его. —

Но возвращаюсь къ проспекту архиепископской усадьбы, которая заразила нашъ XIX вѣкъ. Сами Греки чувствовали, что однѣ прямыя линіи, и совершенная простота спроектированной будучи казаться уже черезъ чуръ плоскими, особливо если многократно такого рода спроектированной соединятся вмѣстѣ. Они чувствовали, что спроектированной правильность и гладкость спроектированной должна непременно имѣть возлѣ себя какую нибудь противоположность, чтобы быть болѣе оригинальною и замѣтною. И поэтому проектировали надъ ними навѣсъ древесный. Близина прямолинейной спроектированной или спроектированной съ колонами фронтона, выказываясь изъ за темной густи земли дѣйствительно хороша, потому что составляетъ контрастъ съ облачнымъ расположениемъ дерева, почвы всегда неправильно, но красиво раскидывающаго свои вѣтви. Какъ только зданіе ихъ окружалось другими и находилось среди города, они чувствовали излишнюю простоту его и старались придать сколько можно болѣе игры. Мысль о деревѣ и о природѣ

прежде всего приходила имъ въ голову. Но въ городѣ дерево драгоцѣнность; тогда они чаще начали употреблять не гладкія Дорическія колоны, но большею частію Коринфскіе съ капителью изъ зависшихъ листьевъ. Вообще убиралъ спроечненія листьями, вѣющими гроздьями винограда, или украшеніями носящими неясный образъ вѣшвей дерева, было инстинктомъ у всѣхъ народовъ. Они невольно, слѣпо слѣдовали пайному внушенію своего вкуса. Въ Гошической архитектурѣ болѣе всего замѣненъ оппечашокъ, хотя неясный шѣсно сплешеннаго лѣса, мрачнаго, величественнаго, гдѣ попоръ незвучалъ опъ вѣка. Эпи спремяціяся нескончаемыми линиями украшенія и сѣши сквозной рѣзбы ничшо другое, какъ темное воспоминаніе о спволѣ, вѣшвахъ и листьяхъ древесныхъ. И попому смѣло возлѣ Гошическаго спроечненія спавше Греческое, исполненное спройности и проспоты: оно будешъ спояшь между ними, какъ между величественными, прекрасными деревьями. И Гошическое и Греческое получаютъ опъ эшаго двойную прелешъ. Истинный эффектъ заключенъ въ рѣзкой

противоположности; красота никогда не бываетъ такъ ярка и видна какъ въ контрастѣ. Контрастъ тогда только бываетъ дуренъ, когда располагаешься грубымъ вкусомъ, или лучше сказать совершеннымъ опшудствіемъ вкуса, но находясь во власти тонкаго, высокаго вкуса, онъ первое условіе всего и дѣйствуетъ ровно на всѣхъ. Разныя части его гармонируютъ между собою по тѣмъ же законамъ, по которымъ цвѣтъ палевый гармонируетъ съ синимъ, бѣлый съ голубымъ-розовый съ зеленымъ и такъ далѣе. — Все зависитъ отъ вкуса и отъ умѣнія расположить. Немышлите только въ одномъ зданіи множества разныхъ вкусовъ и родовъ архитектуры. Пусть каждая носитъ въ себѣ что-то цѣлое и самобытное, но пусть противоположность между этими самобытными въ отношеніи ихъ другъ къ другу будетъ рѣзка и сильна. Чѣмъ болѣе въ городѣ памятниковъ разныхъ родовъ зданій, тѣмъ онъ интереснѣе; тѣмъ чаще заспавляешь оспанривать себя, оспанавливаясь съ наслажденіемъ на каждомъ шагу. Неужели было бы хорошо если бы въ Англійскомъ са-

ду вмѣсто безпрерывныхъ, неожиданныхъ видовъ, гуляющій находилъ шу же самую дорожку, или покрайней мѣрѣ шакъ похожую своими окрестностями на видѣнную имъ прежде, что она кажется давно извѣсною?

Терпимось намъ нужна; безъ нее ничего небудеть для художества. Всѣ роды хороши, когда они хороши въ своемъ родѣ. Какая бы ни была архитектура: гладкая массивная Египетская, огромная ли, пестрая Индусовъ, роскошная ли Мавровъ, вдохновенная ли и мрачная Готическая, граціозная ли Греческая — всѣ они хороши, когда приспособлены къ назначенію строенія; всѣ они будутъ величественны, когда только истинно постигнушы.

Если бы однакожь попребовалось опдашь рѣшипельное преимущество копорой нибудь изъ эсихъ архитектуръ, то я всегда опдамъ его Готической. Она чисто Европейская, созданіе Европейскаго духа и попому болѣе всего прилична намъ. Чудное ея величіе и красота превосходитъ всѣ другія. Но изъ милости, изъ состраданія, не ломайте, не коверкайте ее! Глядите чаще на знаменитый Кельнскій соборъ; шамъ все ея

совершенство и величіе. Лучшаго памяшника никогда не производили ни древніе, ни новыя вѣки. Я предпочитаю попому еще готическую архипектуру, чпо она болѣе даетъ разгула художнику. Воображеніе живѣе и пламеннѣе спремится въ высоту, нежели въ ширину. И попому Готическую архипектуру нужно упопроблять шолько въ церквяхъ и спроеціяхъ высоко возносящихся. Линіи и безкарнизныя готическія пиласпры, узко одна опъ другой, должны лештъь черезъ все спроеціе. Горе, есшьли они опстопагъ далеко другъ опъ друга, если спроеціе не перевысло покрайней мѣръ вдвое своей ширины, если не въ шрое! Оно погда уничтожилось само въ себѣ. Возносите его шакимъ, шакимъ оно бышь должно: Чшобы выше, выше, сколько можно выше, поднимались его спѣны, чшобы гуще какъ спрѣлы, какъ шополы, какъ сосны, окружали ихъ безчисленные, угольные столбы! никакого перереза, или перелома, или карниза давшаго бы другое направленіе, или уменьвшаго бы размѣръ спроеціа! чшобы они были ровны опъ основанія до самой вершины! Огромнѣе окна, разнообразнѣе ихъ форму,

колосальнѣ ихъ высопу! воздушнѣ, легче шницъ! чшобы все чемъ болѣе подымалось къ верху, шѣмъ болѣе бы лешъло и сквозило. И помнише самое главное: никакого сравненія высопы съ шириною. Слово ширина должна исчезнуть. Здѣсь одна законодательная идея — высота.

Я увѣренъ, что нѣкопорые будущъ утверждашь, что поспройка зданія слишкомъ высокаго бесполезна, потому что намъ нужно больше мѣста, что высота ни къ чему не служишь и даромъ испрачиваешъ материалы. Но я вовсе несовѣтую эшопъ Гошической образъ спроенй упошребляшь на шеапры, на биржи, на какіе нибудь комитеты и вообще на зданія назначаемые для собраній веселящагося, или шоргующаго, или работающаго народа. Со мною согласишь всякой что нѣшь величешвеннѣе возвышеннѣе и приличнѣе архитектуры для зданія Хриштіанскому Богу, какъ гошическая. И что же должны мы шогда уничшожишь, чего лишишься? величешвеннаго колосальнаго, при взглядѣ на кошорое мысли ушпреляющъ къ одному и опрываютъ мошельщика опъ низкой его хижины. Весьма

немѣшаетъ вспомнить великую спарую испинну. что народъ не въ силахъ понять религіи въ такой же самой чиспощъ и безпѣмесности, какъ получившіе высшее образование, что на него болѣе всего производящъ впечатлѣніе видимые предметы; что чѣмъ меньше эпощъ видимый предметъ на него дѣйствуетъ, тѣмъ слабѣе его энпузіазмъ и просная вѣра. Великолѣпіе повергаетъ просполоудима въ какое-шо онѣмѣніе и оно-шо единспвенная пружина, двигающая дикимъ человѣкомъ. Необыкновенное поражаетъ всякаго, но тогда только когда оно смѣло рѣзко и разомъ бросается въ глаза. Здѣсь уже, прочъ всякое скряжничесство и расчепъ! Въ прошивномъ случаѣ эпощъ расчепъ будетъ не расчепъ; и выгода возникшая изъ него, будетъ выгода одного человѣка передъ выгодою цѣлаго человечества.

Валперъ Скопщъ первый опряхнулъ пыль съ Гошической архипекшуры и показалъ свѣшу все ея достоинство. Съ того времени она быспро распрспиранилась. Въ Англіи всѣ новыя церкви спроящъ въ Гошиическомъ вкусѣ. Онѣ очень милы, очень

пріятны для глазъ, но увы, испиннаго величія дышущаго въ великихъ зданіяхъ спальнины, въ нихъ нѣтъ. Онъ не смопря на спрѣльчашыя окна и шпицы, не сохраняюшъ въ цѣломъ испинно Гопического вкуса и уклонились опъ образцовъ. Во первыхъ они сами по себѣ вовсе не огромны (великій недоспашокъ Гопического спроеія) во впорыхъ весь эпопъ лѣсъ чешырехъгранныхъ шонкихъ сполбовъ и линій, союзно спрѣмящихся чрезъ все спроеіе, позабышъ или опшвергнушъ вовсе, оспавшался чрезъ эпо гладкосш нечувспвишешельно даешъ имъ совершенно другое выраженіе.

Могущеспвеннымъ словомъ Валшеръ Скопша вкусъ къ Гопическому распроспранился быспро вездѣ и проникнулъ во все. Еще не сдѣлавшись великимъ, онъ уже сдѣлаелся мелкимъ: Сельскіе домики, шкафы, ширмы, сполы, спуляя все обрашилось въ Гопическое. И эши величеспвенныя прекрасныя украшенія, упошреблены были на игрушки. Въкъ нашъ шакъ мѣлокъ, желанія шакъ разбросаны по всему, знанія наши шакъ энциклопедически, чшо мы ни какъ не можемъ усредопочишъ на одномъ какомъ нибудь

предметъ нашихъ помысловъ и опшого по неволѣ раздробляемъ всѣ наши произведенія на мѣлочи и на прелестныя игрушки. Мы имѣемъ чудный даръ дѣлать все ничтожнымъ. Египетскую архитектуру копорой весь эффектъ въ колоссальности, мы издерживаемъ на небольшіе мостики, на вороша, вершину копорыхъ проѣзжающій кучеръ можетъ достать рукою. Изъ Гопической мы дѣлаемъ серги, фушляры для часовъ; Греческую мы упошребляемъ въ бестѣдкахъ. Въ публичныхъ же и огромныхъ зданіяхъ показываемъ шакую архитектуру, копорую врядъ ли можно признавать особеннымъ родомъ. Въ ней сполько безмыслія, шакое негармоническое соединеніе частей, шакое опсудствіе всякаго воображенія, что недостаешь силъ назвать ее имѣющею свой характеръ архитектурою.

Есть рудникъ о копоромъ едва сполько знаютъ что онъ существуетъ; есть міръ совершенно особенный, опдѣльный, изъ копорого меньше всего черпала Европа. Это — архитектура Восточная. Архитектура, копорая создана однимъ сполько воображеніемъ, воображеніемъ восточнымъ, горячимъ,

чудеснымъ, облекшимся въ иперболу и алегорію, пролешѣвшимъ мимо жизни и прозаическихъ нуждъ ея. Жизнь Азіапцевъ никогда неимѣла такого многоспороннаго развитія какъ Европейцевъ: Никогда по потребности ихъ не были такъ разнообразны, и безчисленны какъ наши, и попому очень естественно, что обыкновенныя жилища ихъ лишены неспропы, ясности и спройности; они уединенны, однообразны, также скучны опсудспвіемъ всякой мысли, какъ самый Азіапцевъ во время своего покоя. Но за по вездѣ, куда ни проникала только Азіапская роскошь, огромная, великолѣпная, та роскошь, копорая блещетъ въ ихъ волшебныхъ сказкахъ, вездѣ, куда ни проникала эта увѣщенная ожерельями дочь воспочнаго воображенія, тамъ спояптъ донынѣ дворцы, великолѣпіе кошорыхъ изумитель-но. Спроеніе ихъ захвашывало цѣлые вѣки, цѣлый народъ, цѣлая нація, надъ нимъ спрудилась и предки вѣрили, какъ въ неопразимое предопредѣленіе, что зданіе, будешъ окончено ихъ попомками. Вездѣ куда ни проникала эта всемогущая массивная роскошь, или дикій энпузіазмъ, первоначальной ихъ религіи, вездѣ громоздились памян-

ники, ужасные своею огромностію, передъ копорыми мысль нѣмѣетъ опъ изумленія, когда вспомнишь какъ бѣдны были ихъ оредства и познанія; какъ ничпожны ихъ машины для подняпія и укрѣпленія эпихъ спрашныхъ массъ. Еще болѣе изумленіе овладѣваетъ духомъ, когда видишь какъ почпи дикій, неразвившійся человекъ, развился внезапно на эпомъ гиганшскомъ зданіи; какъ былъ онъ проникнутъ и воспорженъ мыслью о божеспвѣ, что невольно показалъ разоблаченіе своего генія, и упредилъ медленные годы вѣковаго образованія.

Взгляните на эпопъ массивный величественный Триченгурскій храмъ у Индусовъ, едвали не одно изъ первыхъ зданій по величинѣ своей. Эпо пирамидальное склоненіе массы къ верху, поспешенное уменьшеніе эшажей, бездна Индѣйскихъ порпиковъ облъпливающихъ ихъ стѣны, пиласпры громоздящіяся надъ пиласпрами, колоны надъ колонами, какъ будпо спупающіе одна на другую, чтобы скорѣе достать вершины эшой массы—все эпо явленіе совершенно оригинальнаго вкуса. Но если Триченгурскій храмъ

слишкомъ уже тяжель и дышетъ язычеспвомъ, взгляните на спройный, прекрасный Купубъ-Минаръ, копорымъ по справедливости славящся Дельфи. Я незнаю въ міръ башни копорая бы при простомъ почти Апшической сполько дышала глубиною красопы, гдъ бы воображеніе вылилось такъ чисто и величаво. Если эпошъ родъ неможешъ быть совершенно усвоенъ нами, то Европейцы вообще могутъ заимсповатъ съ пользою эпо пирамидальное, или кону сообразное успремленіе къ верху — ръзкое опличіе Индѣйскаго спила.

Воспочная архитекпура дворецвъ предспавляешъ совершенно противуположный родъ: здъсь царство Азіатской роскоши. Спроеніе раздаешся проспраннѣ въ ширину. Огромный Воспочный куполь, или совершенно круглый, или выгибающійся какъ сладостраспная ваза опрокинушая внизъ. или въ видъ шара, или обремененный, облъпленный ръзбою и украшеніями, какъ богатая мишра, папріархально власпвуешъ надъ всъмъ зданіемъ; внизу у самага подножія спроенія небольшія куполы цѣлою оградою обходяшъ его проспранныя спѣны, какъ

покорные рабы; со всѣхъ споронъ лепящъ понкіе минарешы, представляющіе самый очарователный конспраспъ своею легкою веселою шорнурою съ важнымъ величественнымъ видомъ всего зданія. Такъ величественный магомепанинъ въ широкомъ убраннымъ золопомъ и каменьями плащъ возлежищъ среди гурій спройныхъ, обнаженныхъ, ослѣпительныхъ своею бѣлизною. —

Нигдѣ зодчество непринимало сполько разнообразныхъ формъ какъ на Воспокъ. Тамъ каждое зданіе выливалось можно сказащъ всегда мимо прежнихъ условій, или лучше сказащъ, оно выливалось облеченное новыми условіями собспвеннаго предчувствія, сходспвовавшими съ прежними развѣ сполько въ самомъ опдаменномъ началѣ религіозномъ, или національномъ. Вся Индія усьяна прекрасными зданіями. Каждое изъ нихъ сохрانيةщъ свое рѣзкое опличіе, свой особый оппечашокъ, до такой спепени, что ихъ совершенно не лья подвесщъ подѣ одну капегорію. Множеспво разныхъ куполовъ всѣхъ возможныхъ формъ, вовсе непохожихъ одинъ на другаго, украшений и убранныхъ совсѣмъ опличныхъ и всегда новыхъ — все говорищъ о необыкновенномъ воображеніи

ихъ, которое не спѣснялось ни какими правилами. Впрочемъ причиною этого разнообразія можетъ быть было безчисленное множество сектъ, наполняющихъ Индію, производившихъ вѣчную оппозицію, вѣчную раздражительность воображенія. Но болѣе исполнены роскоши очаровательной, копрою говоритъ Восточная природа тѣхъ зданій, которыхъ коснулся вкусъ Аравіянъ. Въ Азіи, во время этихъ разрушительныхъ встрѣчъ новыхъ и старыхъ народовъ особенно Магометанъ, произошло необыкновенное смѣшеніе Архитектуры, произошли самыя дерзкія отступленія. Но никогда, нигдѣ не соединялось смѣлое съ такою прекрасною роскошью какъ у Аравіянъ. Они заимствовали отъ природы все то, что есть въ ней верхъ прекраснѣйшаго. Ихъ архитектура не носитъ на себѣ печати дремучихъ лѣсовъ; она вся состоитъ изъ цвѣтовъ. Она убрана цвѣтами, она попоплена цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, прекрасныхъ, роскошныхъ, какими убрана нѣжная долина Кашемира. Ихъ узорныя колонны увѣнчаны шюльпаномъ; ихъ рѣзба въ видѣ незабудокъ и цвѣтовъ съ чепырью лепестками, или развивающихся розъ; ихъ

галлерей похожи на вѣтви пальмъ вершинами своими образующихъ своды. Все опоздалось необыкновенной роскошью цвѣтиспаго ихъ вкуса. Эта архипекпура какъ-то именно создавалась для жизни опданной наслажденіямъ, для веселыхъ, свѣшлыхъ жилищъ челоуѣка. Она рѣшишельно изгнала изъ себя все мрачное. Зданіе такъ прелестно, очароуашельно, какъ Воспочная красавица съ черными, яркими какъ молніа глазами, въ песспромъ своемъ убранствѣ и драгоцѣнныхъ ожерельяхъ.

Воспочная архипекпура имѣетъ у себя то, чего никогда еще неупошребляли Европейцы. Это колонны, негладкія, но расщренныя украшеніями ошъ піедестала до капишели. Иногда эти колонны бывають совершенно сквозныя и прозрачныя: рѣзба проникаетъ ихъ на сквозь. Они соспавляютъ плѣнишельнѣйшее изобрѣшеніе Воспочнаго вкуса. Зданіе какъ бы ни было громоздко но съ такими колоннами кажется воздушно. Почему бы казалось намъ не перенести ихъ на свою почву? Но умъ и вкусъ челоуѣка предспавляютъ спранные явленіе: прежде нежели доспигнешъ испины, онъ сполько даспъ объздовъ, сполько надѣлаешъ

*

несообразностей, неправильностей, ложного, что послѣ самъ дивился своей недогадливости. Обо всѣхъ сихъ памятникахъ Европа и не заботилась. Одинъ только вкусъ Кипайцевъ, который можно назвать самымъ мелкимъ, самымъ ничтожнымъ изъ всѣхъ Восточныхъ народовъ, какимъ-то повѣтріемъ занесся къ намъ въ концѣ XVIII столѣтія. Хорошо что Европейцы, по обыкновенію своему иногда обратили его на мозаики, павильоны, вазы, камни, а не вздумали приспособить къ большимъ спроектированіямъ. Этого вкуса почто былъ не дурень въ бездѣлкахъ, попому, что Европейцы его иногда усовершенствовали по своему и дали ему ту прелесть, которой онъ самъ въ себѣ не имѣетъ, также какъ и его народъ не имѣетъ энергіи не смотря на всю свою образованность.

Есть еще особенный родъ архитектуръ, совершенно отличный отъ всего до селѣ показаннаго мною. Это архитектура казначомъ Индійскихъ и Египетскихъ, гдѣ эти два народа такъ удивительно сошлись между собою и дали поводъ подозревать древнее между ими родство. Главный характеръ ея шажетъ. Здѣсь все должно сое-

динишься въ массу и толщѣ; зданіе тяжело спускается какъ, на слоновыхъ пядяхъ, на коровскихъ тяжелыхъ колонахъ, копорыхъ ширина своимъ діаметромъ равняется почти съ высокою. Здѣсь уже совершенно все ширина и масса. На ней какъ будто опечатавалась тяжесть земли; внутри копорой она скрываетъ тяжелое свое величїе. То что порокъ въ другихъ родахъ ее, по здѣсь достоинство. Эпа подземная архитектуря, имѣетъ что-то также величавое, хотя внушаетъ совершенно другія мысли. Здѣсь тяжесть не безобразна, а величественна, потому что составляетъ главную идею всего зданія. Если художникъ предположилъ создать тяжелое и массивное и выполнилъ это, его твореніе вѣрно будетъ хорошо; но когда начерталъ онъ планъ тяжелаго а изъ него вышло вовсе не тяжелое, или наоборотъ когда онъ замыслилъ произвестъ легкое, а вышло тяжелое, то это уже рѣшительно дурно. Зданіе это когда съ него сбрасывали землю, и оно выходило на свѣтъ представляло всегда спиральный и вмѣстѣ спрашный видъ; какъ будто бы земля выказывала свою глубокую внутренность, какъ будто бы мракъ очу-

пилился вдругъ среди яркаго свѣта, мракъ только освѣщаемый свѣтомъ, а не прогоняемый имъ, какъ Египетская урна или мертвая голова среди пиршесствъ. Мнѣ кажется напрасно эту архитектуру вгоняющъ въ землю: показавшись вдругъ, нечаянно среди свѣтлыхъ, легкихъ домиковъ, она должна непременно поразишь всякаго и произвеси свой эффектъ. Одно такого рода строеніе среди многолюднаго города было бы прелестно, но только одно, не болѣе. Въ строеніяхъ такого рода всѣ частіи состояющъ изъ тяжестей, но при всемъ томъ опошенія ихъ между собою исполнены какой-то внутреннѣй, нѣсколько спрашной гармоніи и создашь въ эпосъ родъ совершенное весьма нелегко.

Египетская архитектура надземная составляетъ совершенно другой родъ: она массивна поже; но стройность и простота въ высшей степени съ нею неразлучны; главный же ея характеръ — колоссальность. Чемъ она глаже снизу доверху, безъ всякихъ раздѣленій и рѣзкихъ украшеній, тѣмъ лучше. Но неупреждайше ее на небольшіе мостики: безъ колоссальности эта архитектура менѣе нежели ничто. Еще разъ повторяю: всякая ар-

хипектура прекрасна, если соблюдены все ея условия и если она выбрана совершенно согласно назначению строения. Безъ эпои благонамъренной, безприспартной шерпимости не будешъ ни истинныхъ паланшвъ, ни истинно величественныхъ произведеній. Прочъ эпошъ схолацизмъ, предписывающій строенія ранжировашъ подъ одну мърку и строить по одному вкусу! Городъ долженъ состоятъ изъ разнообразныхъ массъ, если хотимъ чшобы онъ доставлялъ удовольствіе взорамъ. Пусть въ немъ совокупишся болъе различныхъ вкусовъ. Пусть въ одной и той же улицѣ возвышается и мрачное Гопическое, и обремененное роскошью украшеній Восточное, и колосальное Египетское, и проникнутое стройнымъ размъромъ Греческое. Пусть въ немъ будутъ видны: и легко выпуклый млечный куполь, и религіозный безконечный шпичъ и восточная мштра, и плоская крыша Испанская и высокая фигурная Фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелискъ. Пусть какъ можно рже дома сливаются въ одну ровную, однородную спъну, но клоняшся, то вверхъ, то внизъ. Пусть разныхъ родовъ башни какъ можно чаще разнообразяшъ улицы. Неужели

найдеся шакой смѣльчакъ, или лучше ска-
зашь несмѣльчакъ, кошорый бы ровное мѣспо
въ природѣ осмѣлился сравнишь съ видомъ
ушесовъ, обрывовъ, холмовъ выходящихъ
одинъ изъ за другаго.

Архитекшоръ-шворецъ долженъ имѣшь
глубокое познаніе во всѣхъ родахъ зодчештва.
Онъ менѣе всего долженъ пренебрегать вку-
сомъ шѣхъ народовъ, кошорымъ мы въ опно-
шеніи художештвъ обыкновенно оказываемъ
презрѣніе. Онъ долженъ бышь всеобъемлющъ,
изучишь и вмѣспишь въ себѣ всѣ безчислен-
ныя измѣненія ихъ. Но самое главное: дол-
женъ изучишь все въ идеѣ а не въ мелочной
наружной формѣ и часпяхъ. Но для по-
го чшобы изучишь въ Идеѣ, нужно бышь ему
Геніемъ и Поэшомъ.

Но обратимся къ архитекшурѣ Городовъ. Го-
родъ нужно спроишь шакимъ образомъ, чшоб-
бы каждая часть, каждая опдѣльно взшпая
масса домовъ предспавляла живой пейзажъ.
Нужно шолпѣ домовъ придашь игру, чшобы
она, если можно шакъ выразишься, заиграла
рѣзкоспями, чшобы она вдругъ врѣзалась въ
память и преслѣдовала бы воображеніе. Ешпъ
шакіе виды, кошорые вѣкъ помпишь, и ешпъ
шакіе, кошорыхъ при всѣхъ усиліяхъ не мо-

жешь замѣшишь въ памяти. Зодчество грубѣе и вмѣстѣ колосальнѣе другихъ искусствъ, какъ то: живописи, скульптуры и музыки, и поэтому эффектъ его въ эффектъ. Масса города имѣешь уже шѣмъ выгоду, что ее вдругъ можно измѣнишь, исправишь по своему произволу. Иногда одно только строеніе среди ея—и она совершенно измѣняетъ видъ свой, принимаетъ другое выраженіе; пакъ какъ всякой рисунокъ ученика вдругъ оживляется подъ кистью, или карандашемъ его учителя, который въ одномъ мѣстѣ подкрѣпишь, въ другомъ опдѣлишь, въ прешьемъ только пронелъ,—и все уже не то. При томъ самыя ошибки уже подающъ идею о томъ, какъ избѣжашъ ихъ, безъхарактерное подаетъ мысль о характерномъ, мѣлкое и плоское вызывающъ въ противоположность дерзкое и необыкновенное, углубленіе внизъ подаетъ идею о возвышеніи вверхъ и на оборотъ. Геній богачъ спрашный, передъ которымъ ничто весь міръ и всѣ сокровища.

При постройкѣ городовъ нужно обращать вниманіе на положеніе земли. Города строятся или на возвышеніи и холмахъ, или на равнинахъ. Городъ на возвышеніи менѣе истребуешь искусства, потому, что тамъ природа

рабошаешъ уже сама, по подымаешъ дома на величественныхъ холмахъ своихъ и кажешъ ихъ валиканами изъ задругихъ домовъ, по опускаешъ ихъ внизъ, чшобы дашь видъ другимъ. Въ такомъ городѣ можно менѣе упошребляшь разнообразія. Въ немъ можно болѣе упошребляшь гладкихъ и одинаковыхъ домовъ, попому, чшо неровное положеніе земли уже даешъ имъ нѣкошорымъ образомъ разнообразіе помѣщая ихъ въ разиыхъ мѣстоположеніяхъ. Нужно наблюдашь шолько, чшобы дома показывали свою вышину одинъ изъ за другаго, шакъ чшо бы споящему у подошвы казалось, чшо на него глядишь двадцатишажная масса. Тамъ мало нужно искусствва, гдѣ природа одолеваетъ искусство; шамъ искусство шолько для того чшобы украсишь ее. Но гдѣ положеніе земли гладко совершенно, гдѣ природа спитъ, шамъ должно рабошашъ искусство вовсей силѣ. Оно должно пропестришь, ештли можно сказашь изрышь, скрышь равнину, оживишь мертвенность гладкой пущыни. Здѣсь однообразіе и простоша домовъ будешъ большая погрѣшность. Здѣсь Архитектура должна бышь какъ можно своенравнѣе: принимаешь суровую наружность, показываешь веселое выраженіе, дышаешь древностью, блестяшь

новоспью, обдавашъ ужасомъ, свѣркашъ красосою, бышъ по мрачной, какъ день обхваченный грозою съ громовыми облаками, по ясною какъ ушро въ солнечномъ сїяніи. Архитектура шоже лѣтопись міра: Она говоришъ шогда когда уже молчапъ и пѣсни и преданія и когда уже ничшо неговоришъ о погибшемъ народѣ. Пущъ же она, хопъ опривками, являешся среди нашихъ городовъ въ шакомъ видѣ, въ какомъ она была при опжившемъ уже народѣ. Чшобы при взглядѣ на нее осѣнила насъ мысль о мицувшей его жизни и погрузило бы насъ въ его бышъ, въ его привычки и спенень пониманія и вызвала бы унасъ благодарноспъ за его сущеспвованіе, бывшее спупенью нашего собспвенною возвышенія (*)

(*) Мнѣ прежде приходила очень странная мысль: я думалъ что весьма не мѣшало бы имѣть въ городѣ одну такую улицу, которая бы вмѣщала въ себѣ Архитектурную лѣтопись. Чшобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами. Прошедши которые зритель видѣлъ бы съ двухъ сторонъ возвышающіяся величественныя зданія первобытнаго дикаго вкуса, общаго первоначальнымъ народамъ. Потомъ постепенное измѣненіе ея въ разные виды: высокое преображеніе въ колоссальную исполненную простоты Египетскую, потомъ въ красавицу Греческую, потомъ въ сладострастную Александрійскую и Византійскую съ плоскими куполами,

Неужели однакоже невозможно созданіе (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архипектуры, мимо прежнихъ условій. Когда дикій и мало-развившійся человѣкъ, которому одна природа, еще грубо имъ понимаемая, служилъ руководствомъ и вдохновеніемъ, создаетъ швореніе, въ которомъ является и красота и шайный инстинктъ вкуса, опъ чего же мы, которыхъ всѣ способности такъ обширно развились, которые болѣе видимъ и понимаемъ природу во всѣхъ ея шайныхъ явленіяхъ, опъ чего же мы не производимъ ничего совершенно проикнушаго такимъ богашствомъ нашего позна-

потомъ въ Римскую съ арками въ нѣсколько рядовъ, далѣе вновь нисходящую къ дикимъ временамъ и вдругъ потомъ поднявшеюся до необыкновенной роскоши Аравійскою, потомъ дикою Готтическою, потомъ Готико-Арабскою, потомъ чисто-готтическою, вѣнцемъ искусства, дышащею въ Кельнскомъ соборѣ, потомъ страшнымъ смѣшеніемъ архитектуры, происшедшемъ отъ обращенія къ Византійской, потомъ древнею Греческою въ Новомъ костюмѣ и наконецъ чтобы вся улица оканчивалась воротами заключившими бы въ себѣ стихіи новаго вкуса. Эта улица сдѣлалась бы тогда въ нѣкоторомъ отношеніи исторіею развитія вкуса и кто лѣнивъ перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней чтобы узнать все. —

нія. Идея для зодчеспва вообще была черпана изъ природы, но тогда когда чело-вѣкъ сильно чувствовалъ на себѣ ея влія-ніе; теперь же искусство поставилъ онъ выше самой природы, — развѣ неможешъ онъ черпать своихъ идей изъ самаго искусства или лучше сказашъ изъ гармоническаго слія-нія природы съ искусствомъ? Разсмотрише только, какую спрашную изобрѣшатель-ность показалъ онъ на мѣлкихъ издѣліяхъ утонченной роскоши; разсмотрише, всѣ эти модныя бездѣлицы, кошорыя каждый день являющся и гибнушъ, разсмотрише ихъ, хопя въ микроскопъ, если шакъ они неоспанавливающъ вашего вниманія. Какого они исполнены тонкаго вкуса! какіе принимающъ они совершенно небывалыя прелестныя формы! Онѣ создающся въ па-комъ особенномъ родѣ, кошорый еще никогда не встрѣчался. Рѣзьба и тонкая опдѣлка ихъ шакъ неинтересованы и вмѣ-стѣ съ шѣмъ шакъ хороши, что мы иног-да долго любуемся ими, и увы! вовсе не ощущаемъ жалосши при видѣ какъ гиб-нешъ вкусъ чело-вѣка въ ничтожномъ и вре-менномъ, тогда какъ онъ былъ бы замѣ-шенъ въ неподвижномъ и вѣчномъ. Развѣ

мы не можемъ эту раздробленную мелочь искусства преврашши въ великое. Неужели все то, что встрѣчается въ природѣ должно быть непременно только колонна, куполь и арка. Сколько другихъ еще образовъ нами во все не пронумо. Сколько прямая линія можетъ ломаться и измѣняться направленіе, сколько кривая выгибается, сколько новыхъ можно ввести украшеній, копорыхъ еще ни одинъ архитекторъ не вносилъ въ свой кодексъ. — Въ нашемъ вѣкѣ есть такіе пріобрѣшенія и такія новыя, совершенно, ему принадлежащія спихи, изъ копорыхъ бездну можно заимствовать никогда прежде невоздвигаемыхъ зданій. — Возьмемъ на примѣръ тѣ висящія украшенія, копорыя начали появляться недавно. Покаместъ висящая архитектура только показывается въ лѣжахъ, балконахъ и въ небольшихъ мостикахъ. Но если цѣлые этажи повиснутъ, если перекинутся смѣлыя арки, если цѣлыя массы вмѣстѣ съ тяжелыхъ колонъ очутиятся на сквозныхъ чугунныхъ подпорахъ, если домъ обвѣсится съ низу до верху балконами съ узорными чугунными перилами, и опъ нихъ висящія чугунныя украшенія въ тысячахъ

разнообразныхъ видовъ облечушь его своею легкою съшью и онъ будешь глядѣшь сквозь нихъ, какъ сквозь прозрачный вуаль, когда эти чугунныя сквозныя украшенія обвѣшныя около круглой, прекрасной башни полешають вмѣстѣ съ нею на небо — какую легкость, какую эспешическую воздушность приобрѣтушь тогда дома наши! Но какое множество есть расбросанныхъ на всемъ намековъ могущихъ зародить совершенно необыкновенную живую идею въ головѣ архитектора, если только эстетъ архитекторъ шворецъ и Поэтъ (*)

1831.

(*) Статья эта писанна давно. Въ последнее время вкусъ въ Европѣ улучшился и особенно въ нашей любезной Россіи. Многіе архитекторы уже ей дѣлають честь; изъ нихъ должно упомянуть о Брюловѣ, котораго зданія исполнены истиннаго вкуса и оригинальности.

А Л - М А М У Ш Ъ.

А Л - М А М У Н Ъ,

=

(Историческая характеристика)

=

Ни одинъ Государь не принималъ правленія въ такую блестящую эпоху своего государства, какъ Ал-Мамунъ. Грозный Калифашъ величественно возвышался на классической землѣ Древняго міра. Онъ обнималъ на воспокъ всю цвѣшущую Юго - западную

Азію и замыкался Индією, на западъ онъ проспирался по берегамъ Африки до Гибралшара. Сильный флотъ покрывалъ Средиземное море; Багдадъ, столица эшаго новаго чудеснаго міра видѣлъ повелѣнія свои исполняющимися въ опдаленныхъ краяхъ провинцій; Бассора, Нигабуръ и Куфа, зрѣли новообращенную Азію, ешекающуюся въ свои блестящія школы; Дамаскъ могъ одѣшь всѣхъ слашлюбцевъ дорогими шканями и снабдишь всю Европу спальными мечами, и арабъ уже думалъ, какъ бы осуществишь на землѣ рай Магомеша, создавалъ водопроводы, дворцы, цѣлые лѣса пальмъ, гдѣ сладоспраспно били фоншаны и дымились благовонія востока. И къ шакому развитію роскоши еше не успѣла привишься ни одна нравспвенная болѣзнь полипического общеспва. Всѣ частп эшой Великой имперіи, эшаго Магомешанскаго міра были связаны довольно сильно и связь эша укрѣплена была волею необыкновеннаго Гаруна, копорый постигнулъ всѣ разнообразныя способноспи своего народа. Онъ не былъ исключишельно государь-филосовъ, государь-полишникъ, государь-воинъ, или государь-лишешоръ. Онъ соединялъ въ себѣ все, умѣлъ

ровно разлишь свои дѣйствія на все и недоставишь перевѣса ни одной отрасли надъ другою. Просвѣщеніе чужеземное онъ прививалъ къ своей націи, въ такой только степени, чшобы помочь развитію ея собственнаго. Уже Арабы перешли эпоху своего фанатизма и завоеваній, но все еще были исполнены энтузіазма и огненныя страницы Корана перелисывались съ нѣмъ же благоговѣніемъ, исполнялись такъ же раболѣпно. Гарунъ умѣлъ ускорить весь административный государственный ходъ и исполненіе повелѣній, спрахомъ своей вездѣсущности. Намѣстники и Эмиры, изъ которыхъ каждый обыкновенно стремился бытъ деспотомъ, опасались встрѣпиться всезрящаго, переодѣтаго Калифа — и правленіе безъ законовъ двигалось крѣпко и опредѣленно. Въ такомъ видѣ принялъ государство Ал-Мамунъ, Государь, котораго Царьградъ называлъ великодушнымъ покровителемъ наукъ, котораго имя Исторія внесла въ число благодѣтелей человеческого рода и который замыслилъ государство полииническое превратить въ государство музъ. Онъ былъ одаренъ всею живостію и способностію къ долгому изученію. Его характеръ исполненъ былъ бла-

городсва. Желаніе истины было его девизомъ. Онъ былъ влюбленъ въ науку и влюбленъ совершенно безкорыстно: онъ любилъ науку для нея же самой, педумая о ея цѣли и примѣненіи. Онъ предался ей съ исключительною спрасшью. Тогда Аравишяне полько-чшо опрыли Ариспошеля. Многообъемлющій и почный философъ Греціи немогъ сойпись съ ихъ воображеніемъ слишкомъ спремисельнымъ, слишкомъ колосальнымъ и воспочнымъ, но Аравійскіе ученые занимаюсь долгое время копошливою работою уже нѣсколько привыкнули къ почности и формальности и опъ шого принялись за него съ ученымъ энпузіазмомъ. Эши безконечные выводы, эшо облечение въ видимость и порядокъ шого, чшо они прежде чувспвовали въ душѣ пламенными опривками немогли не околдовашь погдашнихъ ученыхъ. Воспишанный подъ ихъ вліяніемъ Ал-Мамунъ, исполненный истинной жажды просвѣщенія упошребляль всѣ спаранія ввеси въ свое государшво эшошъ чуждый дошоль Греческій міръ. Багдадъ роспросперъ дружелюбныя длани всему ученому погдашнему свѣшу. Милоспи Калифа были опкрышы всякому, кшо принадлежалъ къ какому бы шю ни было званію,

какой бы ни былъ онъ религіи, какихъ бы ни былъ исполненъ прошиворѣчащихъ началъ. Естественнo, что тогда болѣе всего приносили свои познанія въ Багдадъ тѣ, копорые еще сохраняли въ душѣ своей образъ Полипейзма облеченнаго Хрисціанскими формами, копорые, гошовы были спашь грудью за Аммонія Саккаса, Плошина и другихъ послѣдовашелей новоплатонизма, копорые уже не находили поля для своихъ ученыхъ респаній въ Царьградѣ, слишкомъ заняшомъ спорами о догмахъ Хрисціанства. Багдадъ превращился въ республику разнородныхъ отраслей познаній и мнѣній. Въиценосный Арабъ вслушивался внимашельно въ усыпительную музыку ученыхъ, полкованій и тонкосшей. Правители государственнхъ мѣстъ не могли не увлечься примѣромъ государя и тогда высшія спупени государства обняла какая-то лишературная мономанія. Визири и Эмиры спарались окружишь свой дворъ учеными пришельцами. Очевидно: что админиспращивная часть была какъ будто чѣмъ-то вшороспепеннымъ; что правители должны были многое опносящееся къ управленію повѣрять усмошрвнію своихъ секретарей и любимцевъ, что эти лю-

бимцы были иногда вовсе невѣжды, часно получали пронырствами мѣста, что все это должно было опозваться на народъ и въ послѣдствіи времени обрушиться на самихъ правителей. Толпа теоретическихъ философовъ и поэтовъ, занявшихъ правительственные мѣста не можетъ доставить государству твердаго правленія. Ихъ сфера совершенно опредѣльна; они пользуются верховнымъ покровительствомъ и пекутъ по своей дорогѣ. Отсюда исключаются цѣль великіе поэты, которые соединяютъ въ себѣ и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человека, проникли мнущее и прозрѣли будущее, которыхъ глаголютъ слышавшия всѣмъ народомъ. Они великіе жрецы. Мудрые властители чествуютъ ихъ своею бесѣдою, берегутъ ихъ драгоценную жизнь и опасаются подавить ее многосторонней дѣятельностью правителя. Ихъ призываютъ они только въ важныя государственныя совѣщанія, какъ вѣдущей глубины человеческого сердца.

Благородный Ал. Мамунъ истинно жемаль одѣланъ счастливыми своими подданными. Онъ знаетъ что вѣрный душепроводитель къ шему — науки клоняціяся къ развитію

человѣка. Онъ всѣми силами заставлялъ своихъ подданныхъ принимать вводимое имъ просвѣщеніе. Но просвѣщеніе вводимое Ал - Мамуномъ менѣе всего оплѣчало природнымъ элеменшамъ и колоссальности воображенія Арабовъ. Лишенная энергіи начала Полипейзма обрапившіяся въ кучу словъ, дерзко обезображенныя идеи Христіанства, спрранно озарившіе погдашніе науки, не слившіяся съ ними, но можно сказать уничтожившія ихъ своимъ преобладаніемъ — представляли совершенной контрастъ пламенной Природы Араба, у котораго воображеніе слишкомъ пошопляло пощце выводы холоднаго ума. Этого чудный народъ не щель, а лепель къ своему развитію. Геній его вдругъ оказывался въ войнѣ, шорговлѣ, искусстввахъ, Мануфактурахъ и роскошной поэзіи Восмока. Его досель небывалыя въ Испоріи человѣчества спихи вспыхнули богато, ярко, спрранно и совершенно оригинально. Казалось этого народъ общалъ дошолъ невиданное совершенство націи. Но Ал - Мамунъ неощалъ его. Онъ упустилъ изъ вида великую истину: что образованіе черпается изъ самаго же народа, что просвѣщеніе наносное должно быть въ ша-

кой степени заимствовано сколько можешь оно помогать собственному развитию, но что развиваясь народ должен из своих же национальных сил. Но для Араба поле подвигов было ограждено эпимъ бесплоднымъ чужеспраннымъ просвѣщеніемъ. Самый Космополинизмъ Ал-Мамуна открывавшаго входъ въ государство ученымъ всѣхъ парцій, уже зашелъ нѣсколько далеко. Выгоды, которые въ Государствѣ получали Христіане немогли возродить въ собственныхъ его подданныхъ ненависти а вмѣстѣ и презрѣнія къ самымъ даже полезнымъ ихъ учрежденіямъ, — и народъ уже перялъ любовь къ своему Калифу. Въ правленіи Ал - Мамунъ былъ больше Философъ-Теоретикъ нежели не Философъ-Практикъ, какимъ бы долженъ быть Государь. Онъ зналъ жизнь своего народа изъ описаній, изъ рассказовъ другихъ, а не извѣдалъ самъ какъ очевидецъ, какъ извѣдалъ его Великій Гарунъ. Въ Азіатскихъ образахъ правленія неимѣющихъ опредѣленныхъ законовъ вся административная часть падаетъ на самого монарха и потому дѣятельность его должна быть необыкновенна, вниманіе его должно быть вѣчно напряжено; онъ не мо-

жесть вѣрнись совершенно никому и глазъ его долженъ имѣть многосторонность аргуса: минушу засни онъ — и его полномочные намѣстники вдругъ возрастающъ и Государство наполняется миліонами деспотовъ. Но Ал - Мамунъ въ своемъ Багдадѣ жилъ какъ въ Государствѣ музъ имъ же самимъ созданномъ и совершенно опдѣльномъ опъ міра Политическаго. Христіане, копорые спали наконецъ вмѣшивашься въ административныя должности немогли узнать народнаго духа и обычаевъ земли. Пришомъ самое иновѣрство ихъ было невыносимо для Араба еще сохранявшаго энтузіазмъ и непоримосшь. И когда имя Ал-Мамуна повпорялось на устахъ ученыхъ погдашняго вѣка, когда его госпепрїимство привлекало неспрья флаги къ берегамъ Сирійскимъ, власть его внутри Государства спановилась между шѣмъ слабѣе. Житѣли провинцій никогда невидавшіе своего Калифа мало дорожили его именемъ. Военная сила ослабла. Просвѣщеніе обыкновенно спремилось изъ Багдада, какъ изъ центра, уменьшаясь и угасая по мѣрѣ приближенія къ опдаленнымъ границамъ. На границахъ Арабы еще сохраняли свой первый періодъ. На грани-

цахъ спояли войска еще полные фанатизма, еще спремившіеся огнемъ и мечемъ водружашь въру Магомена. Сильные эмиры ихъ почувспвовавши слабоспъ связи Багдада, думали о независимоспи и Ал-Мамунъ уже при жизни своей видѣлъ оппорженіе Персіи, Индіи и дальнихъ Провинцій Африки. Но можешъ бышь все эпо невѣрное направленіе админиспращіи было бы еще исправимое зло, если бы Ал-Мамунъ, непросперъ уже слишкомъ далеко своей любви къ испиннѣ. Онъ захошѣлъ бышь религіознымъ реформашоромъ своей націи. Исполненный ума чысно шереопическаго, будучи выше суевѣрій и предразсудковъ, будучи ближе познакомленъ съ нѣкощорыми догмами Хриспціансипва нежели его предшеспвенники, онъ немогъ невидѣть всѣхъ безчисленныхъ прошиворѣчій, пламенныхъ неспоспей, кощорые вырывались всемѣспно въ поспановленіяхъ изспупленнаго Творца Корана. Онъ рѣшился очиспннѣ и преобразовашь священную книгу Магомешанъ и въ шо самое время, когда еще всѣ низшія Государспвенныя спупени, вся чернь была увѣрена что она принесена съ Неба и когда усомнишься въ маловажномъ поспановленіи ея, уже счи-

палось величайшимъ пресупленіемъ. Полу-греческой образъ мыслей Ал-Мамуна чуждался совершенно, слѣпаго энтузіазма его подданныхъ. Первымъ шагомъ къ образованію своего народа онъ почиталъ истребленіе энтузіазма, того энтузіазма кошорый соспавилъ существованіе народа Аравійскаго, того энтузіазма, кошорому онъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ развитіемъ и блестящею эпохою, подорвашъ кошорый, значило подорвашъ полипическій соспавъ всего Государства. Ему нелѣпѣ несообразнѣе всего казался Магомешовъ рай, куда Арабъ переносилъ всю чувспенную земную жизнь свою, жизнь назначенную для наслажденія и сладоспращія. Но Ал-Мамунъ не принялъ въ соображеніе того, что эпо поспановленіе изверглось изъ огненнаго Аравійскаго климаша, изъ огненной Природы Араба. Что эпошъ рай для Магомешанина еспъ великій оазъ среди пустыни его жизни, что надежда въ эпошъ рай одна шолько заспавляла чувспеннаго Араба шерпѣливо сноешъ бѣдноспъ, припѣсненіе, подавляшъ въ душѣ своей зависпъ при видѣ упоающаго въ роскоши сибарша. Мысль, что и онъ будешъ наконецъ находишъся среди Гурій,

среди роскоши, превышающей роскошь земныхъ владыкъ — одна могла бытъ доступна для такой чувствительности и цвѣтиспособности воображенія, какими природа надѣлила Араба, и что можешь бытъ съ дальнѣйшимъ только развишемъ его могла нечувствительно очистишься его вѣра. Но Ал-Мамунъ неоспигалъ Азіятской природы своихъ подданныхъ.

Можно себѣ представишь силу негодованія многочисленнаго класса народа, когда распространились вѣсти о преобразованіяхъ Калифовыхъ. Какъ долженъ былъ приняшь это народъ, который уже за одно покровительство Христіанамъ, и привязанность къ иностранцамъ обвинялъ гласно Калифа въ Мошализмъ, или ереси. Грубая толпа прежнихъ точныхъ исполнителей Корана, жестокимъ упорствомъ своимъ наконецъ заставила Калифа взяться за оружіе. И благородный великодушный Ал-Мамунъ, проникнувшій истинною любовію къ человечеству явился гонителемъ своихъ подданныхъ. Гонимъ своимъ онъ воскресилъ опять въ Арабахъ дикой фанатизмъ, но уже нешопъ фанатизмъ, который сдвинулъ прежде кочевыхъ обитателей Аравіи въ одну

массу — онъ произвелъ оппозиціонный фанатизмъ, копорый разперзалъ массу, копорый посягалъ плевелы въ нѣдрахъ государсшва, копорый разбудилъ дикія страсши Араба, копорый далъ ножъ и ядъ ненависши въ руки изсшупленныхъ послѣдовашелей Ислама, копорый произвелъ множешво ослѣпленныхъ секшъ и ужаснѣ всего секшу Кармашіановъ долго еще свирѣпшвовавшую подъ именемъ Сирійскихъ Убійцъ, во время Крешповыхъ Походовъ. Среди волненій, оказывавшихся въ разныхъ концахъ государсшва, среди смущъ и паршій, разсыпая одною рукою благодѣянія и милосши на школы, фабрики, искуспва, поражая другою непокорыхъ, изсшупленныхъ подданныхъ, умеръ благородный Ал-Мамунъ. Умеръ не понявъ своего народа, непоняшый своимъ народомъ. Во всякомъ случаѣ онъ далъ поучительный урокъ. Онъ показалъ собою Государя, копорый при всемъ желаніи блага, при всей кропосши сердца, при самооптверженіи и необыкновенной спрашши къ наукамъ, былъ между прочимъ невольною одною изъ главныхъ, пружинъ уско-рившихъ паденіе государсшва.